**Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российский государственный университет правосудия
имени В.М. Лебедева»
Северо-Кавказский филиал**

# ТОЛКОВАНИЕ ПРАВА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

**Сборник научных статей**

Краснодар
2026

УДК 34
ББК 67
Т52

***Рецензенты:***

***О.Б. Купцова**, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И, Лобачевского», кандидат юридических наук, доцент;*

***Е.С. Зайцева**, начальник кафедры теории и истории государства и права ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», доктор юридических наук, доцент.*

Т52 **Толкование права: проблемы и перспективы:** сборник научных статей / Отв. ред. В.В. Ковалева, Х.М. Лукожев. – Краснодар: Издательский Дом – Юг, 2026 – 147 с.

ISBN 978-5-91718-812-6

В настоящем издании представлены статьи участников Всероссийской научно-практической конференции «Толкование права: проблемы и перспективы», состоявшейся 20 февраля 2025 г. в Северо-Кавказском филиале ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева». Сборник содержит статьи, в которых рассмотрены различные аспекты толкования права в исторической ретроспективе и в современных условиях развития общества.

Сборник научных статей рекомендуется для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов, практикующих юристов, а также для всех интересующихся проблемами толкования права.

ББК 67
УДК 34

ISBN 978-5-91718-812-6

© Коллектив авторов, 2026
© Оформление ООО «Издательский Дом – Юг», 2026

## ОГЛАВЛЕНИЕ

**Гучинова Л.А.**
Язык судопроизводства в контексте Конституции РФ:
правовые и лингвистические аспекты ..... 5

**Дарда А.В.**
Юридическая природа судебного толкования ..... 13

**Жане А.Н.**
Эволюция толкования правовых норм народов
Северного Кавказа в XIX веке ..... 20

**Илюшников Д.С.**
Толкование права: понятие, принципы ..... 31

**Карнаушенко Л.В.**
Толкование права в рамках постклассического правопонимания .... 42

**Ковалева В.В.**
Толкование права в условиях технологической
трансформации общества ..... 63

**Крайнова Н.А.**
Понятие ресоциализации и практическое значение
его пенологического толкования ..... 68

**Карапетян Л.А.**
Доктринальное толкование в начале XX в. ст. 4
Основных Государственных законов новой редакции 1906 г.:
к вопросу о концепции П.Е. Казанского ..... 81

**Лукожев Х.М.**
Толкование координации и взаимодействия
в уголовном судопроизводстве ..... 89

**Мартыненко Б.К. Матюшенко К.Б.**
Генезис толкования права ..... 96

**Микуленок Ю.А.**
Толкование права в Советской России в 1920-е гг. ..... 105

**Тушканов И.В.**
Правовое регулирование и практика толкования права
в России XIX – начала XX вв. ..... 113

**Савченко В.Н.**
Толкование понятия «субъект предпринимательской
деятельности» в уголовном судопроизводстве ..... 121

**Стус Н.В.**
Судебное толкование и права человека:
баланс между законом и справедливостью ..... 129

**Стус А.А.**
Искусственный интеллект в правовой интерпретации:
возможности и вызовы ..... 142

**Гучинова Лалина Асланбековна**
Четвертый кассационный суд общей юрисдикции
помощник судьи
lalina.guchinova@mail.ru

# Язык судопроизводства в контексте Конституции Российской Федерации: правовые и лингвистические аспекты

**Аннотация.** В настоящей статье рассмотрены правовые и лингвистические основы реализации конституционного принципа языка судопроизводства на основе анализа действующего законодательства, как гаранта обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина при осуществлении правосудия в правовом государстве, а также их защиты. Проведено сравнительное обозрение нормативных правовых актов субъектов Северо-Кавказского федерального округа на предмет содержания положений, затрагивающих порядок реализации конституционного принципа языка судопроизводства с учетом признака их многонациональности.

**Ключевые слова:** государство, гражданин, конституция, русский язык, переводчик, субъект, судебная защита прав и свобод, язык судопроизводства.

Современное конституционное устройство государства не может быть реализовано без учёта основных положений Конституции Российской Федерации, согласно которым человек, его права и свободы признаются высшей ценностью в государстве, а также без признания государством своей обязанности по их признанию, соблюдению и защите.

Рассматривая вопрос защиты прав и свобод человека и гражданина М.В. Мархгейм отмечает, что «Конституция РФ своей ст. 2 отразила волю государства, взявшего на себя обязанность защищать права и свободы человека и гражданина. Такой ориентир должен прослеживаться в деятельности всех властных структур, что конгруэнтно ст. 18 Конституции РФ. Это способствует оформ-

лению и реализации конституционной функции российского государства – защищать права и свободы человека и гражданина»[1].

С позицией автора несомненно следует согласиться, поскольку закрепление в основном законе государства системы конституционных прав и свобод человека и гражданина не будет в достаточной степени эффективным без создания действенного механизма, который реально обеспечит их гарантированность и защиту.

В соответствии с ч.1 ст. 46 Конституции Российской Федерации такого рода механизмом выступает гарантия судебной защиты нарушенных прав и свобод человека и гражданина.

Закрепление в ч. 3 ст. 123 основного закона государства принципов состязательности и равноправия сторон при осуществлении судопроизводства подразумевает под собой обеспечение равных условий на доступ к правосудию.

По мнению В.М. Лебедева и Т.Я. Хабриевой, «основополагающие идеи, направленные на защиту прав и интересов человека и гражданина при осуществлении правосудия, нашли свое отражение в рамках специальных принципов судебной власти. Они выражаются прежде всего через процессуальные принципы, или принципы судопроизводства»[2]. Среди ряда прочих, авторы относят к такого рода принципам принцип национального языка судопроизводства.

Как отмечают Д.Х. Валеев, А.Г. Нуриев, Р.В. Шакирьянов, «принцип национального языка судопроизводства относится к основополагающим, организационно-функциональным принципам судопроизводства, вытекающим из федеративного устройства российского государства, реализует на практике указанные выше положения ст. 26 Конституции РФ и обеспечивает гражданам равноправие в языковой сфере судопроизводства»[3].

---

[1] Мархгейм М.В. Конституционная система защиты прав и свобод человека и гражданина в России / М. В. Мархгейм; Под редакцией Ю.М. Прусакова. – Москва: Московский гуманитарный университет, 2004. – С. 4.

[2] Правосудие в современном мире: монография / В.И. Анишина, В.Ю. Артемов, А.К. Большова и др.; под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. М.: Норма, Инфра-М, 2012. 230 с.

[3] Валеев Д.Х., Нуриев А.Г., Шакирьянов Р.В. Практические и доктринальные проблемы применения государственных языков субъектов Российской Федерации в процессуальных отраслях права на примере гражданского судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 3. С. 16 - 23.

Увертюра исторических событий минувших лет, а также протекающие в обществе трансформационные процессы постсоветского периода, определили состав современного российского государства как многонационального, что определено также содержанием преамбулы основного закона российского государства.

Обратившись к открытым сведениям, размещенным на официальной сайте Федеральной службы государственной статистики в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», по итогам проведенной в 2020 году Всероссийской переписи населения, список национальностей на территории Российской Федерации насчитывает 145 групп и 49 входящих в них подгрупп[1].

Приведенные статистические данные позволяют прийти к выводу об особой значимости реализации судебной защиты прав и свобод представителей многонационального народа, проживающего на территории российского государства, с учетом его языковых особенностей.

Таким образом, гарантированная ст. 123 Конституции Российской Федерации состязательность судебного процесса требует создания условий, обеспечивающих лицам, участвующим в судебном разбирательстве, возможности беспрепятственного языкового взаимодействия с судом и между собой.

По словам председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина, «Конституция – это ядро всей правовой системы России, "вершина пирамиды", под которую подходят все другие акты и ветви власти»[2].

Изложенное позволяет постановить вывод об основополагающей роли Конституции Российской Федерации при разрешении вопросов, затрагивающих в том числе языковую составляющую процесса осуществления судопроизводства.

---

[1] Гучинова Л. А. Конституционные основы языковой политики в судебной системе Российской Федерации / Л.А. Гучинова // Конституционализм: симбиоз науки и практики: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста России, доктора юридических наук, профессора Н.В. Витрука, Белгород, 15 ноября 2024 года. – Белгород: ООО "ГиК", 2024. – С. 169-174.

[2] «Зорькин В.Д. назвал Конституцию реально действующим правовым инструментом» Официальный интернет портал информационного агентства РИА новости // https://ria.ru/20231212/konstitutsiya-1915352912.html

В данной связи обратимся к содержанию отдельных ее положений, детерминирующих заложенный законодателем механизм реализации и действия принципа языка судопроизводства.

В ст. 26 названного документа провозглашено право каждого на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, а также обучения и творчества.

В качестве меры искоренения возникновения межнациональных конфликтов на языковой почве законодателем в ст. 29 закреплен запрет на пропаганду социального, расового, национального, религиозного и в том числе языкового превосходства.

В первоначальной редакции ст. 68 Конституции провозглашала русский язык в качестве государственного языка Российской Федерации на всей ее территории.

Однако в дальнейшем в связи с принятием Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» в часть 1 статьи 68 Конституции были внесены изменения, одобренные в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 года. Так, согласно действующей в настоящее время редакции приведенной нормы, русский язык провозглашен в качестве государственного на всей территории Российской Федерации, как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации[1].

Отметим, что включение в содержание основного закона государства названного в достаточной степени обширного значения русского языка было совершено с целью указания его предопределяющей роли как языка, способствующего обеспечению взаимопонимания между многонациональными культурами в российском государстве и укреплению межнациональных связей между народами.

[1] Гучинова Л.А. Конституционные основы языковой политики в судебной системе Российской Федерации / Л. А. Гучинова // Конституционализм: симбиоз науки и практики: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста России, доктора юридических наук, профессора Н.В. Витрука, Белгород, 15 ноября 2024 года. – Белгород: ООО "ГиК", 2024. – С. 169-174.

В ч. 2 рассматриваемой ст. 68 Конституции Российской Федерации провозглашено право республик устанавливать свои государственные языки на территории субъекта.

Как правило, государственными языками согласно конституциям республик признается русский язык и наравне с ним язык титульной нации.

В данной связи обратимся к содержанию ч. 3 ст. 118 Конституции Российской Федерации, согласно которой судебная система Российской Федерации устанавливается Конституцией Российской Федерации и федеральным конституционным законом от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации».

Из содержания названного федерального конституционного закона отметим нормы, регламентирующие порядок закрепления и механизм реализации рассматриваемого нами принципа языка судопроизводства на разных уровнях приведенной системы.

Так, в силу ч.1 ст. 10 названного нормативно - правового акта, судопроизводство и делопроизводство в Конституционном Суде Российской Федерации, Верховном Суде Российской Федерации, кассационных судах общей юрисдикции, апелляционных судах общей юрисдикции, арбитражных судах, военных судах осуществляются на государственном языке Российской Федерации - на русском языке.

Одновременно приведенной нормой предусмотрено, что судопроизводство и делопроизводство в других федеральных судах общей юрисдикции могут вестись также на государственном языке республики, на территории которой находится суд.

В ч. 2 рассматриваемой статьи также упомянуто о реализации названного механизма при осуществлении правосудия у мировых судей, согласно которому судопроизводство и делопроизводство у мировых судей и в других судах субъектов Российской Федерации ведутся на русском языке либо на государственном языке республики, на территории которой находится суд.

Механизм реализации провозглашенной в ч. 1 и 2 рассматриваемой статьи возможности осуществления правосудия на государственном языке республики закреплен в ч. 3 рассматриваемой нормы и провозглашает право лиц, участвующих в процессе отправления правосудия, и не владеющих языком судопроизвод-

ства, выступать и давать объяснения на родном языке либо на любом свободно избранном языке общения, а также пользоваться услугами переводчика.

Отметим, что аналогичные нормы и гарантии закреплены законодателем в ст. 18 Закон РФ от 25.10.1991 № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации».

Дублирующие друг друга идентичные нормы в законах и федеральных конституционных законах о реализации принципа языка судопроизводства свидетельствуют о единстве государственной политики в названном русле, направленной в первую очередь на реализацию установленного Конституцией Российской Федерации курса на защиту признанных высшей ценностью прав и свобод человека и гражданина от нарушений, в том числе путем реализации судебного порядка защиты, с предоставлением соответствующих закрепленных законом гарантий.

Для примера реализации закрепленного механизма обратимся к содержанию конституций некоторых республик Северо-Кавказского федерального округа. Например, согласно ст. 10 Конституции Чеченской Республики, принятой на референдуме 23.03.2003 года, государственными языками в Чеченской Республике являются чеченский и русский языки.

Ч. 2 ст. 99 названного документа провозглашает, что судопроизводство в данном субъекте осуществляется на русском языке, а у мировых судей ведется на русском языке либо на чеченском языке.

Конституция Кабардино-Балкарской Республики, принятая Парламентом КБР 01.09.1997 г., в ч. 1 ст. 76 провозглашает в качестве государственных языков кабардинский, балкарский и русский.

Обратим внимание на то, что основной закон Кабардино-Балкарской Республики не содержит упоминания о языке или языках, на которых допустимо осуществление процедуры судопроизводства. Однако Советом Республики Парламента КБР 28.12.1994 г. принят Закон Кабардино-Балкарской Республики от 16.01.1995 г. № 1-РЗ «О языках народов Кабардино-Балкарской Республики», в силу ст. 15 которого судопроизводство и делопроизводство в судах, делопроизводство в правоохранительных и нотариальных органах ведется в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Однако проведенный анализ конституций республик Северного Кавказа показал, что существуют республики, в основном законе

которых закреплено более трех государственных языков. К таким субъектам относится, например, Карачаево-Черкесская Республика.

Как следует из содержания ч.2 ст. 11 Конституции Карачаево-Черкесской Республики, принятой Народным Собранием КЧР 05.03.1996 г., государственными языками в Карачаево-Черкесской Республике являются абазинский, карачаевский, ногайский, русский и черкесский.

Отличительной чертой данной конституции по сравнению с рассмотренными ранее является то, что в части 2 указанной нормы содержится положение о том, что русский язык является языком межнационального общения и официального делопроизводства в Карачаево-Черкесской Республике.

Кроме того, в соответствии с частью 2 статьи 103 конституции, русский язык также является языком судопроизводства. Участвующим в деле лицам, не владеющим языком судопроизводства, обеспечивается право ознакомления с материалами дела и участия в процессуальных действиях вместе с переводчиком, а также право выступать в суде на родном языке.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что при необходимости процесс отправления правосудия в республиках в составе Российской Федерации может проходить на государственном языке или одном из государственных языков республики.

В завершение подчеркнем, что реализация языковой политики, в частности принципа языка судопроизводства на территории российского государства и входящих в его состав субъектов должна происходить с учетом культурных, этнических особенностей проживающего на ее территории многонационального народа, каждый из которых отличается особенностями и уникальностью исторического пути развития и своей самобытностью.

Безусловно, закрепленные в Конституции Российской Федерации и принятом в ее исполнение нормативно-правовом массиве федеральных и федеральных конституционных законов нормы направлены на обеспечение надлежащего осуществления правосудия, а соблюдение принципа языка судопроизводства, с учётом особенностей его применения в каждой территориальной единице государства, тесно связано с реализацией провозглашённых принципов состязательности и гласности судебного процесса в многонациональном государстве.

## Список использованных источников


1. Гучинова Л.А. Конституционные основы языковой политики в судебной системе Российской Федерации / Л.А. Гучинова // Конституционализм: симбиоз науки и практики: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста России, доктора юридических наук, профессора Н.В. Витрука, Белгород, 15 ноября 2024 года. – Белгород: ООО "ГиК", 2024. – С. 169-174.
2. Мархгейм М.В. Конституционная система защиты прав и свобод человека и гражданина в России / М. В. Мархгейм; Под редакцией Ю.М. Прусакова. – Москва: Московский гуманитарный университет, 2004. – 313 с.
3. Правосудие в современном мире: монография / В.И. Анишина, В.Ю. Артемов, А.К. Большова и др.; под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. М.: Норма, Инфра-М, 2012. 704 с.
4. «Зорькин В.Д. назвал Конституцию реально действующим правовым инструментом» Официальный интернет портал информационного агентства РИА новости// https://ria.ru/20231212/konstitutsiya-1915352912.html
5. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) «О судебной системе Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
6. Конституция Чеченской Республики (принята на референдуме 23.03.2003) (ред. от 05.07.2024) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
7. Конституция Карачаево-Черкесской Республики (принята Народным Собранием КЧР 05.03.1996) (ред. от 31.05.2022) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.01.2023) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
8. Конституция Кабардино-Балкарской Республики от 01.09.1997 № 28-РЗ (принята Парламентом КБР 01.09.1997) (ред. от 11.05.2022) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
9. Закон Кабардино-Балкарской Республики от 16.01.1995 № 1-РЗ (ред. от 24.04.2014) «О языках народов Кабардино-Балкарской Республики» (принят Советом Республики Парламента КБР 28.12.1994) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

**Дарда Алексей Владимирович**
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин
Северо-Кавказского филиала
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный университет
правосудия имени В.М. Лебедева»
aldar72@yandex.ru

# Юридическая природа судебного толкования

**Аннотация.** Статья посвящена анализу основных подходов к определению судебного толкования, его признаков и юридической природе, а также его влиянии на правоприменительный процесс. Автором обозначены характерные черты интерпретационных актов, раскрыта их сущность, положительные и отрицательные стороны, а также их влияние на правоприменение.

**Ключевые слова:** толкование права, судебное толкование, правоприменение, пробелы в праве, интерпретационные акты.

Наиболее ответственной стадией правоприменительной деятельности судебных органов является толкование применяемых ими правовых норм в целях разрешения конкретных жизненных ситуаций. Судебное толкование во все времена вызывало неподдельный интерес и исключительную актуальность в теоретическом и в практическом преломлении.

Подвергнув исследованию мнения и точки зрения современной науки можно прийти к умозаключению о том, что в отношении судебного толкования имеются разнообразные правовые позиции. Их анализ позволяет констатировать наличие трех подходов к определению сущности судебного толкования:

- представители первого подхода воспринимают судебное толкование как определенную разновидность официального толкования.

- согласно мнениям сторонников второго подхода судебное толкование есть способ выработки правовых положений обязательных для правоприменительной практики, которым характерны все признаки нормы права.

- третий подход воспринимает судебное толкование как результат творческой деятельности, способный порождать нормы права, обладающие обязательностью исполнения.

По мнению А.В. Аверина главным предназначением судебного правоприменения служит устранение пробелов в праве, а также разрыва между правом и реалиями жизни государства и общества, их сближение, и как следствие формирование определенного правового поля, необходимого для нормального функционирования государства и общества[1].

Л.А. Морозова в своих трудах говорит, что «судебное толкование нормы права есть разъяснение смысла норм права, осуществляемое судами. Оно направлено на правильное и единообразное применение закона в деятельности судом и обязательно для них»[2].

А.И. Рулёв определяет судебное толкование права как «выявление смысла правовой нормы, осуществляемое органом судебной власти в ходе процедуры судопроизводства»[3]. При этом автором акцентируется внимание на наличие особенных черт судебного толкования в виде специального субъекта – суда (судьи), основание данной деятельности – судебное дело и саму процедуру – регламентированную процессуальную деятельность судьи.

З.И. Магомедова отражая свое мнение в отношении категории судебное толкование, говорит о том, что это «самостоятельный способ (возможность) преодоления пробела в праве». Ему присущи такие особенности как процессуальное ограничение в отношении судьи по интерпретации нормы права, формальное закрепление результатов толкования в правоприменительном акте, а также возможность по реализации судейского усмотрения[4].

Судебное толкование, по мнению П.А. Гук, есть не что иное, как мыслительный процесс судьи (судей) по выявлению, раскрытию воли законодателя в принятом им законе, норме права и фор-

---

[1] Аверин А. В. Судебное правоприменение и формирование научно-правового сознания судей (проблемы теории и практики): дис. д-ра юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 2004.

[2] Морозова Л.А. Теория государства и права: учебник. – М.: Юристъ, 2004. – С.303.

[3] Рулёв А. И. Судебное толкование права в механизме защиты прав и свобод человека: проблемы теории и практики: дис. канд. юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 2009.

[4] Магомедова З. И. Судебное толкование норм российского права при рассмотрении судами общей юрисдикции наследственных споров: дис. канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2010.

мулировке наиболее точного их смысла с закреплением результата толкования в судебном акте[1].

Фактическое уяснение воли законодателя при реализации судебного толкования может иметь место, только если исследованию подвергается действующие законы или подзаконные правовые акты. Если же речь идет об интерпретации правоприменительных актов или нормативных договоров в таком случае принципиальное значение имеет воля и направленность интересов участников, формирующих данные правовые акты. Объектом интерпретации может быть любое формально определенное правовое положение, в связи с чем результат судебного толкования не во всех случаях оформляется судебным актом и может иметь устную форму.

Подводя промежуточный итог сказанному, можно утверждать, что под судебным толкованием понимается осуществляемая в особых процессуальных формах и в рамках конкретных жизненных обстоятельств интеллектуальная деятельность судьи по уяснению смысла конкретной правовой нормы в рамках определенного дела. Основной задачей данной деятельности является разрешение конкретной жизненной ситуации и устранение пробелов в действующем праве.

Итоговым результатом судебной интерпретации является акт судебного толкования, который завершает процесс рассмотрения в отношении конкретной ситуации.

В Российской Федерации исключительным правом судебного толкования обладают Верховный суд РФ и Конституционный суд РФ. Каждая из высших судебных инстанций реализует данную деятельность с учетом своих специальных полномочий и особенностей. Правовые позиции, формируемые при этом, оказывают огромное значение на дальнейший правоприменительный процесс всей правоохранительной системы страны.

В соответствии со ст. 125 Конституции РФ Конституционный суд РФ в процессе своей деятельности осуществляет проверку нормативных актов на предмет соответствия Конституции РФ нормативных актов; разрешения споров о компетенции между органами государственной власти; проверку конституционности законов,

[1] Гук П.А. Судебное толкование норм права // Журнал российского права. – 2016. – № 8. – С.75.

применённых или подлежащих применению в конкретном деле; по запросам государственных органов и должностных лиц[1].

Таким образом, можно прийти к умозаключению о том, что Конституционный суд РФ, в рамках имеющихся у него полномочий имеет возможность осуществлять судебное толкование исключительно только в рамках подсудных ему дел.

Верховный суд РФ обладает полномочием по изданию Постановления Пленума ВС РФ, основной функционал которых сводится к анализу и обобщению всей судебной практики для обеспечения единообразного правопонимания и правоприменения. Постановления Пленума ВС РФ не обладают статусом нормативного правового акта, однако, в них содержатся разъяснения основной сути определенной нормы права и особенности ее применения в «типовых» ситуациях.

Как уже говорилось ранее, в настоящее время судебное толкование в большинстве своем ассоциируется в качестве современного инструмента, направленного, прежде всего, на обеспечение единообразного восприятия существующих правовых процессов и явлений и, как следствие, их дальнейшего схожего правоприменения. Параллельно с этим реализуется не менее важная, на наш взгляд, функция по профилактике и возможному искоренению встречающихся в ходе интерпретации пробелов в праве и, конечно же, проводится работа по недопущению возможных правоприменительных ошибок.

Наиболее часто встречаемым видом судебных актов являются акты толкования. Данные акты, по мнению П.Е. Недбайло, не способны вызывать конкретных правоотношений и новых правовых норм в себе не содержат[2]. А вот С.С. Алексеев считает, что по содержанию интерпретационные акты смело можно относить к особым видам правовых актов[3].

Такое многообразие подходов к пониманию юридической природы актов судебного толкования может спровоцировать определенные затруднения в процессе правоприменения.

В настоящее время представители науки и практики активно исследуют вопрос о признании актов судебного толкования в ка-

---

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. [с учетом поправок] // СЗ РФ. – 2020. – №27. – Ст. 4765.

[2] Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. М.: Госюриздат, 1960. – С. 488.

[3] Алексеев С.С. Теория права. М., 1995. – С. 260.

честве формы права. Подобное положение дел может спровоцировать затруднения, связанные с пониманием категорий правоприменения и правотворчества, толкования права и конкретизации.

Правовая позиция Верховного Суда Российской Федерации представляет собой обобщенный подход, направленный на разрешение определенного правового вопроса. В основном в ее содержание входят совокупность определенных суждений, зародившихся в процессе интеллектуально-волевой деятельности судьи, которые направлены на наиболее точное толкование конкретных правовых положений. Как правило, в основе данных позиций лежит толкование правовых норм, которые были применены при разрешении конкретных спорных правовых ситуаций.

Разъяснения Пленума Верховного суда Российской Федерации состоят из основополагающих положений, основное функциональное назначение которых состоит в конкретизации и максимальной детализации правовых норм, а также восполнение и преодоление выявленных при правоприменении пробелов в праве.

В настоящее время можно выделить различные точки зрения, определяющие юридическую природу Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации:

1) как интерпретационный акт;

2) как судебный прецедент;

3) как подзаконный нормативный правовой акт.

По мнению В.М. Лебедева постановления Пленума ВС РФ имеют нормативный, а не прецедентный характер и занимают место подзаконного источника, принимаемого и основанного на законе. По его мнению решения судов высшей инстанции выступают как вторичные источники права, так как свои решения они основывают на действующих правовых нормах, в связи с чем не могут признаваться первоисточниками[1].

Представители науки и практики, по мнению которых решения высших судебных инстанций можно смело воспринимать в качестве источников права, аргументами своей позиции считают наличие особых признаков, направленных не только на интерпретацию, но и на порождение абсолютно новых правовых норм,

[1] Лебедев В.М. Судебная власть в современной России: проблемы становления и развития. СПб., 2001. – С.214.

способных служить основанием к принятию дальнейших решений другими судебными органами.

Заслуживает особого внимания позиция В.М. Жуйкова, согласно которой современная практика Верховного суда Российской Федерации смело может восприниматься в качестве источника права, используя который судебные органы всех уровней при принятии правоприменительных решений, могут ссылаться на него как на нормативный акт. По мнению В.М. Жуйкова подобные решения Верховного суда Российской Федерации должны восприниматься и использоваться исключительно как полноценный источник права вплоть до появления соответствующего законодательного акта, направленного на регламентацию данной группы общественных отношений[1].

Юридическую природу актов судебного толкования определяют следующие признаки:

- принимаются в строго определенном порядке и закрепляют итоговый вариант официальной интерпретации;

- порождены с целью регулирования общественных отношений, однако существуют исключительно только как единое целое с нормативными правовыми актами, которые они разъясняют;

- не способствуют появлению новых норм права и тем более не могут вносить изменения в систему уже действующего права.

Юридическая природа актов судебного толкования состоит в том, что акты судебного толкования фактически представляют итоговый результат интерпретации и состоят из основных разъяснений содержания правовых норм. Подобные акты следуют за толкуемым актом и не могут инициировать появление или изменение уже действующих норм права и, как правило, принимаются с целью разрешения определенных жизненных ситуаций.

Таким образом, главной функцией судебного толкования выступает разъяснение действующих норм, а не порождение новых правовых норм. Именно поэтому акт толкования дает важное для правоприменителя разъяснение, в котором содержится основная информация о правовой норме.

---

[1] Жуйков В.М. К вопросу о судебной практике как источнике права // Судебная практика как источник права: Сборник статей / Б.Н. Топорнин, Э. Серверэн и др. М.: Юристъ, 2000. – С.189.

## Список использованных источников


1. Аверин А.В. Судебное правоприменение и формирование научно-правового сознания судей (проблемы теории и практики): дис. д-ра юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 2004.
2. Алексеев С.С. Теория права. М., 1995.
3. Гук П.А. Судебное толкование норм права // Журнал российского права. – 2016. – № 8.
4. Жуйков В.М. К вопросу о судебной практике как источнике права // Судебная практика как источник права: Сборник статей / Б.Н. Топорнин, Э. Серверэн и др. М.: Юристъ, 2000.
5. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. [с учетом поправок] // СЗ РФ. – 2020. – №27. – Ст. 4765.
6. Лебедев В.М. Судебная власть в современной России: проблемы становления и развития. СПб., 2001.
7. Магомедова З. И. Судебное толкование норм российского права при рассмотрении судами общей юрисдикции наследственных споров: дис. канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2010.
8. Морозова Л.А. Теория государства и права: учебник. – М.: Юристъ, 2004.
9. Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. М.: Госюриздат, 1960.
10. Рулёв А. И. Судебное толкование права в механизме защиты прав и свобод человека: проблемы теории и практики: дис. канд. юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 2009.

**Жане Асиет Нурбиевна**
преподаватель кафедры теории и истории государства и права
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Кубанский государственный университет»
a.zhane31@mail.ru

# Эволюция толкования правовых норм народов Северного Кавказа в XIX веке

**Аннотация**. В статье указаны исследования эволюции обычного права у народов Северного Кавказа в контексте изучения правовых систем и культурных традиций, которые формировались в этом регионе. Отмечено, что правовые обычаи, известные как адаты, играли и продолжают играть ключевую роль в регулировании общественных отношений, несмотря на влияние государственных правовых систем и глобализационных процессов. Данная статья посвящена изучению эволюции толкования правовых норм среди кавказских народов. В статье рассматриваются вопросы родоплеменных отношений, брачно-семейных отношений, а также развитие обычного права в определенных условиях в период Российской империи. Актуальность данной статьи объясняется выросшим в последние годы социальным интересом к истории регионов и коренных жителей Российской Федерации. В статье проанализирована модификация обычного права позволяющая выявить стабильные элементы правовой культуры, которые сохраняются или трансформируются под воздействием внешних факторов, таких как государственная политика, религиозное воздействие и экономические изменения. Это, в свою очередь, способствует лучшему пониманию исторической динамики региона и специфики правового сознания его населения.

**Ключевые слова:** юридические нормы, адат, обычное право, государственный институт, протогосударственные образования, развитие.

На Северном Кавказе на протяжении долгого периода времени обычаи (адаты) обеспечивали и формировали правовые и социальные отношения как внутри общины, так и за ее пределами. Обычное право выполняло важную роль социального регулятора,

обеспечивая порядок общественных связей в северокавказских регионах на протяжении многих столетий.

Исследование истории с точки зрения права, указывает на трансформацию первобытных адатов, которые приобретали юридическую силу с помощью общественных санкций и родовых объединений. Со временем, горские адаты эволюционировали в нормативные положения, защищающие интересы привилегированных граждан.

Природа и эволюция обычного права отражают прежде всего совокупность неписанных правил поведения, которые сложились у кавказских народов в результате их многократного традиционного применения в соответствии санкционированием государственной властью.

Народы Северного Кавказа сформировали свои уникальные традиции для разрешения различных конфликтов, связанных с нанесением физического или материального ущерба. С усложнением родовых структур адаты начали преобразовываться в юридические нормы, обслуживая интересы привилегированных слоев населения. Этот процесс неразрывно связан с переходом от родового строя к протогосударственным объединениям.

Эволюция правовой культуры адатов была обусловлена комплексом социальных и экономических факторов, отражающих общий процесс трансформации традиционного общества в более сложную форму социальной организации.

Стоит отметить основные этапы развития обычного права народов у Северного Кавказа:

– это зарождение коллективной общины. Это определенный начальный этап при котором формируется процесс самоидентификации человека, развитие новых общественных отношений, связанных с коллективными интересами общества. Возникают проблемы власти и управления, появляются определенные табу, а также зарождаются имущественные отношения, регулируемые обычно-правовыми нормами;

– появление совета старейшин, выступающего в виде специализированного судебного органа. Это событие определило факт необходимости письменной фиксации норм обычного права, что в дальнейшем способствовало его систематизации и развитию;

– обособление рода и формирование родовых органов власти стали первичной предпосылкой к классовому расслоению общества. Это показало частичную трансформацию норм обычного права в зарождающееся законодательство, которое защищало интересы правящей верхушки.

– появление государства и его специальных органов вызвало модернизацию всей системы управления обществом и перехода на более прогрессивные формы права. Местные обычаи сохранялись получая широкую сферу применения, так же была осуществлена их систематизация, которая позволяла легко с ними ознакомиться.

– утверждение государственности и правовой трансформации.

На более поздних этапах происходит утверждение современного государства с развитой системой органов власти и управления. Несмотря на приоритет позитивного права, нормы правового обычая продолжали выступать в качестве социального регулятора в тех сообществах, где сохранялся общинный уклад – будь то соседские, крестьянские или этнические общности.

Развитие обычного права демонстрировало способность к адаптации и сосуществованию с более формализованными правовыми системами. Процесс утверждения государственности и позитивного права не означал полного вытеснения обычно-правовых норм. Напротив, происходил своеобразный синтез традиционных и современных правовых элементов, что позволяло сохранять преемственность и культурную идентичность.

В своей работе Ф. И. Леонтович, автор сводов обычного права народов Северного Кавказа, в предисловии к первому выпуску своей работы отметил, что «в правовых нормах кавказских горцев, значительная часть которых все еще находится на стадиях общественного развития сохранились архаичные институты. Эти институты, по своему происхождению и сущности, относятся к тем аспектам общественной культуры, которые характерны для начальных этапов истории всех народов»[1].

До начала XIX века правовая система народов Северного Кавказа основывалась преимущественно на обычном праве (адат)

[1] Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев // Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып.1. – Одесса, 1882.

и религиозных нормах (шариате). Адат представлял собой совокупность устоявшихся обычаев, регулирующих широкий круг общественных отношений: от семейных вопросов до разрешения споров между общинами. Основной характеристикой адата было его устное существование и гибкость, что позволяло адаптировать нормы к определенным обстоятельствам.

Толкование адатов традиционно осуществлялось старейшинами или уважаемыми членами общества, которые обладали знанием обычаев и авторитетом для их применения. Это толкование носило казуистический характер, то есть ориентировалось на конкретные случаи, а не на абстрактные правила. Важно так же отметить, что адат часто сосуществовал вместе с шариатом, однако границы между этими системами не всегда были четкими. В ряде случаев адаты могли противоречить исламским нормам, например, в вопросах кровной мести или брачно-семейных отношений.

Обычное право народов Северного Кавказа, формировавшееся на протяжении многих веков, и сегодня продолжает играть значимую роль в жизни региона.

Древние обычаи, которые передавались из поколения в поколение служили своеобразным – моральным компасом, способствовавшим сохранению самобытной культуры горских народов. Обычное право не только не утратило своей актуальности, но и органично вплетается в современную жизнь. Еще до начала активного вмешательства Российской империи правовые нормы народов Северного Кавказа основывались на традиционных обычаях и религиозных принципах. Эти нормы можно разделить на три основных категории:

– Адыго-абхазское адатное право: у народов, таких как адыги, кабардинцы и абхазы, ключевую роль играли устные нормы адата (обычаев), которые регулировали отношения внутри родов, между общинами, вопросы наследования, собственности, кровной мести и др.

– Шариатское право: среди мусульманских народов (чеченцев, ингушей, дагестанских горцев) наряду с адатом применялись нормы ислама. Шариат регулировал вопросы личного статуса, брака, наследства, религиозных обрядов и морали.

– Комбинированные системы: у многих народов существовала практика использования как адата, так и шариата, что создава-

ло уникальные правовые гибриды, согласующие традиции с религиозными предписаниями.

Правовая эволюция Северного Кавказа в имперский период представляет собой уникальный пример синтеза правовых традиций, где взаимодействие адатского обычного права, мусульманского права и российской правовой системы сформировало сложный феномен правового плюрализма. Этот процесс не был единовременным актом, а представлял собой длительную трансформацию правовых институтов.

Российское государство посредством своей политики систематизации и легализации адата, а также рационализации шариата имперская администрация придала традиционным правовым практикам новое качество - официальный статус и юридическую легитимность.

На протяжении XIX в. адат и шариат претерпевают принципиальные институциональные изменения. Из не официальных регуляторов общественных отношений они превращаются в структурированные нормативные системы, интегрированные в правовое пространство.

Стратегия российской администрации была направлена на достижение нескольких взаимосвязанных целей: обеспечение юридической определенности в регионе, создание стабильного правопорядка и эффективное управление территорией. Адат и шариат сохранили свою культурную идентичность, одновременно трансформировавшись в легитимные правовые инструменты.

Историческая преемственность и взаимовлияние правовых систем на Северном Кавказе демонстрируют сложность и многослойность процессов правовой интеграции в имперский период, где традиционное право не исчезало, а адаптировалось и интерпретировалось в новых исторических условиях.

Ключевой особенностью этого процесса стало сохранение культурной сущности местных правовых норм при их формализации в рамках российской государственно-правовой системы.

Традиционные правовые системы обеспечивали устойчивость социальных отношений, но были фрагментированы и привязаны к локальным условиям, что затрудняло их унификацию.

Изучив основные правовые институты народов Северного Кавказа в XIX веке можно сделать вывод о том, что вне зависи-

мости от влияние мусульманского права и российского законодательства, адатное право играло значимую роль. В некоторых вопросах, таких как заключение брака, нормы адата зачастую превалировали над другими правовыми системами. Например, экзогамные запреты в обычном праве были более строгими, чем в мусульманском праве, распространяясь вплоть до седьмого поколения. Кроме того, адат не допускал с точки зрения моральных ценностей некоторые дозволенные в шариате практики.

Что касается суда у горцев по древним обычаям, суд- это сословная примирительное разбирательство спорящих лиц через избираемых ими судей – посредников. Все дела, возникающие между спорящими можно было разделить на гражданский и уголовные сообразно понятию горцев о преступлениях.

Возбудить дело в рамках адатного судопроизводственного процесса имел право сам истец, который мог быть представлен как потерпевшим, так и любым его родственником. В качестве ответчика выступал обвиняемый или его родственники, важно здесь отметить, что ответственность за возмещение ущерба носила коллективный характер, это является характерной чертой для системы обычного права. Адатное право определяло принцип коллективной ответственности за причиненный ущерб.

Работы А.М Ладыженского позволили проследить ключевые этапы зарождения и эволюции норм обычного права на Кавказе. А.М. Ладыженский выделял две категории судов – адатские и третейские, рассматривая их как разные этапы эволюции судебной системы у народов Северного Кавказа. До прихода российской власти у горцев существовали третейские, или посреднические, суды, функционировавшие на принципах медиации, процветало медиаторское право. В ходе судебных реформ, инициированных российской администрацией, были учреждены постоянные адатские суды, которые стали важной частью нового правопорядка в регионе[1].

В основе судебной практики горских народов лежала система адатного права, регламентировавшая процессуальный порядок разбирательств. Особого внимания заслуживает судебная система Дагестана, где уже в период XV-XVIII вв. существовала практика документальной фиксации судебных решений на арабском языке, что являлось уникальным явлением для того времени. В других

[1] Ладыженский А.М. Адаты кавказских горцев: дис. … докт.юрид.наук. М., 1949.

регионах Северного Кавказа судопроизводство носило преимущественно устный характер, при этом процедурные особенности могли существенно различаться в зависимости от местных традиций.

Анализируя структуру судебного процесса по адату, можно выделить четырехступенчатую систему:

1. инициация процесса начиналась с предъявления претензий истцом;

2. защитная речь обвиняемой стороны

3. слушание свидетельских показаний

4. завершалось все коллегиальным вынесением вердикта путем голосования.

В случае несогласия с судебным решением стороны конфликта имели возможность потребовать повторного разбирательства, при котором формировался новый состав судей. Этот механизм фактически выполнял функцию апелляционной инстанции. Однако если и повторный суд выносил неудовлетворительное для участников решение, дальнейший пересмотр дела не предусматривался. В практике адатного правосудия значительное распространение получил институт очистительной присяги[2]. Судебные решения находились под строгим общественным контролем, а в отношении лиц, отказывавшихся признавать и исполнять постановления суда, применялись различные общинные санкции.

В XIX в. на Северном Кавказе сложились устойчивые нормы, определявшие деятельность адатного суда, который понемногу приобрел четкую организационную форму. В этот период можно наблюдать процесс трансформации неформальных правовых традиций, характерных для местных сообществ, в более упорядоченную судебную систему.

В адатном суде основное внимание уделялось разбору уголовных преступлений, тогда как гражданско-правовые вопросы занимали менее значительное место. Однако в XVIII – первой половине XIX вв. этот судебный институт также разрешал споры, касающиеся обязательственных отношений. Более распространенными делами были иски о возмещении имущественного ущерба, такие дела как о порче сельскохозяйственных угодий в результате выгона скота. В таких случаях землевладелец обращался в аульный суд с требованием компенсировать нанесенные убытки.

Адатный суд строго запрещал потерпевшим самостоятельно мстить обидчику, например, похищать его скот в качестве возмездия[1]. В рамках судебной практики проводилось четкое различие между умышленным нанесением хозяйственного ущерба и вредом, причиненным по неосторожности. Кроме того, земельные споры, начинавшиеся между представителями высших сословий, находили разрешение в рамках адатного судопроизводства.

Земельные споры, возникали при определении границ участков, принадлежащих как отдельным владельцам, так и общинам. В судебных разбирательствах в роли истца или ответчика могли выступать как отдельные лица, так и их семьи, поскольку земельная собственность в большинстве случаев носила семейный характер. Также в процессах нередко участвовали представители общины. Примечательно, что во второй половине XIX века первые попытки Российской империи ограничить применение адатного права затронули в первую очередь уголовные дела. Для надзора за исполнением судебных решений по таким делам местные власти разработали систему контроля, направленную на регулирование адатного судопроизводства.

На следующем этапе российская администрация приступила к постепенному внедрению имперских судебных институтов, что способствовало расширению сферы действия российских правовых норм, прежде всего в области уголовного судопроизводства. Исследователь И.Л. Бабич, изучавший процессы правовых реформ на Северо-Западном и Северо-Восточном Кавказе, отмечает, что, несмотря на определенные ограничения, российская администрация в целом сохранила функционирование адатных судов в их прежнем и полном объеме[1].

Адатные суды сохранили за собой юрисдикцию в разбирательстве дел, связанных с нанесением имущественного ущерба или физического вреда, продолжая опираться на нормы традиционного уголовного права. В то же время российская администрация установила контроль над их правоприменительной практикой на Северо-Западном и Северо-Восточном Кавказе: вся судебная документация о деятельности адатных судов передавалась в местные административные и судебные органы для анализа и надзора.

---

[2] Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. 2.

[1] Бабич И. Л. Эволюция правовой культуры адыгов. М., 1999.

Такой механизм позволял плавно интегрировать традиционные судебные институты в складывающуюся российскую правовую систему у кавказских народов, одновременно сохраняя элементы обычного права и традиционные методы разрешения споров.

Так же урбанизация, развитие государственных институтов и проникновение имперского права ослабляли роль старейшин и других традиционных институтов, отвечавших за применение обычного права. Не менее важной проблемой была постепенная эрозия традиционных механизмов применения обычного права в связи с социально-экономическими трансформациями региона.

В целом, эволюция толкования обычного права у народов Северного Кавказа была сложным и противоречивым процессом, развитие обычного права происходило в условиях кардинальных социальных, политических и культурных преобразований, которые затронули все сферы жизни местных народов. Определенные трансформации, с одной стороны, способствовали адаптации традиционных правовых норм к новым реалиям, а с другой – порождали конфликты и противоречия между старым и новым укладом. Можно сделать вывод, что адаты имеют значимое место в понимании развития общественных отношений и правовых систем на Северном Кавказе.

Адаты представляют собой уникальный источник информации о трансформации родового общества в протогосударственные образования. Анализируя эти древние правовые нормы, мы можем проследить, как традиционные институты и обычаи постепенно эволюционировали и адаптировались к новым условиям.

Было опубликовано множество работ, посвященных изучению истории норм обычного права в брачно-семейных и наследственных отношениях. Особенно можно выделить монографию Я.С. Смирновой, в которой по этнографическим источникам разбирается эволюция норм адата и шариата в части наследования и раздела имущества после развода супругов на протяжении более 100 лет на Северном Кавказе[1].

Особенно интересным представляется тот факт, что государственная власть, формировавшаяся на основе родовой системы, на начальных этапах своего развития сохраняла многие черты прежней организации. Это свидетельствует о преемственности и взаимосвязи между различными стадиями общественного развития. Древнее право

[1] Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. М., 1983.

было записью обычаев родового строя, но уже содержало в себе элементы позитивного законодательства. Институты кровной мести и ее выкупа, изначально возникшие в рамках родового общества, постепенно трансформировались в инструменты социальной эксплуатации, учитывавшие сословную принадлежность участников конфликта.

Кодификация адатов, начатая в 1860-е годы, часто лишала их гибкости. Например, нормы, которые в устной традиции могли варьироваться в зависимости от конкретных обстоятельств, стали фиксированными, что иногда приводило к правовым конфликтам.

Столкновение традиционного права кавказских народов с правовой системой Российской империи было явлением нередким, что способствовало возникновению правового плюрализма и требовало постоянной адаптации адатных норм к новым реалиям. Еще одной сложностью выступала фрагментированность обычного права, проявлявшаяся не только на уровне отдельных этнических сообществ, но и внутри родовых объединений. В результате каждая группа придерживалась собственных правовых традиций, что значительно осложняло процесс формирования единой правовой системы в масштабе всего региона.

После принятия российского подданства, большинство народов Северного Кавказа в начале практически не сталкивались с серьезным вмешательством со стороны российской администрации в их общинную жизнь. Лишь к концу XVIII века российские власти предприняли первые шаги по реформированию судебных традиций адыгов. Толкование права в этот период стало более сложным. Если ранее старейшины опирались исключительно на адат, то теперь они должны были учитывать требования российских властей. Например, кровная месть, традиционно регулируемая адатом, была запрещена российским законодательством, что создавало конфликт между местными традициями и требованиями центральной власти. В таких условиях толкование права становилось не только юридическим, но и политическим процессом.

Таким образом, всестороннее изучение горских адатов открывает перед исследователями широкие перспективы для более глубокого понимания исторических процессов, происходивших на Северном Кавказе. Анализ этих правовых норм позволяет проследить эволюцию социальной организации, развитие правовых институтов и трансформацию культурных традиций в регионе. Кроме того,

адаты являются ценным источником для реконструкции процессов перехода от родовых отношений к более сложным и структурированным формам общественного устройства.

Не вызывает сомнений, что дальнейшее исследование адатов имеет огромное значение для исторической науки и может существенно обогатить наши знания о прошлом Северного Кавказа. Этот уникальный пласт правовой культуры заслуживает самого пристального внимания со стороны ученых-кавказоведов и специалистов в области истории права. Только через глубокое и всестороннее изучение адатов мы сможем приблизиться к пониманию сложных и многогранных процессов, определявших развитие региона на протяжении столетий.

Изучение обычного права Северного Кавказа представляет большой интерес для исторической науки, поскольку позволяет лучше понять специфику развития этого уникального региона, а также механизмы взаимодействия традиционных и модернизационных элементов в правовой сфере.

Эволюция толкования правовых норм народов Северного Кавказа в XIX веке отражает сложный процесс адаптации традиционных систем к новым политическим, социальным и экономическим условиям. Взаимодействие адатов, шариата и российского законодательства создало уникальную правовую среду, в которой старые и новые нормы сосуществовали, конкурировали и трансформировались. Этот процесс не только изменил правовую культуру региона, но стал основой для формирования современной правовой системы Северного Кавказа.

**Список использованных источников:**

1. Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев // Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып.1. - Одесса, 1882.

2. Ладыженский А.М. Адаты кавказских горцев: дис. … докт. юрид. наук. М., 1949.

3. Исаев И.А. История отечественного государства и права: учебник / отв. ред. – М., Проспект, 2012, С. 20.

4. Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. 2.

5. Бабич И.Л. Эволюция правовой культуры адыгов. М., 1999.

6. Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. М., 1983.

**Илюшников Д.С.,**
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры
гражданского и административного судопроизводства
Северо-Кавказского филиала
Федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения
высшего образования
«Российский государственный университет
правосудия имени В.М. Лебедева»
Ds.ilushnikov@yandex.ru, ORCID: 0009-0001-3651-0884

# Толкование права: понятие, принципы

**Аннотация.** Статья посвящена исследованию понятия толкования права, его значения в правоприменительной деятельности, анализу принципов толкования права.

**Ключевые слова:** толкование права, принципы толкования, интерпретационная деятельность, правотворческая деятельность, правоприменительная практика.

В настоящее время пристальное внимание ученых и практиков обращается на проблемы толкования права, которые в правовой науке трактуются как «вечные проблемы юриспруденции», становясь предметом многочисленных дискуссий. Актуальность проблем толкования усиливается бурными темпами правотворческой деятельности, способствующими созданию значительного массива нормативно-правовых актов, которые нередко вступают в противоречия друг с другом, излишне усложняют правоприменительную и правоохранительную деятельность. Кроме того, в контексте постоянного совершенствования законодательства, в правотворческих и правореализационных процессах, в том числе при разработке законопроектов, особенную актуальность приобретает формирование и использование инновационных юридических технологий, влияющих на процессы правового мышления и интеллектуального уровня правоприменителя.

Обзор специальной юридической литературы показал, что тема толкования права всегда интересовала российских правоведов. Среди известных цивилистов, внесших значительный вклад в кон-

цептуальное развитие толкования норм права, выделяются труды дореволюционного периода, проводимые Васьковским, Н.А. Гредескулом, А.В. Завадским, труды советского периода, проводимые С.С. Алексеевым, Н.Н. Вопленко, А.Ф. Черданцевым и др. Большинство диссертаций современного периода[1] направлено на исследование отдельных видов толкования и попыток их теоретического осмысления, что свидетельствует о целесообразности дальнейшего развития теории толкования и правоприменения, совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

Для познания сложной природы механизма толкования права представляется необходимым сначала дать общую характеристику научному понятию «толкование права».

Так, Н.А. Гредескул под толкованием права усматривал умственные усилия или умственные операции, необходимые «для уяснения себе норм»[2], Е.В. Васьковский – «совокупность приемов, применяемых к произведениям человеческого духа с целью понять их».

По мнению Е.В. Васьковского, каждая законодательная норма, раз ее подлинность установлена и истинный смысл раскрыт, представляет собой «положение, безусловно достоверное и не требующее доказательств». Логическим развитием нормы является обязательность ее исполнения. Толкование норм «не может останавливаться на определении только прямого, непосредственного смысла норм, а должно обнаруживать еще и скрытое их содержание», «сам процесс толкования происходит поэтапно, начиная от уточнения тесного смысла слова, или изъяснения и до его логического развития»[3].

С.С. Алексеев определяет толкование как «деятельность по установлению содержания нормативных правовых предписаний в целях их практической реализации»[4].

---

[1] См.: Болонин С.Ю. Правотолкование и правовое регулирование: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2010. 201 с.; Малютин Н.С. Судебное толкование нормативных правовых актов в Российской Федерации: конституционно-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 260 с.; Назарькова Е.О. Темпоральные пределы действия актов официального толкования: теоретико-правовой анализ: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2024. 226 с. и т.д.

[2] Гредескул Н.А. К учению об осуществлении права. Интеллектуальный процесс, требующийся для осуществления права: Социально-юридическое исследование. Харьков, 1900. С. 129.

[3] См.: Васьковский Е.В. Цивилистическая методология: Учение о толковании и применении гражданских законов. Одесса, 1901. С. 50.

[4] Алексеев С.С. Собрание сочинений в 10 т. Т. 3: Проблемы теории права: Курс лекций. М.: Статут, 2010. С. 546.

Анализируя позиции ученых относительно исследуемого понятия, приходим к выводу о том, что по мнению большинства известных и авторитетных ученых, внесших несомненно важный и значимый вклад в развитие юридической науки, толкование является составной частью процесса постижения разумом знаний действительности, представляющего собой единство уяснения содержания норм и его разъяснение.

Целью толкования является установление максимально определенного, полного, осознанного, логичного, ясного и недвусмысленного содержания законодательной нормы для обеспечения гарантированно правильной, полной, всесторонней, эффективной и законной реализации норм права. Кроме того, в юридической литературе цель толкования трактуется как достижение правильности, точности и единообразности понимания и применения правовой нормы, а также выявление и установление истинного смысла и содержания, которые в ней вложены законодателем.

Считаем необходимым определить фундаментальные начала интерпретационной практики, положенные в его основу. Так, А.Ф. Черданцев вкладывает в понятие «принципы толкования» «основные идеи или требования, которые предъявляются к толкованию как к процессу познания содержания норм права»[1]. Академик В.Н. Карташов – «фундаментальные идеи (идеалы) и исходные нормативно-руководящие начала (общеобязательные требования, юридические императивы)», «реализация которых обеспечивает высокое качество интерпретационной деятельности и эффективность в правовой системе общества»[2].

Для обеспечения эффективности результата интерпретационной деятельности и оказываемого им влияния на правотворческую и правоприменительную практику, в том числе правильного понимания содержания, сущности, взаимосвязи и непротиворечивости норм, представляется значимым исследование принципов толкования.

Согласно позиции Е.В. Васьковского, толкование необходимо осуществлять с помощью принципов-идей справедливости, целесообразности, гуманизма, необходимость использования которых

[1] Черданцев А.Ф. Толкование права и договора: Учебное пособие. М.: Юнити-Дана, 2003. С.32.

[2] Карташов В.Н. Введение в общую теорию правовой системы общества. Ч. 4. Интерпретационная юридическая практика. Ярославль, 1998. С. 71.

поясняется следующим. Принцип справедливости необходим для толкования норм в наиболее справедливом смысле. Принцип целесообразности – для выбора наиболее целесообразного варианта из всех возможных справедливых. Принцип гуманизма при наличии нескольких справедливых и целесообразных вариантов позволит выделить более милостивую норму[1].

Обращаясь к научным трудам отечественных цивилистов, можно сделать вывод о том, что подавляющее большинство из них признают основными принципами толкования права принципы законности и общеобязательности. Некоторыми учеными признаются также профессионализм, системность, взаимосвязь с толкуемым нормативным правовым актом (А.С. Пиголкин[2], А.Ф. Черданцев[3]), гуманизм, справедливость, безупречность, оперативность (В.Н. Карташов[4]), единство политического и юридического содержания, использование приемов толкования в диалектической взаимосвязи (К.И. Комиссаров[5]).

Отмечая безусловную ценность и значимость научных трудов этих известных российских ученых, их авторитетных суждений относительно принципов толкования, представляется целесообразным законодательно закрепить при толковании использование следующих принципов: принципы законности, добросовестности, правовой обоснованности, единообразия толкования и непротиворечивости применения, правовой определенности, целесообразности, диалектического единства объективного и субъективного.

Предпринимая попытку в объеме настоящей статьи сформулировать и кратко охарактеризовать принципы толкования права, приходим к следующим умозаключениям.

1. *Принцип законности* – главный и определяющий среди принципов толкования норм, который составляет необходимое условие правового порядка, означает точное и неуклонное подчинение «задаче выявления действительной воли, содержащейся в

---

[1] Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса. М., 1917. С.543.

[2] Пиголкин А.С. Толкование нормативных актов в СССР. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1962. С. 119–155.

[3] Черданцев А.Ф. Толкование советского права. М.: Юридическая литература, 1979. С. 150–165.

[4] Карташов В.Н. Указ. соч. С. 70.

[5] Комиссаров К.И. Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства. Свердловск, 1971. С. 152.

нормативном акте»[1], которая выступает в качестве «воли закона»[2]. В процессе толкования норм важным является их реальное содержание, которое раскрывается в соответствии с действующим правом, применяющимся в настоящем периоде времени.

2. *Принцип добросовестности*. Сложность установления содержания понятия «добросовестности» состоит в том, что оно отражает морально-нравственную оценку представлений общества о поведении субъекта права при исполнении своих обязанностей. Добросовестность – это некая абстрактная моральная идея о том, какое поведение заслуживает одобрения; какая деятельность позволяет честно и ответственно выразить наилучшим образом общие интересы и стремления.

Следует отметить, что содержание понятия «добросовестность» на законодательном уровне не определяется. Исследуемое понятие находит конкретизацию в процессе применения норм права судебными органами, имеет оценочную морально-нравственную категорию[3].

Здесь следует обратить внимание на то, что правоприменительная практика использует принцип добросовестности во взаимосвязи с принципом эстоппеля, основным назначением которого является противостояние формально правомерным, но недобросовестным действиям участников процесса в целях извлечения выгоды в ущерб оппоненту.

Стоит отметить, что принцип эстоппель пополнил российское законодательство еще в 2013 году в п. 5 ст. 166 ГК РФ. Тем не менее, до сегодняшнего дня понятие «эстоппель» не упоминается в кодифицированном акте, несмотря на наличие норм ГК РФ (п. 3 ст. 1; п. 1 ст. 10; п. 5 ст. 166; п. 3 ст. 307; п. 3 ст. 432), указывающих на его использование в целях защиты при злоупотреблении участниками материальных и процессуальных правоотношений своими правами. Таким образом, принцип добросовестности под-

---

[1] Алексеев С.С. Указ. соч. С. 554.

[2] Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. М., 1960. С. 331.

[3] См.: Венская конвенция о праве международных договоров от 23.05.1969; п. 3 ст. 1Гражданского кодекса РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; п. 2 ст. 41 Арбитражного процессуального кодекса РФ от 24.07.2002 № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст.3012; п. 1 ст. 35 Гражданского процессуального кодекса РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46 Ст. 4532; п. 6 ст. 45 Кодекса административного судопроизводства РФ от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

разумевает осознанное, честное, тщательное и старательное проведение любого процесса в толковании норм при соблюдении морально-нравственных требований и ценностей общества, когда при толковании извлекается истинный смысл нормы, а не наделяется смыслом придаваемого ей значения самим интерпретатором.

3. *Принцип правовой обоснованности.* Разъяснение термина «обоснование» в словаре по логике трактуется как «процедура проведения тех убедительных аргументов, или доводов, в силу которых следует принять какое-либо утверждение или концепцию»[1].

В новейшем философском словаре А.А. Грицанова обоснование трактуется как «мыслительный процесс», в основу которого положены определенные знания, нормы и установки «с целью регламентации и эталонизации практической и познавательной деятельности»[2].

Представленные разъяснения не диссонируют друг с другом. Все они под термином «обоснование» подразумевают мыслительную процедуру; проведение убедительных аргументов; способ рационального убеждения; процесс, основанный на использовании определенных знаний, норм и установок в целях принятия аргументированного утверждения.

Под правовым обоснованием подразумевают «методологический аппарат», «элемент научного объяснения» с подбором определенных аргументов, обеспечивающий «баланс правовой материи в динамике быстро меняющейся реальности» при принятии новых законов и корректировке действующих, при решении проблемных вопросов социума[3].

В процессе толкования норм важным является то, чтобы толкователь, используя существующее многообразие однородных приемов, способов и правил толкования, достоверные исходные данные, достиг аргументированный, логичный и последовательный результат в своей интерпретационной деятельности, обеспечивающей высокое качество и эффективность правовой нормы.

5. *Принцип единообразия толкования и непротиворечивости применения*. Как известно, современная российская правовая система и

---

[1] Ивин А.А., Никифоров А.Л. Словарь по логике. М.: Туманит, изд. центр ВЛАДОС, 1997. С. 230. 384 с.

[2] Новейший философский словарь. Сост. и гл. н. ред. Грицанов А.А. 3-е изд., испр. Мн.: Книжный Дом, 2003. 1280 с.

[3] Алова (Тринитка) Т.Г. Правовое обоснование как элемент научного объяснения в юриспруденции // Труды Института государства и права РАН. 2022. Том 17. № 5. С. 11–29.

законодательная база сложны и объемны, судебная нагрузка в судах динамично растет, возникает много проблем практического характера, связанных с противоречивостью принимаемых судебных решений по схожим (тождественным) обстоятельствам по аналогичным спорам, что противоречит п. 1 ст. 19 Конституции РФ[1]. Данная правовая позиция сформулирована в актах высших судебных инстанций[2].

Следует остановиться на анализе термина «единообразие» в российском процессуальном законодательстве. Так, в п. 3 ст. 308.8 АПК РФ и п. 3 ст. 391.9 ГПК РФ, п. 3 ст. 341 КАС РФ основанием для отмены или изменения судебных постановлений в порядке надзора выступает нарушение единообразия в применении и толковании судами норм права. Понятие «единообразие» законодательством не определено, хотя и широко используется в обзорах судебной практики и в правовых позициях, выработанных высшими судебными инстанциями; в толковании законов; в применении научных концепций и т. д.

Отметим, что норма должна сохранять ясность, недвусмысленность и непротиворечивость при ее соотношении как с вышестоящими правовыми нормами, так и конкретизации нижестоящими нормами[3].

Термин «единообразие судебной практики» в самом общем плане подразумевает правильность, осознанность, логичность и непротиворечивость в толковании и применении норм судами.

6. *Принцип правовой определенности* выражает определенность, ясность, точность по содержанию правовой нормы, отсутствие коллизий правового регулирования. Данный принцип тесно связан с принципом единообразия толкования и непротиворечивости применения.

По мнению известного российского правоведа Н.С. Бондаря, «требование определенности правовых норм – это важная цель и

---

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования от 1 июля 2020 г.) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

[2] См. Постановление Конституционного Суда РФ от 12.05.2021 № 17-П «По делу о проверке конституционности ст. 1.5, ч. 1 ст. 2.1, ч. 1 ст. 15.6, п. 1 ч. 1, ч. 3 ст. 28.1 и примечания к этой статье Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки Н.Н. Корецкой»; Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 17.05.2022 по делу № АПЛ22-132 и др.

[3] Информация Конституционного Суда РФ «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 19.10.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

одновременно показатель качества, эффективности законотворческой деятельности» [1].

Правовая определенность в правотворчестве находит свою реализацию при разработке нормативно-правовых актов, когда возникает потребность использовать специальные термины и общеупотребительные слова в обязательном, строго установленном для них смысле. Вредное последствие неоднозначно используемого законодателем неустановленного понятийного инструментария влечет за собой произвольность толкования специальных понятий правоприменительными органами[2].Текст нормативно-правовых актов должен быть однозначным, точным, четким, лаконичным, соответствовать требованиям терминологического единства и понятийной определенности. По сути, под реализацией принципа правовой определенности в правотворческой и правоприменительной деятельности подразумевается ответственность законодателя за качество принимаемых законов и решений, отвечающих определенным требованиям[3].

7. *Принцип целесообразности.* В процессе толкования норм важным является соблюдение строгих рамок закона при выборе разумных, рациональных и приемлемых вариантов реализации правотворческой и правоприменительной деятельности.

Надлежит признать, что кодифицированные законодательные акты Российской Федерации, регулирующие порядок рассмотрения и разрешения споров в гражданском и арбитражном судопроизводствах, не содержат определения «целесообразность», хотя в судебных актах[4] и материалах судебной практики[5] упоминается

---

[1] Бондарь Н.С. Правовая определенность – универсальный принцип конституционного нормоконтроля // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 10. С. 4–11.

[2] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 28.11.2017 № 34-п «По делу о проверке конституционности п. 8 ст. 75, п.п. 3 п. 1 ст. 111 и п.п. 23 п. 2 ст. 149 Налогового кодекса РФ в связи с жалобой акционерного общества «Флот Новороссийского морского торгового порта» // СПС «КонсультантПлюс.

[3] Информация Конституционного Суда РФ «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 19.10.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

[4] См.: Решение Арбитражного суда Республики Коми от 27.02.2024 по делу № А29-15819/2023; Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.02.2024 по делу № А56-25723/2020.

[5] См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2017); Обзор правовых позиций, отраженных в судебных актах Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации, принятых во втором квартале 2022 года по вопросам налогообложения.

принцип целесообразности как необходимое дополнительное условие реализации других фундаментальных принципов с целью достижения эффективности правосудия.

Представляет интерес верное суждение П.Е. Недбайло о том, что среди различных, предусмотренных законом вариантов решения вопроса в соответствии с конкретными условиями «целесообразным будет решение то, которым достигается цель закона»[1].

8. *Принцип диалектического единства объективного и субъективного.*

Специфика права, правовых отношений и процессов проявляются в особенностях диалектической связи объективного и субъективного. Значимость диалектического единства объективного и субъективного в правовых актах состоит в том, чтобы исключить принятие ошибочных решений.

Содержание нормы права должно быть максимально объективно реальным и точным в отражении действительности, а также выраженным в доступной для осознания форме. Здесь следует отметить, что достижение объективности исследуемого явления – трудоемкая задача. Невозможно объективно исследовать нормы права, их правовое регулирование в отрыве от других норм, в которых они проявляются.

Субъективизм толкования права определяется тем, что его осуществляет определенный властный субъект, обладающий конкретными личностными качествами (интеллект, воспитание, образование, жизненный опыт, уровень правосознания), оказывающих на субъективное понимание объекта и выработку правовых установок, убеждений и представлений о норме права.

Преобразование субъективной воли властного субъекта в объективные правовые нормы осуществляется посредством системы способов, методов и средств. Воплощение субъективной воли властного субъекта ограничено правовой культурой, правосознанием, общественным мнением, системой права, соблюдением строго установленной процедуры.

Процесс объективации выражается в «процессе создания норм права легитимным органом» и в «требовании соответствия норм права объективным условиям»[2].

---

[1] Недбайло П.Е. Вопросы обоснованности и целесообразности применения норм советского прав // Вопросы общей теории права. М., 1960. С. 330.

[2] Скиндерев Р.В. Правотворчество как процесс объективации права // Вестник Курганского государственного университета, 2006. №3. С. 100–105.

Таким образом, значимость указанного принципа заключается в том, что решение вопросов соотношения объективного и субъективного в правовых актах помогает не допускать принятия ошибочных решений в правотворческой и правоприменительной деятельности.

В результате исследования, проведенного в рамках настоящей статьи, сформулируем выводы:

1. Толкование является составной частью процесса постижения разумом знаний действительности, представляющего собой единство уяснения содержания норм и его разъяснение. Целью толкования является установление максимально определенного, полного, осознанного, логичного, ясного и недвусмысленного содержания законодательной нормы для обеспечения гарантированно правильной, всесторонней, эффективной и законной реализации норм права.

2. Для обеспечения эффективности результата интерпретационной деятельности и оказываемого им влияния на правотворческую и правоприменительную практику, в том числе правильного понимания содержания, сущности, взаимосвязи и непротиворечивости норм представляется целесообразным законодательно закрепить следующие принципы: законности, добросовестности, правовой обоснованности, единообразия толкования и непротиворечивости применения, правовой определенности, целесообразности, диалектического единства объективного и субъективного.

3. Текст нормативно-правовых актов должен быть однозначным, точным, четким, лаконичным, соответствовать требованиям терминологического единства и понятийной определенности. Четкость и ясность норм, их единообразное смысловое восприятие и адекватное применение являются значимыми критериями, определяющими место и роль права в развитии отечественной правовой системы, общества и государства.

4. Среди основных причин нормотворческих дефектов, снижающих эффективность правоприменения, можно отметить такие, как: многосложность юридических формулировок; декларативность правовых норм и отсутствие надлежащих механизмов реализации; специфичность терминологии и понятийных определений; перегруженность отсылочными нормами; недоработанные законодательные инициативы; несогласованность законодательных массивов различных отраслей права, регулирующих одни и те же объекты.

5. Признание законодательной деятельности эффективной предполагает существенное улучшение качества принимаемых законов, механизма их реализации.

**Список использованных источников**

1. Алексеев С.С. Собрание сочинений в 10 т. Т. 3: Проблемы теории права: Курс лекций. М.: Статут, 2010. 781 с.

2. Алова (Тринитка) Т.Г. Правовое обоснование как элемент научного объяснения в юриспруденции // Труды Института государства и права РАН. 2022. Том 17. № 5. С. 11–29.

3. Болонин С.Ю. Правотолкование и правовое регулирование: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2010. 201 с.

4. Бондарь Н.С. Правовая определенность – универсальный принцип конституционного нормоконтроля // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 10. С. 4–11.

5. Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса. М., 1917. 429 с.

6. Васьковский Е.В. Цивилистическая методология: Учение о толковании и применении гражданских законов. Одесса, 190. 376 с.

7. Гредескул Н.А. К учению об осуществлении права. Интеллектуальный процесс, требующийся для осуществления права: Социально-юридическое исследование. Харьков, 1900. 235 с.

8. Ивин А.А., Никифоров А.Л. Словарь по логике. М.: Туманит, изд. центр ВЛАДОС, 1997. С. 230. 384 с.

9. Карташов В.Н. Введение в общую теорию правовой системы общества. Ч. 4. Интерпретационная юридическая практика. Ярославль, 1998. 127 с.

10. Комиссаров К.И. Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства. Свердловск, 1971. 167 с.

11. Малютин Н.С. Судебное толкование нормативных правовых актов в Российской Федерации: конституционно-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 260 с.

12. Назарькова Е.О. Темпоральные пределы действия актов официального толкования: теоретико-правовой анализ: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2024. 226 с.

13. Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. М., 1960. 511 с.

14. Недбайло П.Е. Вопросы обоснованности и целесообразности применения норм советского прав // Вопросы общей теории права. М., 1960.

15. Новейший философский словарь. Сост. и гл. н. ред. Грицанов А.А. 3-е изд., испр. Мн.: Книжный Дом, 2003. 1280 с.

16. Пиголкин А.С. Толкование нормативных актов в СССР. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1962. 166 с.

17. Скиндерев Р. В. Правотворчество как процесс объективации права // Вестник Курганского государственного университета, 2006. №3. С. 100–105.

18. Черданцев А.Ф. Толкование права и договора: Учебное пособие. М.: Юнити-Дана, 2003. 381 с.

19.Черданцев А.Ф. Толкование советского права. М.: Юридическая литература, 1979. 168 с.

**Карнаушенко Леонид Владимирович,**
доктор исторических наук, профессор
начальник кафедры теории и истории права и государства
ФГКОУ ВО «Краснодарского университета МВД России»,
e-mail: karnl@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-6721-5637

## Толкование права в рамках постклассического правопонимания

**Аннотация:** в статье анализируются процессы, происходящие в юридической науке и связанные с толкованием права в контексте постклассического правопонимания. Автор рассматривает толкование права как сложный и многоаспектный процесс, в котором особую роль играют субъекты, участвующие в юридической коммуникации, их правосознание и социальные практики. В статье отмечается, что современное российское правопонимание формируется на стыке классического и постклассического подходов, что требует особого внимания к проблеме субъективности в правовом дискурсе, а также к необходимости интеграции классических и современных методологических подходов для обеспечения устойчи-

вости и гибкости правовой системы. Интерпретация (толкование) норм права, по мнению автора, осуществляется в процессе взаимодействия различных социальных групп, что делает право более восприимчивым к изменяющимся социальным условиям.

**Ключевые слова:** право, толкование права, типы правопонимания, антропология права, язык права, постклассическая методология, правовая система, деконструцкия права.

Современная юридическая наука переживает значительную трансформацию, обусловленную переходом от классического к постклассическому правопониманию. Этот процесс отражает общие тенденции изменения научной парадигмы, где центральное место занимает отказ от абсолютных истин и признание контекстуальности любого знания, включая юридическое. Постклассическая философия права рассматривает право не как статичное и универсальное явление, а как динамическую и многослойную конструкцию, формируемую в процессе социальной коммуникации и подверженную влиянию исторических, культурных и ценностных факторов.

Толкование права в рамках постклассического правопонимания представляет собой сложный и многоаспектный процесс, в котором особую роль играют субъекты, участвующие в юридической коммуникации, их правосознание и социальные практики. В отличие от классической теории, опирающейся на идею объективной и неизменной правовой нормы, постклассический подход подчеркивает важность диалога, интерпретации и конструирования смысла права в каждом конкретном случае.

Прежде всего необходимо провести анализ правопонимания и правосознания в рамках научных парадигм различных исторических эпох. Исследования Р.А. Ромашова демонстрируют, что дифференциация подходов к правопониманию в российской юридической мысли основана на выделении трех исторических этапов: классического (имперского), постклассического (советского) и постнеклассического (постсоветского)[1]. Важно подчеркнуть, что каждая парадигма не только отражала социальные и по-

[1] Ромашов Р. А. Особенности правопонимания и правосознания в классической, постклассической и постнеклассической юриспруденции // Ленинградский юридический журнал. 2023. №. 1 (71). С. 90.

литические реалии своего времени, но и формировала специфические представления о праве, правовой культуре и ценностях, что непосредственно повлияло на современную российскую правовую систему.

Классическая юриспруденция, ориентированная на имперские правовые традиции, подчеркивала верховенство закона как выражения государственной воли. Советская правовая мысль, представляя постклассическую парадигму, акцентировала социальную функцию права и его инструментальность в реализации государственной политики. Постнеклассическая юриспруденция, развивающаяся в постсоветский период, характеризуется методологическим плюрализмом и усилением антропоцентрических тенденций в праве. Р.А. Ромашов указывает, что эти различия не просто исторические факты, а важнейшие детерминанты современной правовой системы России, влияющие на образовательные стандарты и правоприменительную практику[1].

Следует утверждать, что современное российское правопонимание формируется на стыке указанных подходов, что требует особого внимания к проблеме субъективности в правовом дискурсе, а также к необходимости интеграции классических и современных методологических подходов для обеспечения устойчивости и гибкости правовой системы.

Также исследователи рассматривают правовую систему через призму постклассической методологии, отмечая, что классическая юриспруденция ограничивала понимание права совокупностью норм, установленных государством. Такой узкий нормативизм не учитывал социальные взаимодействия, правовую доктрину и институциональные элементы. Постклассическая методология, напротив, акцентирует внимание на многоуровневой природе правовой системы, включающей право, законодательство, правовую идеологию и практику, что позволяет учитывать динамику социальных процессов и влияния различных факторов на право.

А в постклассическом подходе правовая система рассматривается как процессуальный и коммуникативный феномен, где право формируется и развивается в постоянном взаимодействии субъектов. Такой взгляд предполагает отказ от монизма и уни-

[1] Ромашов Р. А. Указ. соч. С. 82.

версализма, характерных для классической парадигмы, и переход к плюрализму и контекстуальности.

Анализ постклассического толкования права невозможен без обращения к концепциям И. Л. Честнова, разрабатывающего идеи легитимности, диалогичности и контекстуальности как главных характеристик современного права[1]. Существенный вклад в развитие данной методологии внесли также А. В. Поляков, развивающий коммуникативную теорию права, и представители позитивистской школы, адаптировавшие свои подходы к условиям постсовременности[2].

Переход от классической к постклассической рациональности, по И. Л. Честнову, обусловлен изменением философской парадигмы, которая признает ограниченность познания и необходимость учета контекста (исторического, социокультурного, ценностного) при анализе правовой реальности. Постклассическая философия права отвергает идею универсальности и неизменности правовых норм, подчеркивает их конструируемый характер и зависимость от социального взаимодействия.

Характеристиками постклассического правопонимания являются контекстуальность, диалогичность и конструирование правовой реальности. Контекстуальность предполагает, что право не может быть понято вне исторического и культурного контекста, в котором оно существует. Диалогичность, согласно Честнову И.Л., выражается в постоянном взаимодействии субъектов правового процесса, их коммуникации и обмене смыслами. Конструирование правовой реальности означает, что право создается и воспроизводится в ходе социальной практики и юридической коммуникации.

Влияние социальных и культурных факторов на право в постклассическом подходе невозможно игнорировать. Право рассматривается как элемент культуры, впитывающий и отражающий ценности общества, его традиции и ментальные установки.

Постклассическая интерпретация права, как отмечает Н.М. Дубрава, существенно отличается от классической, переходя от восприятия права как объективной данности к пониманию

[1] Честнов И. Л. Постклассическая теория права = Postclassical theory of law : монография. Санкт-Петербург: АЛЕФ-Пресс, 2012. С. 108.

[2] Поляков А. В. Нормативность правовой коммуникации //Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. №. 5. С. 27.

его как продукта социальной и юридической практики[1]. Классическая методология предполагала, что право отражает объективную реальность и существует независимо от интерпретатора. В постклассическом же подходе субъект толкования приобретает активную роль, участвуя в создании смысла правовых норм и в их адаптации к изменяющимся социальным условиям.

Важным вопросом постклассического толкования является отход от догматического восприятия права к его динамичному осмыслению в процессе юридической коммуникации. Н.М. Дубрава указывает, что постклассическая юриспруденция использует современные философские концепции – юридическую герменевтику, коммуникативную теорию, антропологический и семиотический подходы[2].

Роль субъекта в процессе толкования права в постклассической парадигме выходит за рамки простого восприятия и становится деятельностной. Субъект не только интерпретирует нормы, но и конструирует правовую реальность, придавая ей смысл через социальное взаимодействие и правоприменительную практику. Такой подход учитывает влияние индивидуального и коллективного правосознания.

Исследование понятия и особенностей постклассического правопонимания подводит к необходимости рассмотрения одного из наиболее значимых направлений – постклассической антропологии права.

Также можно рассматривать постклассическую антропологию права как направление, которое переосмысляет правовую реальность через призму человека и его духовных практик. В основе этой концепции лежит синергийная антропология С.С. Хоружего, подчеркивающая взаимодействие человека и социума в процессе правотворчества[3]. То есть, в постклассическом дискурсе субъект права перестает быть абстрактной юридической категорией и предстает как личность, участвующая в правовом взаимодействии.

---

[1] Павлов В. И., Дубрава Н. М. Советская теория толкования права и современная методология правотолковательной деятельности // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР). 2022. С. 1738.

[2] Там же. С. 1739.

[3] Хоружий С. С. Кризис классической европейской этики в антропологической перспективе //Этика науки. М.: ИФРАН. 2007. С. 85.

Антропологическая концепция постклассического права предполагает, что право не сводится только к нормам и институтам, но включает в себя культурные, духовные и социальные практики, формирующие личность и ее правосознание. Павлов отмечает, что духовные практики, такие как этическое самосовершенствование и участие в социальных взаимодействиях, становятся источником и условием правового поведения.

Так, постклассическая антропология права расширяет границы юридического анализа, включая в него человеческий фактор и духовно-нравственные основания права, что соответствует общей парадигме постклассического правопонимания, характеризующегося множественностью подходов и открытостью к междисциплинарному взаимодействию.

И.Л. Честнов рассматривает постклассическую рациональность права как диалогическую и многомерную, подчеркивая, что право не является статичной категорией, а формируется в процессе социальной коммуникации и взаимодействия различных субъектов. Постклассическая рациональность, по Честнову И.Л., включает в себя не только признание ограниченности человеческого знания, но и необходимость учета социокультурного и исторического контекста в процессе правотворчества и правоприменения.

Легитимность, согласно Честнову И.Л., является неотъемлемым признаком права в постклассической теории. Она обусловлена признанием и принятием норм со стороны участников правовой коммуникации и служит условием существования права. В отличие от классических подходов, постклассическая методология рассматривает легитимность как результат социального конструирования, в котором участвуют различные группы и институты.

Юридическая коммуникация, в понимании И.Л. Честнова, выступает важнейшим инструментом толкования и воспроизводства права. Она охватывает не только формально-юридические процедуры, но и процессы интерпретации, обсуждения и согласования правовых норм между различными акторами правового поля.

Помимо уже изложенных положений, следует обратить внимание на то, что синергийная антропология права формирует собой не просто одну из версий постклассического подхода, а представляет собой одну из наиболее фундаментальных теоретиче-

ских конструкций, направленных на переосмысление как самой природы правовой реальности, так и онтологического статуса правового субъекта. В отличие от догматического правопонимания, фиксирующего нормы в неизменных категориях, данный подход исходит из динамичности правовой реальности и ее зависимости от взаимодействий субъектов. Как отмечает В.И. Павлов, антропологический тип правопонимания формируется на основе критического анализа традиционного языка правовой теории, выявляющего его ограниченность в объяснении реальных правовых процессов[1]. В этом контексте правопонимание перестает быть исключительно нормативным конструктом и приобретает экзистенциальное измерение, отражая способы существования человека в правовой среде.

Фундаментальным принципом такого подхода становится человекомерность права, предполагающая, что юридическая реальность не предзадана, а формируется через практику правового существования. Согласно В.И. Павлову, право не сводится к системе норм или юридических конструкций, а осмысляется через понятие правовой субъективации. Последняя представляет собой процесс, в котором субъект не только взаимодействует с правовыми предписаниями, но и активно определяет свое положение в правовом порядке. Таким образом, правовая идентичность формируется не путем механического усвоения норм, а через интерпретацию права в контексте индивидуального и коллективного опыта.

Одним из понятий антропологической юриспруденции становится правовое бытие, которое выходит за пределы традиционного понимания права как набора регулятивных предписаний. В данной концепции юридическая реальность рассматривается как многослойная система, включающая не только формальные нормы, но и их интерпретации, смыслы, формирующиеся в правоприменительной практике. В.И. Павлов указывает, что правовое существование человека можно осмыслить только в рамках широкой концепции правопорядка, который возникает как результат коллективного взаимодействия субъектов[2]. В этом аспекте право становится не просто системой регуляции, но способом

[1] Павлов В. И., Дубрава Н. М. Указ соч. С. 1747.
[2] Там же. С. 1748.

организации правового сообщества, где правовые нормы существуют в их реальном применении.

Синергийная антропология, разработанная С.С. Хоружим, оказывает значительное влияние на формирование постклассической антропологии права, предлагая концептуальный аппарат для исследования взаимодействий правового субъекта с правовой средой[1]. С.С. Хоружий в своих трудах разрабатывает модель постклассической антропологии, основанную на анализе духовных практик, в частности, восточно-христианской традиции исихазма, в сочетании с достижениями западной философии, включая концепции позднего Фуко. Это позволяет переосмыслить классическую модель субъекта, которая в традиционной правовой эпистемологии воспринимается как автономная и рационально организованная сущность.

Постклассическая критика субъекта, на которую опирается синергийная антропология, демонстрирует, что классическая юридическая теория базируется на специфической западноевропейской концепции человека, воспринимаемого как трансцендентальный субъект. Такая модель оказывается недостаточной для объяснения сложной структуры правовой идентичности в современном обществе. В этом контексте синергийная антропология предлагает новый методологический подход, позволяющий рассматривать правовую субъектность как процесс, а не как фиксированное состояние. В результате правосубъектность перестает быть жестко закрепленным статусом и превращается в динамическую характеристику правового положения индивида.

Данный подход открывает новые перспективы для изучения правовой реальности, позволяя уйти от традиционного догматического анализа в пользу более гибких моделей, учитывающих изменчивость правового опыта. Если классическая юриспруденция строится на предпосылке универсального правового субъекта, постклассическая теория предлагает рассматривать субъектность в ее процессуальном измерении, принимая во внимание ее ситуативный и энергийный характер. В.И. Павлов отмечает, что такой подход позволяет учитывать взаимодействие субъектов в

[1] Хоружий С. С. Фонарь Диогена. Критическая ретроспектива европейской антропологии //Вопросы философии. 2012. №. 1. С. 176.

правовом поле и влияние этих взаимодействий на формирование нормативных структур[1].

Такой взгляд позволяет расширить границы правового анализа, включив в него аспекты правосознания, индивидуальной рефлексии и коллективного опыта, что делает возможным формирование новых моделей правопонимания, соответствующих условиям постклассической правовой реальности.

Кроме того, современная постклассическая теория права ориентирована на пересмотр устоявшихся представлений о праве, смещая акценты с фиксированных нормативных конструкций на восприятие права как процесса, формирующегося в системе взаимодействий между субъектами и правовой реальностью. В рамках этого подхода право рассматривается не как фиксированная система норм, а как динамическая среда, формирующаяся под воздействием правовых субъектов и процессов их взаимодействия. Энергийная концепция правопонимания основана на отказе от статичного восприятия норм и признании их изменяемости в зависимости от интерпретационных практик и социальной динамики. В.И. Павлов, опираясь на методологию синергийной антропологии, подчеркивает, что субъект не является изолированной и автономной сущностью, а конституируется в процессе правовой коммуникации. В этом контексте право не существует вне процесса его реализации, а представляет собой феномен, который постоянно изменяется, трансформируясь в ходе правоприменения.

Децентрация субъекта, характерная для постклассического дискурса, разрывает с классической традицией, воспринимавшей правовую личность как самодостаточную рациональную единицу. В современной концепции субъект не просто взаимодействует с правом, но сам является его элементом, находящимся в состоянии постоянного становления. То есть, субъектность в праве приобретает конструктивный характер, а ее границы определяются не предзаданными нормативными категориями, а взаимодействием социальных и правовых факторов. Вследствие этого право перестает быть исключительно инструментом регуляции и превращается в среду, в которой происходит постоянное формирование смыслов, интерпретаций и новых моделей правоприменения.

[1] Павлов В. И., Дубрава Н. М. Указ соч. С. 1747.

Представляет научный интерес и то обстоятельство, что концепция правовой субъективации в рамках энергийного подхода интерпретируется не как пассивное освоение субъектом уже заданных нормативных установлений, а как его деятельное включение в процесс порождения и трансформации правовых смыслов. В данной модели центральное значение приобретает правовая коммуникация, посредством которой нормы не просто передаются, но осознаются, интерпретируются и присваиваются субъектами. В этом аспекте правосознание перестает быть пассивным отражением установленных предписаний, а формируется в результате включенности индивида в юридическую практику.

Энергийное взаимодействие субъектов внутри правовой системы размывает границы между нормой и интерпретацией, в результате чего юридическая реальность приобретает процессуальный характер. Право в этой концепции не существует как статичная данность, а непрерывно порождается и воспроизводится в актах правоприменения. Это предполагает отказ от жестко детерминированных моделей нормативного регулирования и переход к динамическому пониманию права как коммуникативного процесса. В этом контексте значение приобретают такие категории, как диалогичность, ситуативность и пластичность норм, позволяющие адаптировать право к изменяющимся условиям социальной среды.

Следует учитывать и тот факт, что критическое осмысление догматического языка права в постклассическом дискурсе обусловлено его концептуальной несостоятельностью в условиях изменяющейся правовой реальности, для которой характерны гибкость, контекстуальность и многообразие правовых практик. Практика не может функционировать в рамках жестких категорий, поскольку нормы неизбежно подвергаются адаптации в зависимости от контекста. Догматический язык, фиксируя нормы в неизменной форме, вступает в противоречие с принципами энергийного взаимодействия, предполагающими гибкость и открытость права к интерпретации.

Заслуживает внимания тот факт, что в контексте энергийного подхода правовая коммуникация трактуется не как линейная передача нормативных предписаний, а как многоуровневое взаимодействие, в процессе которого правовые нормы подвержены переосмыслению и получают новое содержание в зависимости от

конкретных условий их применения. Право в этом контексте не является завершенной системой, а представляет собой совокупность смыслов, непрерывно производимых и воспроизводимых правовыми сообществами.

Энергийный подход открывает новые перспективы в правоприменении, обеспечивая более гибкие модели регулирования, учитывающие изменчивость социальной среды и специфику конкретных ситуаций. В.И. Павлов подчеркивает, что отказ от нормативного догматизма позволяет интегрировать правоприменителя в сам процесс правопорождения, делая его не пассивным исполнителем норм, а активным участником правотворческой деятельности.

В научной литературе указывается, что формирование правовой реальности в рамках постклассической парадигмы принципиально сопряжено с её знаково-символическим характером, поскольку право возникает и развивается как результат семиотически опосредованной коммуникации, в ходе которой создаются и воспроизводятся правовые смыслы.

Современные исследования подчеркивают, что право не сводится исключительно к совокупности предписаний, а представляет собой сложную коммуникативную систему, в рамках которой нормы приобретают значение через интерпретацию и социальное взаимодействие. Как отмечает И.Л. Честнов, развитие постклассического правопонимания обусловлено лингвистическим сдвигом в гуманитарном знании, что предполагает пересмотр традиционных представлений о праве как замкнутой нормативной структуре. В данной концепции любое юридически значимое явление получает свое содержание в процессе семиотической обработки, которая включает номинацию, квалификацию и закрепление смысла.

Иной важный аспект заключается в том, что семиотическое измерение правовой реальности подразумевает ее функционирование не изолированно, а как составной элемент обширного дискурсивного пространства, в рамках которого юридическое значение возникает посредством взаимодействия и интерпретации знаковых систем. В этом контексте язык играет фундаментальную роль в организации правовой материи, поскольку именно через него конструируются нормативные значения, а также производится их адаптация к конкретным правоприменительным ситуа-

циям. И.Л. Честнов подчеркивает, что юридическая коммуникация представляет собой не просто процесс передачи информации, а механизм конструирования и поддержания нормативного порядка. В этом смысле правовая реальность является не статичной системой норм, а динамичной средой, в которой нормы не просто фиксируются, но и переосмысливаются в ходе их реализации.

Особое значение приобретает соотношение материального и символического в праве. В постклассической перспективе право рассматривается не только как набор институционально закрепленных регуляторов, но и как процесс их интерпретации, зависящий от контекста. И.Л. Честнов указывает, что прагматика права в постклассической юриспруденции приобретает приоритетное значение, поскольку понимание нормы определяется не только ее формальным выражением, но и спецификой ее применения[1]. Это подтверждает тезис о том, что право не может быть сведено к предписаниям, зафиксированным в нормативных актах, а существует как коммуникационная система, в которой взаимодействуют правовые субъекты, интерпретируя и трансформируя юридические смыслы.

Юридическая реальность формируется через дискурсивные механизмы, которые включают процесс означивания правовых явлений. В этом контексте актуализируется концепция социальной рефлексии, предполагающая, что юридические нормы не могут восприниматься исключительно в их текстуальном выражении. Их содержание складывается в процессе интерпретации, в ходе которого субъекты придают правовым предписаниям конкретные значения, исходя из своего правового опыта и социального окружения.

Правовая система, функционируя как коммуникативное пространство, неизбежно взаимодействует с иными социальными подсистемами. Честнов И.Л. отмечает, что право не может быть оторвано от социальных, политических и культурных процессов, поскольку оно не только регулирует отношения, но и само подвергается трансформациям в зависимости от общественных изменений.

---

[1] Честнов И. Л. Постклассическое правопонимание //Общественные науки и современность. 2010. №. 5. С. 157.

Современная философия права отказывается от метафизической рациональности, утверждавшей автономность юридического знания, и переходит к концепции дискурсивных процедур. Как отмечает И.Л. Честнов, правопонимание в постклассической юриспруденции основывается на признании многослойности правовой реальности, в которой пересекаются нормативные, когнитивные и семиотические аспекты.

Переходя от постклассической методологии к рассмотрению эволюции правопонимания в России, необходимо отметить, что многогранность отечественной юридической мысли обусловила формирование различных подходов к интерпретации права.

А.В. Корнев в своем исследовании отмечает, что российская правовая мысль прошла путь от легистского правопонимания, рассматривающего право, как совокупность установленных государством норм, к более сложным и многослойным подходам[1]. Автор отмечает, что социологическая школа права в России начала развиваться благодаря трудам Г.Ф. Шершеневича и Л.И. Петражицкого, которые расширили понимание права, включив в него социальные и психологические факторы. Постсоветский период ознаменовался усилением интереса к постклассической методологии, где право рассматривается как система, находящаяся в постоянном взаимодействии с социальной реальностью. Корнев А.В. акцентирует, что эволюция отечественного правопонимания демонстрирует стремление к синтезу классических и современных подходов, формируя базу для постклассического толкования права в современной России.

В продолжение анализа концепций постклассического правопонимания, необходимо рассмотреть еще одно важное направление – позитивистский подход и его трансформация в условиях постклассического дискурса.

Классический юридический позитивизм, основанный на трудах Г. Ф. Шершеневича и Г. Кельзена, предполагал, что право — это система норм, установленных государством и обеспеченных его принудительной силой. Основная критика этого подхода в постклассическом дискурсе за-ключается в том, что позитивизм

[1] Корнев А. В. Толкование права в контексте различных типов правопонимания //Журнал российского права. 2016. №. 8 (236). С. 34.

игнорирует социально-культурный контекст и роль субъекта в формировании и интерпретации права.

Постклассическое переосмысление позитивистского подхода заключается в признании гибкости и открытости правовых норм. Постклассическая рациональность, как отмечает И. Л. Честнов, подчеркивает, что право – это результат социальных взаимодействий и коммуникаций, а не только предписаний государства. В рамках постклассического дискурса позитивизм трансформируется, включая в себя диалогичность и контекстуальность. Новый подход позволяет учитывать разнообразие социальных практик и множественность интерпретаций.

Помимо того, Н.В. Разуваев отмечает, что современная теория права переживает глубокий кризис, связанный с переходом от классической к постклассической парадигме познания[1]. Основная проблема заключается в том, что юридическая наука, долгое время опираясь на позитивистскую и нормативистскую методологии, оказалась менее гибкой по сравнению с другими общественными науками, активно интегрирующими постмодернистские подходы.

Н.В. Разуваев подчеркивает, что постклассическая парадигма права предполагает отказ от универсальных и монистических объяснительных моделей, характерных для классической юриспруденции, в пользу плюралистических и контекстуальных интерпретаций[2]. В этой связи особую значимость приобретает междисциплинарный подход, позволяющий учитывать социальные, культурные и философские аспекты в правовом анализе.

Современные исследования указывают на то, что правосознание в постнеклассической парадигме не может быть сведено к простому отражению правовых норм в индивидуальном или коллективном сознании. Оно выступает самостоятельным фактором правового развития, опосредующим восприятие, интерпретацию и применение права. В этом аспекте важным становится его процессуальный характер: правосознание не задано раз и навсегда, а постоянно трансформируется под влиянием нормативных, когнитивных и социокультурных факторов. Как справедливо подчер-

[1] Разуваев Н. В. Современная теория права в поисках постклассической парадигмы познания //Правоведение. 2014. №. 5 (316). С. 136.

[2] Там же. С. 140.

кивается в работах Ильина О.Ю., подобные трансформации особенно заметны в современном российском обществе, где традиционные модели правового мышления сталкиваются с вызовами нормативной неопределенности и правового плюрализма[1].

Ключевым аспектом данной концепции является правовая самоидентификация субъекта. В отличие от классического понимания, рассматривавшего правосознание как результат усвоения норм, постнеклассический подход подчеркивает его рефлексивную природу. Человек не просто воспринимает правовые предписания, но интерпретирует их в контексте личного и социального опыта. Таким образом, право приобретает субъективное измерение, становясь элементом индивидуальной и коллективной идентичности.

Еще одним значимым элементом постнеклассической теории является концепция социальной рефлексии. В классической юриспруденции правовые нормы трактовались как объективные и универсальные регуляторы поведения. Однако современный научный дискурс акцентирует их зависимость от интерпретационных практик и культурных контекстов. Как указывает Ильин О.Ю., правосознание включает в себя не только знание норм, но и способность адаптировать их к изменяющейся социальной среде[2]. В этом контексте право перестает быть исключительно государственно-волевой конструкцией и превращается в поле смыслового взаимодействия, где нормы приобретают значение через процесс их осмысления и применения.

Одним из важнейших вызовов постнеклассического правопонимания является кризис классической модели правосознания. Фрагментация нормативного пространства, усиление конкуренции правовых систем и рост неопределенности в сфере регулирования ведут к осознанию ограниченности догматических представлений о праве. В результате правосознание теряет свою прежнюю устойчивость, становясь все более контекстуально зависимым и вариативным. Данный процесс требует пересмотра фундаментальных основ правовой науки и поиска новых концеп-

[1] Трубин В. Ю., Хазова Г. С. О сущности правосознания в естественно-правовой концепции Ивана Александровича Ильина // Инновации в науке. 2015. №. 11-2 (48). С. 100.

[2] Ильин И. А. О сущности правосознания / И.А. Ильин; сост. и авт. вступ. ст. И. Смирнов. М.: ТОО «Рарог», 1993. С. 111.

туальных моделей, способных учесть сложность современных правовых процессов.

Принципиальное значение в данной парадигме приобретает проблема правового субъекта. В отличие от классической доктрины, исходившей из идеи автономного индивида, постнеклассический подход предполагает существование множества субъектов, формирующих правовую реальность. Правосознание в этом случае выступает не как единое целое, а как система разноуровневых взаимодействий, включающая индивидуальные, коллективные и институциональные формы правового восприятия. Такой подход позволяет объяснить феномен правового плюрализма и определить механизмы адаптации нормативных установлений к специфике различных социальных групп.

Постнеклассическая концепция правосознания тесно связана с правоприменительной практикой. В отличие от традиционного подхода, предполагающего жесткую детерминированность правоприменения нормативными предписаниями, новый взгляд акцентирует интерпретационную свободу субъектов. Правоприменение перестает быть механическим процессом, а превращается в форму смыслового производства, в рамках которого нормы получают конкретное содержание.

Продолжая рассмотрение постклассических подходов к правопониманию, необходимо обратиться к коммуникативной теории права, развиваемой в отечественной юридической науке А. В. Поляковым[1] и М. В. Антоновым[2]. Их вклад в развитие коммуникативного подхода заключается в утверждении, что право — это не только система норм, но и процесс социальной коммуникации, предполагающий взаимодействие субъектов, диалог и интерпретацию.

Право, как процесс коммуникации рассматривается через призму взаимодействия участников правовых отношений, их диалога и совместной интерпретации правовых норм. Юридическая коммуникация, согласно Полякову А.В. и Антонову М.В.[3],

---

[1] Поляков А. В. Коммуникативный подход к праву как вариант постклассического правопонимания / /Классическая и постклассическая методология развития юридической науки на современном этапе: сб. науч. тр. /Редкол.: АЛ Савенок (отв. ред.) и др. Минск, Акад. МВД. 2012. С. 27.

[2] Антонов М. В. Ойген Эрлих: живое право против правового плюрализма? // Правоведение. 2013. №. 1 (306). С. 160.

[3] Архипов С. И. Коммуникативная теория права АВ Полякова //Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2016. №. 4. С. 25.

выступает не просто средством передачи правовой информации, но и механизмом конструирования и воспроизводства права.

Интерпретация норм осуществляется в процессе взаимодействия различных социальных групп, что делает право более восприимчивым к изменяющимся социальным условиям. То есть, коммуникативная теория права утверждает, что право не только регулирует социальные отношения, но и формируется в ходе этих отношений, находясь в постоянном диалоге с обществом и его потребностями.

Анализ проблем толкования права, выявленных в ходе нашего исследования, а также ранее на Всероссийской научной конференции 2023 года (по материалам И. Л. Честнова), свидетельствует о том, что постклассическая методология сталкивается с рядом серьезных вызовов[1]. Среди них — сложность установления единой методологии интерпретации права в условиях его контекстуальности и многозначности, необходимость учета множества социальных и культурных факторов, а также проблема легитимности правовых норм в условиях социальной неопределенности.

Перспективы дальнейшего развития постклассического толкования права связаны с развитием гибких, многомерных подходов к интерпретации, учитывающих не только текстуальные, но и контекстуальные аспекты правовой реальности. Важную роль здесь играет диалогическая природа постклассического права, предполагающая взаимодействие различных субъектов правоприменения.

Возможности интеграции различных подходов, включая синтез постклассической, коммуникативной и позитивистской теорий, открывают новые горизонты для юридической науки. Такой синтез позволяет учитывать как формальные аспекты права, свойственные позитивизму, так и динамическую природу правовых норм, подчеркиваемую постклассической и коммуникативной теориями. В результате формируется комплексный подход к праву, адаптивный к современным социальным условиям и обеспечивающий более глубокое понимание правовой реальности.

Как уже подчеркивалось, современная правовая наука оказывается перед объективной необходимостью критического пере-

[1] Честнов И. Л. Проблемы толкования права в контексте постклассических юридических исследований. //КриминалистЪ. 2023. №. 3 (44). С. 158.

осмысления традиционных догматических конструкций, составляющих теоретическое основание классического подхода к праву. Деконструкция правовых догм, будучи не просто критическим пересмотром, но и инструментом анализа онтологических оснований юридической науки, предполагает выявление пределов применимости традиционных нормативных концепций в условиях правовой неопределенности и социальной изменчивости.

Одним из первых исследователей, поставивших проблему критического осмысления правовых догм, был Л.И. Петражицкий. В своих трудах он обращал внимание на то, что объективизация права, свойственная номотетическому подходу, приводит к восприятию норм как автономных, независимых от субъектов правоприменения явлений. Однако, как отмечает ученый, ни одна правовая конструкция не существует вне сознания человека: нормы, правовые статусы, обязанности и права представляют собой результат интерпретативной деятельности, а не объективные категории, существующие независимо от субъектов юридической коммуникации. Деконструкция традиционных догматических представлений, предложенная Петражицким Л.И., свидетельствует о необходимости анализа права не только как формально закрепленной системы, но и как феномена, конструируемого в ходе правовой практики[1].

Продолжая данную линию рассуждений, И.Л. Честнов обращается к проблеме деконструкции правовой реальности через анализ соотношения индивидуального и типизированного, личности и структуры, действия и нормы. Согласно его позиции, правопорядок не исчерпывается совокупностью позитивных предписаний, а включает в себя процесс их формирования и восприятия. Таким образом, право не может быть сведено к статичной системе регуляторов – оно представляет собой процесс, включающий в себя как текстуальные нормы, так и их интерпретацию в контексте конкретных правоприменительных ситуаций.

Подход вызывает дискуссию относительно правомерности разрушения устоявшихся нормативных структур. Сторонники догматической юриспруденции утверждают, что стабильность

[1] Тимошина Е. В. Теория и социология права Л.И.Петражицкого в контексте классического и постклассического правопонимания: дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.01. Москва, 2013. С. 228.

правопорядка обеспечивается именно устойчивостью правовых доктрин, что делает их деконструкцию теоретически рискованной. Однако представители постклассической правовой мысли указывают на то, что отказ от жестких догматических схем позволяет выстроить более гибкую и адаптивную систему права, способную учитывать специфику правоприменения в условиях изменяющегося социокультурного контекста.

Деконструкция правовых догм не означает их полного разрушения, но предполагает выявление их пределов применимости. В этом смысле постклассическая юриспруденция предлагает инструмент не отрицания, а критической трансформации правовой материи, позволяющий сочетать стабильность права с необходимостью его адаптации к современным вызовам.

Таким образом, анализ толкования права в рамках постклассического правопонимания позволяет сделать ряд значимых выводов. Постклассическая методология, отражающая современные изменения в науке и обществе, предлагает рассматривать право, как динамичную, многослойную и контекстуально обусловленную систему. Включение в исследование концепций И.Л. Честнова, позитивистского подхода и коммуникативной теории показало, что современное толкование права невозможно без учета диалогичности, социальной коммуникации и многозначности правовых норм.

И.Л. Честнов внес значительный вклад в развитие постклассического правопонимания, подчеркнув роль диалога и легитимности в формировании права. Его концепции отражают необходимость взаимодействия субъектов в процессе правоприменения, что обеспечивает гибкость и адаптивность правовой системы. Позитивистский подход, хотя и подвергся критике, был трансформирован в постклассическом дискурсе, сохранив свою значимость благодаря четкой структуре и системности, но дополнен контекстуальностью и открытостью.

Коммуникативная теория права, развиваемая А.В. Поляковым и М.В. Антоновым, подчеркивает, что право формируется в процессе взаимодействия участников правовых отношений. Это подтверждает важность диалога и взаимопонимания в современном правоприменении, делая постклассическое толкование права более гибким и многоаспектным.

Включение в исследование эволюции типов правопонимания в России (А.В. Корнев), особенностей правосознания в различных парадигмах (Р.А. Ромашов) и анализа правовой системы с позиций постклассической методологии позволило увидеть, как исторические, социокультурные и философские изменения влияли на развитие современной российской юридической мысли. Все рассмотренные подходы свидетельствуют о том, что постклассическое правопонимание не только учитывает норма-тивную природу права, но и придает значение его социальным, коммуникативным и антропологическим аспектам.

Проведенный анализ толкования права в рамках постклассического правопонимания продемонстрировал его значимость и актуальность для современной юридической науки. Постклассический подход, учитывающий контекстуальность, диалогичность и социальную обусловленность права, позволяет глубже понять механизмы функционирования правовых норм и их восприятия в обществе.

Значение постклассического подхода к толкованию права заключается в его способности адаптироваться к изменяющимся социальным условиям, учитывая множественность точек зрения и вариативность правовых интерпретаций.

Толкование права в рамках постклассического правопонимания – это не просто методологический выбор, а необходимость, обусловленная сложностью и многослойностью современной правовой реальности. Будущие исследования могут быть сосредоточены на дальнейшем развитии междисциплинарных подходов, что позволит еще глубже понять право, как феномен, находящийся в постоянном взаимодействии с обществом и культурой.

## Список использованных источников

1. Антонов М. В. Ойген Эрлих: живое право против правового плюрализма? // Правоведение. – 2013. – №. 1 (306). – С. 157-181.

2. Архипов С. И. Коммуникативная теория права АВ Полякова // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2016. – №. 4. – С. 20-27.

3. Ильин И. А. О сущности правосознания / И. А. Ильин; сост. и авт. вступ. ст. И. Смирнов. – Москва: ТОО «Рарог», 1993. — 234 с.

4. Корнев А. В. Толкование права в контексте различных типов правопонимания // Журнал российского права. – 2016. – №. 8 (236). – С. 29-43.

5. Павлов В. И., Дубрава Н. М. Советская теория толкования права и современная методология правотолковательной деятельности // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР). – 2022. – С. 1738-1747.

6. Поляков А. В. Коммуникативный подход к праву как вариант постклассического правопонимания // Классическая и постклассическая методология развития юридической науки на современном этапе: сб. науч. тр./ Редкол.: А.Л. Савенок (отв. ред.) и др. Минск, Акад. МВД. – 2012. – С. 19-29.

7. Поляков А. В. Нормативность правовой коммуникации //Известия высших учебных заведений // Правоведение. – 2011. – №. 5. – С. 27-45.

8. Разуваев Н. В. Современная теория права в поисках постклассической парадигмы познания // Правоведение. – 2014. – №. 5 (316). – С. 136-153.

9. Ромашов Р. А. Особенности правопонимания и правосознания в классической, постклассической и постнеклассической юриспруденции // Ленинградский юридический журнал. – 2023. – №. 1 (71). – С. 82-100.

10. Тимошина Е. В. Теория и социология права Л.И.Петражицкого в контексте классического и постклассического правопонимания: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2013. – 556 с.

11. Трубин В. Ю., Хазова Г. С. О сущности правосознания в естественно-правовой концепции Ивана Александровича Ильина // Инновации в науке. – 2015. – №. 11-2 (48). – С. 98-104.

12. Хоружий С. С. Кризис классической европейской этики в антропологической перспективе // Этика науки. М.: ИФРАН. – 2007. – С. 85-97.

13. Хоружий С.С. Фонарь Диогена. Критическая ретроспектива европейской антропологии // Вопросы философии. – 2012. – №. 1. – С. 176-181.

14. Честнов И.Л. Постклассическая теория права = Postclassical theory of law: монография / И. Л. Честнов ; Акад. Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербургский юридический ин-т (фил.) Акад. генеральной прокуратуры Российской Федерации. – Санкт-Петербург: АЛЕФ-Пресс, 2012. – 649 с.
15. Честнов И.Л. Постклассическое правопонимание // Общественные науки и современность. – 2010. – №. 5. – С. 157-162.
16. Честнов И.Л. Проблемы толкования права в контексте постклассических юридических исследований. // КриминалистЪ. – 2023. – № 3 (44). – С. 154-160.

**Ковалева В.В.,**
кандидат юридических наук, заведующий кафедрой
общетеоретических правовых дисциплин
Северо-Кавказского филиала Федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный университет
правосудия имени В.М. Лебедева»
v.v.kovaleva@list.ru, https://orcid.org/0000-0002-2704-2046

## Толкование права в условиях технологической трансформации общества

**Аннотация.** Статья посвящена исследованию особенностей толкования права в условиях интенсивного технологического развития, особенно в период распространения искусственного интеллекта во всех сферах юридической деятельности, в том числе интерпретационной. Использование искусственного интеллекта в процессе толкования права актуализирует анализ его возможностей, пределов и проблем, возникающих в ин-терпретационном процессе. В результате исследования можно сделать вывод об амбивалентном отношении к применению искусственного интеллекта в толковании права, так как, с одной стороны, он упрощает уяснение норм права, с другой стороны, ввиду существования в праве оценочных понятий, возможных его «галлюцинаций», может создать дополнительные проблемы.

**Ключевые слова:** толкование права, судебное толкование, уяснение права, интерпретационная деятельность, оценочные понятия, искусственный интеллект.

Толкование права является одной из важнейших видов юридической деятельности, без которого невозможно представить эффективное правоприменение. Ввиду этого интерпретационная деятельность постоянно находится в центре внимания научного сообщества. Особенно это актуализируется в условиях интенсивного технологического развития.

Целью настоящего исследования является раскрытия особенностей толкования права в условиях перманентных технологических инноваций, прежде всего, использования искусственного интеллекта в данном процессе. Как отмечают Д.А. Пашенцев и К.С. Новикова судья, выносящий судебное решение, осуществляет при этом толкование права применительно к конкретному делу. Передача искусственному интеллекту функции принятия судебных решений фактически означает передачу ему функции толкования права. И если раньше в теории права было принято считать, что субъектом толкования права является лицо или орган, устанавливающий содержание нормативных правовых актов с целью их реализации, то в ближайшее время к субъектам судебного толкования может прибавиться искусственный интеллект, а точнее алгоритм, в основе которого лежит выбор и применение той или иной нормы к конкретным правоотношениям[1].

Анализ юридической литературы позволил прийти к выводу, что ученые активно осмысливают возможности использования искусственного интеллекта в процессе толкования права.

Так, например, О.А. Огарок пишет, что применение искусственного интеллекта в судебном толковании права обусловлено тем, что современные информационные технологии позволяют автоматизировать не только рутинные операции по обработке данных, но также и смысловую обработку информации. Внедрение искусственного интеллекта обеспечивает возможность повышения эффективности анализа правовой информации. Искусственный интеллект способен обрабатывать массивы юридиче-

[1] Пашенцев Д.А., Новикова К.С. Искусственный интеллект как субъект судебного толкования права // Образование и право. 2020. №7. С. 200.

ских текстов (прецеденты, законы, доктрины) с высокой скоростью, выявляя скрытые паттерны и аналогии. Это позволяет минимизировать ошибки человека, обусловленные наличием субъективной точки зрения, и обеспечить полноту исследования правовых норм[1]. Применение искусственного интеллекта способствует реализации принципа правовой определённости. О.А. Огарок приходит на наш взгляд к идеализирующему искусственный интеллект к выводу, что искусственный интеллект способствует устранению «судейского произвола», обеспечивая предсказуемость правоприменения. Внедрение искусственного интеллекта позволяет повысить доступность правосудия ввиду снижения нагрузки на суды, реализации принципа справедливости юридических процедур и автоматизации процессов получения гражданами юридической помощи. Искусственный интеллект позволяет выявлять межотраслевые конфликты между нормами различных правовых систем (национальное право, международные договоры) и возможность их решения на основе методов семантического моделирования знаний[2]. В данном случае необходимо сделать несколько замечаний. Во-первых, нельзя согласиться с формулировкой «судейский произвол», так как речь идет о судейской дискреции, которая объективна и основана на принципе справедливости, кроме того, данная дискреция существует в рамках закона, она выражена в пределах относительно-определенных и альтернативных санкций, оценочных понятиях. Во-вторых, искусственный интеллект, безусловно, применим в технико-юридическом аспекте, но не социально-политическом.

В свою очередь Е.М. Терехов пишет, что доверие искусственному интеллекту и его использование в праве обладает такими достоинствами, как экономия времени, отсутствие коррупционных рисков, единообразие юридической деятельности, оперативность получения желаемого результата, работа с большими объемами информации, вместе с тем верно отмечает автор, что нужно объективно понимать, что искусственный интеллект – это не только сплошные плюсы, это еще и минусы, о которых нужно всегда помнить и учитывать это, в погоне за столь желанным

[1] Огарок М.А. Искусственный интеллект в судебном толковании права // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. №15(4). С. 88-104. С. 90.

[2] Огарок М.А. Там же. С. 91.

быстрым результатом, существенными из которых выступают ошибки, допущенные им[1]. Подробно рассмотрев различные аспекты и подходы к возможностям использования искусственного интеллекта в процессе официального толкования Е.М. Терехов пришел к выводу, что что вопрос использования искусственного интеллекта в официальном толковании права – задача, требующая положительного решения, чему способствует практический потенциал искусственного разума, а также возможность оперативно решать смысловые задачи, несмотря на сопутствующие риски. При этом ученый предлагает три шага, которые необходимы перед использованием искусственного интеллекта в интерпретационной юридического деятельности. Во-первых, определение статуса искусственного интеллекта только как помощника. Во-вторых, принятие соответствующих нормативных правовых актов. В-третьих, разработка и внедрение механизма контроля над результатами его работы в целях исправления и предотвращения возможных интерпретационных ошибок[2].

Следует солидаризироваться с автором в том, что необходим механизм проверки работы искусственного интеллекта, так как существует соответствующие понятие «галлюцинации искусственного интеллекта», как отмечают специалисты в данной области, они возникают, когда программа получает сложный запрос, ответ на который не знает, она начинает выдумывать факты, более того, модель настаивает на своей правоте, если человек пытается ее корректировать, например, она может давать ссылки на несуществующие научные исследования[3]. Полагаем, что данная проблема требует особого внимания, так как за каждый ситуационным судебным правоприменением стоит судьба человека. Кроме того, возникает вопрос: зачем такой помощник, которого нужно постоянно перепроверять? Ввиду этого следует принять все необходимые меры для обеспечения надежности интерпретационных возможностей искусственного интеллекта.

Более того, толкование права является интеллектуально-волевой деятельностью, которая необходима в условиях, как было

---

[1] Терехов Е.М. Искусственный интеллект в официальном толковании права: за или против? // Legal Bulletin. 2025. №2. С. 9.

[2] Там же. С. 16.

[3] Ростелеком. Официальный сайт. URL: https://blog.rt.ru/b2c/chto-takoe-gallyucinacii-ii-i-kak-oni-voznikayut.htm (дата обращения 20.08.2025).

отмечено выше, ситуационного (нестандартного) правоприменения, где только человек способен отличить, на основе конкретного случая добросовестного супруга от недобросовестного, уважительную причину от неуважительной и т.п.

В следствие этого следует согласиться с Д.А. Пашенцевым и К.С. Новиковой, которые сформулировали ряд вопросов, связанных с роботизацией судейской деятельности. В частности, может ли робот полноценно заменить судью-человека? Как быть в этом случае с судебным усмотрением, предполагающим не только юридическую, но иногда и нравственную оценку ситуации и представляемых доказательств? Как построить эффективный контроль за деятельностью судьи-робота и теми решениями, которые он выносит?[1] Отвечая на поставленные вопросы, авторы приходят к бесспорному выводу, что нравственная оценка дела пока (возможно, и в будущем) доступна только человеку как личности и не доступна роботу, даже функционирующему на основе искусственного интеллекта[2]. Далее ученые верно резюмируют, что суть использования искусственного интеллекта в процессе принятия решения должна заключаться не в передаче искусственному интеллекту функции толкования права, а в создании судье условий для принятия наиболее справедливого решения[3].

Подводя итоги необходимо отметить, что использование искусственного интеллекта в интерпретационной юридической деятельности – вопрос решенный, ввиду закономерностей технологического развития современного общества. Вместе с тем существует ряд проблем, которые детерминируют пределы и возможности искусственного интеллекта. Прежде всего вопросы, связанные с интерпретацией оценочных понятий, применения принципов права в случае отсутствия норм в законе.

## Список использованных источников

1. Пашенцев Д.А., Новикова К.С. Искусственный интеллект как субъект судебного толкования права // Образование и право. 2020. №7. С. 198-202.

[1] Пашенцев Д.А., Новикова К.С. Искусственный интеллект как субъект судебного толкования права // Образование и право. 2020. №7. С. 199.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 201.

2. Огарок М.А. Искусственный интеллект в судебном толковании права // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. №15(4). С. 88-104.
3. Терехов Е.М. Искусственный интеллект в официальном толковании права: за или против? // Legal Bulletin. 2025. №2. С. 9-17.

**Крайнова Надежда Александровна,**
доктор юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой «Уголовное право и процесс»
Севастопольского государственного университета,
Россия, г. Севастополь
nakraynova@sevsu.ru
ORCID 0000-0002-4443-6709

## Понятие ресоциализации и практическое значение его пенологического толкования

**Аннотация:** относительно недавно в отечественном правовом обороте появился термин «ресоциализация», который в настоящее время активно используется в контексте пробации. Само понятие ресоциализации определено в федеральном законе от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в РФ», однако данная дефиниция нуждается в осмыслении и переработке, что позволит повысить эффективность правоприменительной деятельности в данной сфере. В работе с использованием логического, систематического, исторического и системно-структурного метода было проанализировано понятие ресоциализации, его соотношение с понятием пробации, социальной реабилитации и адаптации, сделаны практические выводы, направленные на совершенствование юридических определений и их толкования.

**Ключевые слова**: ресоциализация осужденных, пробация, уголовное право, рецидивная преступность.

Проблема ресоциализации осужденных в настоящее время является весьма актуальной. Обсуждается она в широких общественных кругах, на многочисленных научных мероприятиях, государственные структуры проявляют заинтересованность в ее скорейшем разрешении.

Более чем двадцатилетний опыт автора в исследовании проблем ресоциализации осужденных демонстрирует реализацию определенных действий: многое из того, что предлагалось, было претворено в жизнь. Так, с 14 января 2000 г. действует Общероссийская общественная организация «Попечительский совет уголовно-исполнительной системы». Приказом Министерства юстиции РФ от 19 марта 2015 г. № 62 был утвержден Порядок формирования попечительского совета при исправительном учреждении, срока полномочий, компетенции и порядка деятельности указанного попечительского совета»[1].

26 января 2007 года был создан Общественный совет при ФСИН[2], затем и территориальные органы в управлениях ФСИН РФ по субъектам федерации. Приказом Федеральной службы исполнения наказаний от 1 октября 2013 г. № 542 «О создании Общественного совета при Федеральной службе исполнения наказаний по проблемам деятельности уголовно-исполнительной системы и утверждении его состава» были уточнены организационные и содержательные аспекты деятельности Общественного совета при ФСИН РФ[3]. Деятельность общественных наблюдательных комиссий была регламентирована Федеральным законом от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания»[4].

Распоряжением Правительства РФ от 14 октября 2010 № 1772-р была утверждена Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года», в

---

[1]Приказ Министерства юстиции РФ от 19 марта 2015 г. № 62 «Об утверждении Порядка формирования попечительского совета при исправительном учреждении, срока полномочий, компетенции и порядка деятельности указанного попечительского совета». URL: https://base.garant.ru/70938010/.

[2]Приказ ФСИН России от 26 января 2007 г. № 32 «О создании Общественного совета при Федеральной службе исполнения наказаний по проблемам деятельности уголовно-исполнительной системы» (утратил силу). URL: https://base.garant.ru/1356671/.

[3]Приказ Федеральной службы исполнения наказаний от 1 октября 2013 г. № 542 «О создании Общественного совета при Федеральной службе исполнения наказаний по проблемам деятельности уголовно-исполнительной системы и утверждении его состава». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70397496/.

[4]Федеральный закон от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания». URL: https://base.garant.ru/12160914/.

которой впервые, хоть и не напрямую, но было упомянуто стратегическое решение о создании в РФ системы пробации и ресоциализации осужденных. В документе говорилось о том, что сокращение рецидива предполагается достичь за счет «повышения эффективности социальной и психологической работы в местах лишения свободы, проведение в местах лишения свободы мероприятий в целях адаптации в обществе освободившихся осужденных, в том числе с участием гражданского общества»[1]. В утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138 Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года в качестве основного направления развития уголовно-исполнительной системы указано на создание и развитие системы пробации[2].

Приказом Минюста России от 30 декабря 2005 № 262 было утверждено Положение о группе социальной защиты осужденных исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы. Целями деятельности данных групп было названо «создание предпосылок для исправления и ресоциализации осужденных, а также для их успешной адаптации после освобождения из мест лишения свободы»[3]. Изменения, направленные на совершенствование мер уголовно-правового противодействия рецидивной преступности, были внесены и в УК РФ[4]. Однако, несмотря на реализованное, как представляется, в законодательстве

---

[1]Распоряжение Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р (ред. от 23.09.2015) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_106055/c3ee50812e330eef44df6408dda2f168fa3ab546/.

[2]Распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400639567/.

[3]Приказ Минюста России от 30 декабря 2005 г. № 262 «Об утверждении Положения о группе социальной защиты осужденных исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112196/f47a567ae3cdeaa9c0d825fc50ed2380df1627db/.

[4]Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 66-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения... URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112704/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/#dst100011.

желание правотворца минимизировать уровень рецидивной преступности, к сожалению, достичь этого не удалось.

Следует отметить, что сам по себе показатель рецидивной преступности является одним из самых стабильных в общем числе маркеров преступности. На этот факт обращает внимание в своих трудах Я.И.Гилинский, анализируя показатели рецидивной преступности с 18 по 21 века: в 1875–1883 годах — 15–19 %, в 1884–1912 годах—16–22 %, 1988–2001 годах — 22–34 %. «Рост в два раза более чем за 100 лет, с одной стороны, не столь уж и значителен (за это время успели смениться три социально-экономических строя!), с другой – свидетельствует лишь о неэффективности предпринимаемых обществом и уголовной юстицией усилий, отмечает ученый»[1]. Постоянный рост рецидивной преступности за последние 5 лет настораживает еще больше, однако в 2024 году наметилась положительная динамика. Так, согласно статистическим данным МВД РФ в 2019 году удельный вес ранее судимых лиц в общем числе осужденных составил 2,6%, в 2020 году – 29,9%, в 2021 году – 30,1%, в 2022 году – 30,8%, в 2023 году – 31,2%, в 2024 году – 28,9%.[2]

Снижение удельного веса ранее судимых лиц в общем количестве совершивших преступления в 2024 году отчасти можно объяснить и активной практической реализацией системы пробации, создание которой предусмотрено Федеральным законом от 06 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации». Согласно положениям данного нормативно-правового акта в РФ создается институт пробации, который предусматривает помощь, поддержку успешной ресоциализации бывших осужденных в целях их реального включения в законопослушную жизнь.

Несмотря на то, что до недавнего времени ресоциализация бывших осужденных оставалась лишь темой сугубо научных дискуссий, объектом которых является конструирование теоретических дефиниций либо возможных изменений законодательства, однако практической реализации ресоциализационных мер не было, тем не менее, нельзя недооценивать значение использу-

[1]Гилинский Я.И. Призонизация по-российски // Отечественные записки. 2003. № 2. URL: https://magazines.gorky.media/oz/2003/2/prizonizacziya-po-rossijski.html.

[2] МВД РФ. Статистика и аналитика. URL: https://мвд.рф/reports/3/.

емых в законодательстве формулировок[1]. От того, насколько качественно сформулирована законодательная дефиниция, зависит и её толкование, а, следовательно, и правоприменение.

В действующем законодательстве ресоциализация дефинирована в статье 25 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», где ресоциализация определяется как «комплекс мер социально-экономического, педагогического, правового характера, осуществляемых субъектами профилактики правонарушений в соответствии с их компетенцией и лицами, участвующими в профилактике правонарушений, в целях реинтеграции в общество лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы и (или) подвергшихся иным мерам уголовно-правового характера»[2]. Аналогичную формулировку в пункте 5 статьи 5 воспроизводит и Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. «О пробации в Российской Федерации». Таким образом, ресоциализация трактуется законодателем инструментально, как комплекс применяемых субъектами профилактики мер. В таком понимании понятие ресоциализации смешивается с понятием социальной адаптации, которая в соответствии со статьёй 24 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» понимается как комплекс мероприятий.

Кроме того, анализируемая дефиниция ресоциализации противоречит пункту 13 Положения о группе социальной защиты осужденных исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы, утвержденного Приказом Минюста России от 30 декабря 2005 г. № 262, в соответствии с которым основными целями деятельности групп социальной защиты обозначены «создание предпосылок для исправления и ресоциализации осужденных, а также для их успешной адаптации после освобождения из мест лишения свободы»[3]. Семантическое и ло-

[1]Петровский А.В. Ресоциализация осуждённых в российской криминологической политике. URL: https://www.criminologyclub.ru/home/3-last-sessions/410-2020-12-20-16-57-43.html.

[2]Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199976/.

[3]Приказ Минюста России от 30 декабря 2005 г. № 262 «Об утверждении Положения о группе социальной защиты осужденных исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы». URL:

гическое толкование данной нормы во взаимосвязи позволяют сделать вывод о том, что исправление, ресоциализация и адаптация мыслятся некими процессами, на результативность которых и направлена деятельность групп социальной защиты. В то время как применяемый данными субъектами комплекс мер выступает в роли инструментария достижения цели.

Понятие ресоциализации, отражающее содержательную сторону данного феномена, содержится в пункте 2.1.32 Национального стандарта Российской Федерации «Социальное обслуживание населения» ГОСТ Р 52495-2005, утверждённого приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 30 декабря 2005 г. № 532-ст, введенного в действие 1 января 2007 г.: это «восстановление или укрепление социальных связей, усвоение индивидом ценностей и норм, отличающихся от усвоенных им ранее, вид личностного изменения, при котором зрелый индивид принимает тип поведения, отличный от принятого им прежде, восстановление социального и личностного статуса, реинтеграция и востребованность в обществе»[1]. Аналогичная формулировка ресоциализации закреплена в пункте 3.6 Национального стандарта Российской Федерации «Реабилитационные социальные услуги лицам, имеющим опыт злоупотребления наркотическими средствами, психотропными веществами и алкоголем», утвержденного приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 8 августа 2018 г. № 468-ст[2]. Подход, в соответствии с которым ресоциализация понимается как процесс восстановления социального и личностного статуса, представляется оправданным. Однако необходимо и уточнить, о каком именно статусе идет речь. Ведь это может быть и негативный (отрицательный) статус, которому соответствовал

---

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112196/f47a567ae3cdeaa9c0d825fc50ed2380df1627db/

[1]Национальный стандарт Российской Федерации «Социальное обслуживание населения» ГОСТ Р 52495-2005, утв. приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 30 декабря 2005 г. № 532-ст. URL: https://docs.cntd.ru/document/1200043127.

[2]Национальный стандарт Российской Федерации «Реабилитационные социальные услуги лицам, имеющим опыт злоупотребления наркотическими средствами, психотропными веществами и алкоголем» ГОСТ Р 54990-2018, утв. приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 8 августа 2018 г. № 467-ст. URL: https://docs.cntd.ru/document/1200160131.

индивид до осуждения и который он может восстановить после освобождения от наказания.

Применение к лицу, совершившему преступление, наказания преследует чётко очерченные в уголовном законе цели: восстановление социальной справедливости, исправление осуждённого и предупреждение совершения новых преступлений. Достижение данных целей не представляется возможным без успешного включения «вчерашнего преступника» именно в социально-полезные связи. В противном случае, если индивид будет включен в социально-отрицательные связи, то есть, асоциальные, антисоциальные взаимосвязи и взаимодействия, вряд ли стоит ожидать, что он не продолжит заниматься, в том числе, и преступной деятельностью. С большой долей вероятности, он вернётся к антисоциальному образу жизни, что не исключает совершения им в будущем преступлений. В этой связи необходимым при дефинировании ресоциализации представляется акцентирование внимания на восстановлении именно положительного социального и личностного статуса.

В социологии и обществознании под социальным статусом, как правило, понимают занимаемое человеком в обществе положение, связанное с определёнными правами и обязанностями[1]. Такое положение зависит как от характеристик внешней среды (состояния экономики, уровня общего благосостояния, социальной стратификации и т.д.), так и от личностных устремлений и заслуг. Как справедливо отмечается в научной литературе, «личность формируется во взаимодействии внутренних побуждений и внешних ограничений»[2]. Таким образом, социальный статус является важной составляющей правопослушного поведения, исключающего преступность. Однако, данное утверждение верно, только если речь идёт о положительном статусе. Положительный социальный статус, как представляется, можно связать с успешным трудоустройством (труженик), семейным положением (семьянин), наличием детей и участием в их воспитании (отец/мать семейства), участием в социально-полезных активностях (волонтёр, доброволец, активист и т.д.), образованием (учащийся, сту-

[1]Гревцева Е.В., Типунова А.С., Холодная Е.А. Теоретические аспекты социального статуса // Вестник науки. 2022. № 12 (57). Т. 4. С.277.

[2]Проценко М.В. Социальный статус личности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 7- 4. С. 143.

дент и т.д.) и др. Однако, определяя понятие ресоциализации, не следует перечислять в нём отдельные разновидности положительных социальных статусов. Прежде всего, такой перечень не может быть исчерпывающим ввиду зависимости объёма социального статуса от характеристик внешней среды. Трансформация общественных отношений приводит к тому, что многие социальные категории являются подвижными. А это, в свою очередь, свидетельствует о том, что применительно к социальному статусу характеристика «положительный» или «отрицательный» является относительной. Кроме того, как представляется, не следует чрезмерно ограничивать правоприменителя указанием на конкретные социальные статусы индивида в процессе его ресоциализации. Всё-таки, ресоциализация человека – процесс индивидуальный. В этой связи необходимо оставить правоприменителю возможности для усмотрения в определении набора критериев ресоциализации. Таким образом, дефиниция ресоциализации может содержать лишь указание на восстановление индивидом социально-положительного статуса.

Представляется целесообразным рассматривать ресоциализацию не только и не столько как процесс, в результате которого человек не совершает противоправные деяний и/или восстанавливает свой социально-положительный статус, но и как результат данного процесса. Такое утверждение обосновывается анализом ресоциализации в так называемой социологической триаде «социализация-десоциализация-ресоциализация».

Социологические и психологические исследования, в общем-то, едины в понимании социализации как процесса вхождения индивида в социальную систему, приобщения его к нормам и правилам жизни в обществе, внутреннем согласии с принятыми социальными нормами и внешней демонстрации такого согласия. Ресоциализация, основываясь на семантическом толковании данного термина, а также использовании при его лингвистическом конструировании приставки «ре», даёт основания полагать ресоциализацию обратным социализации процессом. Это возобновление социализации после того, как по определенным причинам индивид утратил связь с социальной средой. Иными словами, если мы социализацию рассматриваем как процесс, то совершенно логично и ресоциализацию рассматривать также как процесс.

При этом следует иметь в виду, что такое процессы происходят в течение жизни человека постоянно: внешние условия социальной среды могут меняться как в лучшую, так и в худшую сторону[1]. Человек постоянно сталкивается с разнообразнейшим набором фактором, которые могут оказывать на него, в том числе, и десоциализирующее воздействие. Человек приспосабливается к социуму, впрочем, как и социум выстраивается в результате жизнедеятельности человека.

Итак, толкование ресоциализации позволяет нам предложить рассматривать её двояко: как процесс и как результат процесса восстановления индивида в качестве социализированного члена общества, обретение индивидуумом социально-положительного статуса[2]. Однако анализ действующего законодательства свидетельствует об отсутствии единообразия в данном вопросе даже в уже принятых нормативно-правовых актах. Так, Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» относит ресоциализацию к формам профилактического воздействия. В статье 5 Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» ресоциализация определена как комплекс мер социально-экономического, педагогического, правового характера и обозначенная в качестве одной из целей пробации. В свою очередь пробация дефинирована также как совокупность мер, применяемых в отношении осужденных, лиц, которым назначены иные меры уголовно-правового характера, и лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, которые оказались в трудной жизненной ситуации, в том числе ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация, защита прав и законных интересов указанных лиц[3]. Таким образом, получается, что законодатель смешивает пробацию и ресоциализацию, интуитивно понимая, что ресоциализация – это процесс восстановления индивида в качестве социализированного члена

[1]Кобылкина А.В. Понятие и сущность ресоциализации в социальных и философских науках // Общество: философия, история, культура. 2024. № 1. С. 62.

[2] Крайнова Н.А. Ресоциализация сквозь призму единого законодательства о противодействии преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 4 (51). С. 43.

[3] Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации». URL: https://rg.ru/documents/2023/02/09/probacia.html.

общества. Но, ориентируясь на норму Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации, ошибочно дефинирует ресоциализацию как совокупность мер.

Существующая в данном вопросе некоторая терминологическая путаница продолжилась и в подзаконном нормотворчестве. Так, приказом Минюста РФ от 29 ноября 2023 года № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации»»[1] был утвержден ряд документов, регламентирующих, в том числе, вопросы ресоциализации. Во всех документах термины «ресоциализация», «социальная адаптация», «социальная реабилитация» перечислены через запятую, то есть, рассматриваются как однопорядковые.

С 1 января 2025 года положения Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» и указанных выше подзаконных нормативно-правовых актов полностью вступили в законную силу. Несмотря на то, что и с существующими законодательными дефинициями старт реализации системы пробации в Российской Федерации можно признать успешным[2], точность законодательных дефиниций способствовала бы повышению эффективности практической реализации норм права.

Немаловажным в целях практической реализации ресоциализации представляется определение её места в системе нормативно-правового регулирования. Понятно, что данная категория, скорее, междисциплинарная: она имеет отношение к формирующемуся постпенитенциарному (или уже пробационному) праву, уголовно-исполнительному праву, праву социального обеспечения. Однако думается, что ресоциализация совершенно безосновательно в настоящее время исключена из сферы уголовно-правового регулирования. В этой связи целесообразным видится

[1] Приказ Минюста РФ от 29 ноября 2023 года № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408001585/.

[2] ФСИН: результат пробации - низкий уровень рецидива у бывших осужденных. URL: https://www.interfax.ru/interview/1005404.

отнесение ресоциализации к функциям уголовно-правового воздействия.

Впервые предложение о введении в УК РФ категории функций уголовной ответственности было высказано профессором Д.А. Шестаковым, который утверждал, что «лучше было бы установить в законе цели не наказания, а уголовной ответственности … вообще говоря, правильнее говорить о функциях, нежели о целях наказания. Само по себе наказание как явление неодушевленное никаких целей преследовать не может, но выполняет определенные роли в жизни общества»[1]. Дмитрий Анатольевич предложил закрепить в Уголовном кодексе РФ следующие функции: удержание лица, совершившего преступление, от новых преступлений (функцию защиты человека), реституцию (восстановление положения потерпевшего), ресоциализацию осуждённого[2]. Такое предложение следует поддержать, но с учётом того, что регламентировать в УК РФ следует, всё-таки, функции уголовно-правового воздействия.

Современное общество достаточно продвинулось в своем интеллектуальном и технологическом развитии. Социологи и экономисты утверждают, что мы живем в эпоху постиндустриального (информационного) общества, которому присущ новый уклад общественных отношений. На первое место в иерархии ценностей выходят знания и новые технологии, информация становится источником нового опыта и приобретает объективированное выражение. Межчеловеческие коммуникации являются фактором экономического развития, профессиональные навыки и компетенции определяют место индивидуума в системе социальной стратификации. Ритм жизни в постиндустриальном обществе значительно ускоряется, что может привести к дезадаптации и социальной дезориентированности личности, в том числе к суицидам.

Зачастую постиндустриальное общество называют обществом риска, прежде всего, для человеческих отношений. В таком ритме взаимодействия отношения между людьми выходят на первый план, и создание комфортной среды для человека стано-

[1] Шестаков Д.А. От понятия преступности к криминологии закона // Общественные науки и современность. 2008. № 6. С. 139-140.

[2] Шестаков Д.А. Преступность среди социальных подсистем // Преступность среди социальных подсистем. Новая концепция и отрасли криминологии. Под ред. Д.А. Шестакова. СПб.: Юридический центр Пресс. 2003. С. 6-13.

вится приоритетным. Выстраивание цепочек позитивных социальных отношений является важным фактором дальнейшего развития общества, его эволюции, и, в этой связи вопросы ресоциализации приобретают особое значение.

В постиндустриальном (информационном) обществе репрессивная парадигма исключительно уголовно-правового воздействия, не продемонстрировавшая успехов, отходит на второй план, уступая место вопросам безопасности. Как в свое время отмечал Н.В. Щедрин, «право в целом является правом безопасности, что вовсе не исключает большей значимости в этом деле отдельных отраслей (уголовное право) и межотраслевых институтов (меры безопасности)»[1]. Однако следует с особой осторожностью относиться к вопросу о применении мер безопасности к человеку, ограничивая этот процесс строгими правовыми рамками. Безусловно, нужен нормативно-правовой акт, закрепляющий принципы и основные положения применения мер безопасности.

Рассуждая о современных аспектах уголовной политики, Д.А. Шестаков приходит к выводу о формировании единого права противодействия преступности, под которым он понимает «исторически очеловечивающуюся организованную реакцию общества и государства на преступность в целях восстановления нарушенных прав, ресоциализации, защиты общества и предупреждения преступлений. Право противодействия преступности складывается из: 1) не основанного на наказании предупреждения преступлений; 2) контроля со стороны государства и общества за криминогенными, в частности, виктимогенными ситуациями и личностями, этот контроль включает в себя, помимо прочего, административное принуждение; 3) мер безопасности; 4) уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера»[2]. Право противодействия преступности приходит на смену таким феноменам как «борьба с преступностью», «полное искоренение преступности».

Правовое государство исповедует принцип приоритета прав и свобод личности над общими неконкретизированными благами и политическими интересами. Развиваясь эволюционно, охраняя

---

[1] Щедрин Н.В. Пределы предупредительной деятельности // Lex Russica. 2018. № (142). С. 39–55.

[2] Шестаков Д.А. Основы учения о противодействии преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 2(53). С. 13-22.

права и свободы каждого своего члена, государство вырабатывает гуманные, человеколюбивые стратегии и тактики противодействия преступности, осознавая неизбежность взаимного сосуществования.

Любая стратегия противодействия должна быть основана на чётком правовом регулировании в соответствии с общим концептом правового государства. Концепция формирования единого права противодействия преступности предполагает и воплощение в законодательных нормах.

Впервые концепция формирования единого права противодействия преступности была предложена Д.А. Шестаковым в его выступлении с докладом «Постлиберальная парадигма и право противодействия преступности» в Костанае в 2012 году. В дальнейшем концепция получила развитие в его трудах и выразилась в модели единого законодательства о предупреждении преступности, включающей Основы законодательства о противодействии преступности, Кодекс предупреждения преступности, Закон о мерах безопасности, Кодекс ответственности и ресоциализации несовершеннолетних, УК, УПК, УИК[1].

Предложенная Д.А. Шестаковым конструкция представляется весьма убедительной, однако позволим себе предложить несколько иной вариант. Предлагаемый концепт Основ законодательства о противодействии преступности, в котором были бы прописаны основные принципы и концептуальные положения, на наш взгляд, представляется излишним. Чрезмерное регулирование отношений наносит вред не меньший, чем отсутствие такового вовсе. Разработка и принятие такого документа как Основы скорее оправданно там, где на федеральном уровне устанавливаются общие правила, а на региональном уровне принимаются конкретизирующие данные правила нормы. В данном же случае речь об одном уровне регулирования, поэтому логично отказаться от разработки такого документа, как Основы.

[1] Шестаков Д.А. Постлиберальная парадигма и право противодействия преступности // Правотворческие и правоприменительные парадигмы реконструкции уголовного законодательства: национальный и международный опыт моделирования. Коллективная монография // Ответств. ред. д.ю.н. А.Е. Мизанбаев. Костанай, 2012. С. 111, 113; См. также его: Навстречу праву противодействия преступности. Статьи, выступления, отклики. СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2019. С. 132–145.

В предложенном ряде документов указан Кодекс об ответственности и ресоциализации несовершеннолетних. Полагаем, что выделение норм об ответственности несовершеннолетних в отдельном законодательном акте – дело отдаленного будущего. Ни в научной доктрине, ни в законодательстве, ни в практике в России на данный момент не сформировался общий подход к правовому регулированию так называемой ювенальной юстиции. Нет специализированной ветви органов государственной власти, которые бы реализовывали механизм привлечения к ответственности несовершеннолетних. В этой связи полагаем пока достаточным существующее регулирование в данной сфере на уровне норм УК, УПК и т.д. В свою очередь предлагаем регламентировать отношения, связанные с ресоциализацией, в УК РФ и Кодексе о предупреждении преступлений и ресоциализации РФ.

**Карапетян Лева Александрович**
Доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин
Северо-Кавказского филиала
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный университет
правосудия имени В.М. Лебедева»
leva.karapetyan.53@mail.ru
ORCID:0000-0001-6141-4619

## Доктринальное толкование в начале XX в. ст.4 Основных Государственных законов новой редакции 1906 г.: к вопросу о концепции П.Е. Казанского

**Аннотация.** Дан краткий анализ воззрений одного из представителей консервативной правовой мысли начала XX в. П.Е. Казанского через призму критики и опровержения концепций либеральных юристов об институте Верховной власти и путей её ограничения в контексте изменений государственного аппарата на основе Манифеста 17.10. 1905 г.

**Ключевые слова:** П.Е. Казанский, консерватизм, государственный механизм, верховная власть, реформы, Основные Государственные законы.

Внесение изменений в государственный аппарат России на основе положений Манифеста 17 октября 1905г. вызвало в правовой науке и социально-политической действительности острые дискуссии. Прежде всего, речь идет о представительном органе власти из двух палат: Государственной Думы и Государственного Совета. Суть споров сводилась к вопросу о том ограничена ли законодательная власть монарха, и если да, то насколько? Тем более, что из ст.4 Основных Государственных законов был изъят термин неограниченный и она была изложена в следующей редакции: «Императору Всероссийскому принадлежит Верховная Самодержавная власть. Повиноваться власти Его, не только за страх, но и за совесть, Сам Бог повелевает»[1]. Затем отмечалось, что император осуществлял законодательную власть в единении с Государственным Советом и Государственной Думой (ст.7). Однако только императору принадлежала инициатива по изменению Основных Государственных законов (ст.8)[2].

В доктринальном толковании выявились два основных направления – консервативное и либеральное. Первое настаивало на сохранение прежнего статуса монарха, но более упорядоченного, а второе признавало власть императора ограниченной. Но в каждой из них имелись ряд оттенков.

Цель статьи – представить краткий анализ воззрений одного из представителей консервативной правовой мысли начала XX в. П.Е. Казанского через призму критики и опровержения концепций либеральных юристов об институте Верховной власти и путей её ограничения.

Н.Е. Казанский, сравнивая статьи о Верховной власти двух (1892 и 1906 гг.) редакций Основных Государственных законов, отмечает, что отсутствие в новой редакции термина неограниченный ничего не меняет и что власть царя осталась верховной, которая всегда остается неограниченной. Он аргументирует вы-

[1] Свод Основных Государственных законов. Изд. 1906. //Свод законов Российской империи. В пяти книгах под редакцией и с примечаниями юрисконсульта Министерства юстиции И.Д. Мордухай –Болтовского. С-Петербург. Русское книжное товарищество «Деятель», 1912. Т. 1. Ч. 1. С.1.

[2] Там же. С.2.

вод ссылками на труды таких представителей либерализма, как А.С. Алексеев и Б.Н. Чичерин, изданных 1890 – е годы[1]. При этом он указывал на то, что тот же А.С. Алексеев в издании 1910 г. пытается доказать ограниченность Верховой власти, исходя из его понимания как только юридического института. Консервативная мысль, включая П.Е. Казанского, акцентировала внимание на фактическом суверенитете Верховной власти, выражаемой на русском языке термином «самодержавие». Поскольку ни над государственной властью, ни рядом с ней нет равнозначной силы, то юридические нормы о её статусе исходят от неё самой. И в таком случае следует говорить не об ограничении, а самоограничении государственной власти законами, изданными самой властью. Верховная власть не ограничена не в смысле того, что для неё не писан закон, а в том, что закон не исходит от другого субъекта, а является проявлением её воли. Но будучи, по мнению Е.П. Казанского, единственным источником всех действующих законов, Верховная власть сама может и изменять, и отменять их. Поэтому принципиальную разницу между ограничением и самоограничением он видит в следующем. «Ограничение Верховной власти есть явление постоянное, независимое от воли императора, а самоограничение – явление временное, находящееся в полной зависимости от воли Монарха», т.е. при самоограничении от неё можно быстро и отказаться[2].

Далее он критикует тех, кто в неограниченном самодержавии видит синоним деспотизма. Им отмечается принципиальное различие между ними. При деспотизме воля деспота является законом без придания ей юридической формы, а поэтому это является произволом. Этого нет в русской самодержавной власти. Русский монарх, прежде чем осуществить свою волю и действовать, выражает её в писаном законе, и действует в её пределах[3]. Он согласен с П.Н. Семеновым, который отмечал, что Самодержавие как единственный источник наших законов, издав закон сам ему подчиняется и охраняет его до изменения или отмены. Поэтому закон как выражение воли Верховной власти есть её совесть[4].

---

[1] Казанский П.Е. Власть Всероссийского императора/М.: Изд-во «ФондИВ», 2007. С. 405-406.

[2] Казанский П.Е. Указ. соч. С. 408, 424.

[3] Казанский П.Е. Указ. соч. С. 418-419.

[4] Семенов П.Н. Самодержавие как государственный строй СПб., 1906. С.11-12.

П.Е. Казанский в целом был солидарен с рассуждениями Н.А. Захарова, пришедший к следующему к выводу. Он отмечал, что нормативные правовые акты 1905-1906 гг., реформировавшие государственный аппарат, лишь упорядочили основы государственной власти, но не изменили его. Они указали «пути, которым должно развиваться разорванное единство народной мысли с царским решением». Новую редакцию Основных Государственных законов он рассматривал как дар монарха, а не в контексте ст.50 Основных законов в редакции 1892 г., т.е. высочайше утвержденных мнений Государственного совета. В этом не было и необходимости, поскольку Манифест 17.10.1905 г. являлся «объявлением высочайшей воли монарха». Наряду с этим он отмечал, что сохранился и прежний принцип ст.47, согласно которому законопроекты получали силу закона лишь после их утверждения самодержавной властью. Но теперь они проходили обсуждение не только в Государственном совете, а Государственной думе и Государственном совете [1]. Но П.Е. Казанский был не согласен с мнением Н.А. Захарова о том, что ограничение имеет место в сфере управления (например, меры, принимаемые по ст.87 требуют одобрения Совмина), и в судебной области – компетенцией судов и в административно-политической – распоряжением административных органов.

П.Е. Казанский, полемизируя с концепциями либеральной правовой мысли, обращал внимание на наличие в ней следующих течений.

1. Его представители заявляли, что изъятие из Основных законов предиката «неограниченная» свидетельствует о об изменении существа императорской власти. Однако отвергая неограниченность царской власти, отдельные юристы его понимали поразному. Так, С.А. Котляревский выделял две категории Основных законов: государственные и фамильные и отмечал, что в отношении первых царская власть ограничена, а применительно ко второй – не ограничена. Т.е. речь идет о разграничении власти на общегосударственную и фамильно династическую. В целом с этим мнением были согласны В. М. Грибовский, Н.И. Палиенко. Таким образом, речь идет о концепции авторов, которые говорят

[1] Захаров Н.А. Система русской государственной власти. Новочеркасск, 1912. С. 115, 117.

о неясном проведения идеи ограничения монархии. Другие (С.А. Котляревский, Ф.Н. Плевако, В.В. Розанов) исходили из следующего. Если Основные законы был дарованы царем, то с течением времени они должны превратиться для него в обязательные. Т.е. настаивали на том, что самоограничение превращается в ограничение[1].

2. Концепция, основанная на идее неограниченности монарха в правах, но стесненная в их реализации в условиях конституции, определившая формы и полномочия законодательных палат. Хотя он по-прежнему именовался «Самодержцем» в сфере законодательства, верховного управления во всем объеме и согласно ст. 22 признавался источником судебной власти, осуществляемого судами от его имени. Н.И. Палиенко считал такую конструкцию теоретически ошибочной, но относил это к своеобразному компромиссу в ходе отхода от абсолютной монархии[2]. А П. Казанский исходил из того, что Основные законы 1906 г. не знают института двойственного суверенитета в законодательной области. Власть императора являлась правовой, поскольку она осуществлялась в пределах права, закона и при участии законодательных палат и исполнительной власти. Кроме того, отдельные правомочия основаны на его актах, т.е. само ограничены. Однако самоограничение относится к разграничению форм, где проявляется его власть, а не сводится к стеснению власти. Органы администрации, имеющие отношение к законодательству, наделены только совещательными функциями. А парламент, обладая решающим голосом, тем не менее, власти государя не стесняют, поскольку то, что не может быть проведено законодательно, осуществляется высочайшим указом. Кроме того, само существование палат зависит от монарха.

3.Отношение к теориям, признававших право императора ограниченным. Одни считали, что власть императора ограничена парламентом в сфере законодательства. Н. Захаров говорил о взаимных ограничениях частей этой власти – монархом и парламентом. С. Котляревский отмечал, что раз в современном государстве верховенство принадлежит закону, то лишь ограничение верховной власти Монарха есть действительное в этом смысле

[1] Казанский П.Е. Указ. соч. С. 426-429.
[2] Казанский П.Е. Указ. соч. С. 430-431.

ограничение. Н.И. Лазаревский считал, что монарх вообще разделяет верховную власть с палатами или одной палатой парламента[1].

П. Казанский, будучи противником мнений о разделении Верховной власти между императором и парламентом, аргументировал свою позицию следующим образом. Ссылаясь на ст. 10 (ст. 80 в редакции 1892 г.) Основных законов «Власть управления во всем объеме принадлежит Государю Императору в пределах государства Российского», он отмечал, что «по сравнению с прежней редакцией здесь имело место более ясное выражение мысли, но сущность одна. Речь идет о том, что императору принадлежали права законодательные, административные и судебные». Т. е. под властью управления, по мнению П.Е. Казанского, понимается вся государственная деятельность, а не только исполнительная, к которой тяготеют В.В. Ивановский и В.М. Грибовский[2]. Он был сторонником отождествления понятий власть государственного управления и верховная государственная власть. Благодаря этому в российском государственном праве объединились и историческое наследие, и нововведения, связанные с реформами 1905-1906 гг. Поэтому статья 10 выступает базой ст. 4. Говоря об этом, Казанский отмечал, что переходное время привело к неопределенности и юридического языка. Некоторые ученые, стремясь найти средний путь, стремятся примерить различные направления юридической мысли. Так, Л.А. Шалланд и И.А. Ивановский, говоря о конституционном строе России, отмечали её особенности в виде сосредоточенности центра тяжести государственной власти в особе монарха[3] В отличие от них Н.И. Лазаревский прямо отрицает то, что императору принадлежит вся полнота власти, поскольку законодательную власть он делит с народным представительством, Кроме того монарх в его концепции ограничен и в сфере административной и судебной власти[4].

---

[1] Котляревский С.А. Юридические предпосылки русских Основных Законов. М., 1907. С. 160; Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1910. Т.1. С.133.

[2] Казанский П.Е. Указ. соч. С. 42,45.

[3] Ивановский И.А. Учебник государственного права. СПб, 1912. С. 16; Шалланд Л.А. Русское государственное право. Юрьев, 1908. С.77.

[4] Лазаревский Н.И. Указ соч. С. 138, 236.

Острые дискуссии вызывала проблема разграничения двух сфер проявления Верховной власти: верховного управления и законодательства. Статья 7 Основных законов гласит: «Государь император осуществляет законодательную власть в единении с Государственным Советом и Государственной Думой». По мнению П.Е. Казанского, Государственная Дума и Государственный Совет не наделены определенной степенью государственной власти. Они только принимают участие в осуществлении императором принадлежащей ему законодательной власти. Если в управлении верховном он действует непосредственно и нераздельно, то в законодательной – непосредственно, но раздельно в единении с указанными палатами парламента. И далее он замечает, что либералы исходят из своих каких-то Основных законов. П.Е. Казанский подчеркивал, что парламенту отведена очень скромная роль, даже близко несравнимая с императором. Она сводилась только к обсуждению и одобрению проектов новых законов. Об этом, кстати, говорил и Н. Захаров «Наша конституция ограничила, прежде всего, понятие закона, но не свободное волеизъявление Верховной власти, как в области законодательства, так и в иных областях властвования…парламент определяет лишь содержание закона, но вовсе не законодальствуют. К тому же права парламента производны от воли монарха (дар), а не основаны на принципе собственного суверенитета или своих избирателей»[1]. По этому вопросу близкую мысль высказывал и С. Котляревский. Он указывал на то, что депутаты парламента присягают на верность Государю, а не конституции. Кроме того, нет упоминания о естественных правах представительства и народном суверенитете[2]. Поэтому П. Казанский делает вывод о том, что ни о каком ограничении императорской власти нет и речи. Можно говорить лишь об ограничении подчиненной власти, прежде всего правительства. Теперь законопроекты министров, могли попасть к монарху после их рассмотрения в Думе. Это вело к ограничению власти бюрократов, что и было одной из целей реформирования государственного аппарата

Не разделял П. Казанский и стремление А.С. Алексеева распространить на Россию, как правового государства, учение о том,

[1] Захаров Н.А. Указ. соч. С.286.

[2] Котляревский С.А. Указ.соч. С.156.

что монарх разделяет Верховную власть не только с парламентом, но и с правительством. Это было присуще конституционным монархиям и парламентским республикам. В России для этого нет оснований, поскольку парламент не обладал правами верховенства, а Совет министров был учреждением лишь исполнительным.

Таким образом, российский парламент не имеет верховных прав и не ограничивает законодательных (в материальном смысле) прав монарха. Парламент лишь устанавливает разные формы, в которых проявляется его правотворческая функция. В одних случаях монарх действует в единении с палатами, в других самостоятельно. Палаты не играют самостоятельной роли, их задача лишь участие в законодательной деятельности императора (с. 438-439).

Таким образом, следует отметить, что в консервативной политико-правовой мысли концепция П.Е. Казанского отличалась своеобразием. Определяя сущность Верховной власти, он исходил из необходимости неразрывной связи фактических и юридических начал в его становлении. Поэтому он изучал самодержавие одновременно как нравственное и правовое явление. Без этого невозможно разграничение таких понятий как русского самодержавия и заимствованного суверенитета. И в данном контексте он не видел ничего принципиально нового в новой редакции Основных Государственных законов 1906 г.

**Список использованных источников**

1. Захаров Н.А. Система русской государственной власти. Новочеркасск, 1912.

2. Ивановский И.А. Учебник государственного права. СПб, 1912.

3. Казанский П.Е. Власть Всероссийского императора/М.: Изд-во «ФондИВ», 2007.

4. Котляревский С.А. Юридические предпосылки русских Основных Законов. М., 1907

5. Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1910. Т.1.

6. Семенов П.Н. Самодержавие как государственный строй СПб., 1906.

**Лукожев Хусен Манаевич**
кандидат юридических наук, доцент,
старший научный сотрудник,
доцент кафедры уголовно-процессуального права
Северо-Кавказского филиала
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный университет
правосудия имени В.М. Лебедева»,
доцент кафедры уголовного процесса
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Кубанский государственный университет»

# Толкование координации и взаимодействия в уголовном судопроизводстве

**Аннотация.** В статье исследуются сущность, содержание и соотношение ключевых для уголовного судопроизводства понятий «координация» и «взаимодействие». Автор, опираясь на анализ норм уголовно-процессуального законодательства, ведомственных актов и научной литературы, разграничивает данные категории по критериям цели, субъектному составу, нормативному закреплению и степени императивности. Отмечается, что координация представляет собой управленческо-организационную деятельность по обеспечению единства процессуальных действий и выработки согласованных решений различных участников уголовного судопроизводства, в то время как взаимодействие является тактико-процессуальной деятельностью следователя, дознавателя, прокурора и суда с иными участниками процесса.

**Ключевые слова:** уголовное судопроизводство, предварительное расследование, судебное разбирательство, координация деятельности, процессуальное взаимодействие, участники уголовного судопроизводства, суд, прокурор, следователь, дознавателя.

Эффективность современного уголовного судопроизводства в значительной степени зависит от слаженности действий его участников и согласованности принятия ими процессуальных ре-

шений. В этом контексте категории «координация» и «взаимодействие» выступают ключевыми организационно-правовыми механизмами, обеспечивающими целостность и результативность уголовного процесса. Несмотря на внешнюю схожесть и частое отождествление в правоприменительной практике, эти понятия обладают различной правовой природой, целями, субъектным составом и нормативным регулированием. Их доктринальное разграничение является не только теоретической задачей, но и насущной практической потребностью, поскольку смешение ведет к размыванию функциональной ответственности, дублированию полномочий и, в конечном счете, к снижению качества процессуальной деятельности участников уголовного судопроизводств.

Координация в уголовном судопроизводстве представляет собой деятельность управленческо-организационного и межведомственного характера. Ее правовая основа закреплена в Законе «О прокуратуре РФ», который возлагает на Генерального прокурора и подчиненных ему прокуроров функцию координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. Целью координации является выработка единой стратегии и тактики для всех правоохранительных органов, устранение ведомственных барьеров и параллелизма в работе, оптимизация ресурсов на макроуровне. Субъектами этой деятельности выступают прокурор как координирующий субъект и руководители различных государственных органов, в первую очередь, правоохранительных, как на федеральном, так и на региональном уровнях. Основными формами реализации координации являются проведение координационных совещаний, обмен информацией по вопросам борьбы с преступностью, создание следственно-оперативных групп для расследования конкретных преступлений, проведение совместных целевых мероприятий для выявления и пресечения преступлений и др.[1]

Нормативное регулирование осуществляется преимущественно подзаконными актами, а принимаемые решения носят, как правило, рекомендательный, но в силу сложившейся практики и правового статуса прокуратуры, фактически обязательный

[1] См. подробнее: Указ Президента Российской Федерации от 18.04.1996 г. № 567 (ред. от 14.06.2024 г.) «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» (вместе с «Положением о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью») // http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102040838.

характер. Таким образом, координация – это внешняя по отношению к конкретному уголовному делу организационная надстройка, призванная создать системные условия для эффективной работы всей правоохранительной системы.

Взаимодействие является непосредственной тактико-процессуальной деятельностью, разворачивающейся в рамках уже возбужденного уголовного дела. Его цель достаточно конкретна: получение доказательств, розыск лиц, обеспечение возмещения ущерба, то есть решение задач, непосредственно стоящих перед участниками уголовного судопроизводства. Правовой базой взаимодействия служат нормы УПК РФ, детализирующие полномочия следователя, дознавателя, прокурора и суда. Субъектный состав здесь иной: с одной стороны, это государственные органы и должностные лица, ведущие производство по делу, а с другой – широкий круг участников, включая органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, специалистов, экспертов.

Ключевые формы взаимодействия носят ярко выраженный процессуально-деятельностный характер: направление следователем поручения о проведении отдельного следственного действия или оперативно-розыскного мероприятия, истребование судом документов, привлечение специалиста, создание следственной группы (следственно-оперативной группы), группы дознавателей для работы по конкретному делу. Важно подчеркнуть, что поручения следователя и суда, данные в установленном УПК РФ порядке, являются обязательными для исполнения, а их неисполнение влечет правовые последствия. Следовательно, взаимодействие – это урегулированная процессуальным законом практическая деятельность по обмену информацией и ресурсами для быстрого, полного и объективного расследования и разрешения конкретного уголовного дела.

Сравнительный анализ позволяет выявить принципиальные различия. Координация относится к сфере организационного управления и политики борьбы с преступностью, в то время как взаимодействие – непосредственно к сфере уголовного судопроизводства, процессуальной тактики и практики расследования. Если координация осуществляется на макроуровне и не привязана к конкретному делу, то взаимодействие всегда реализуется на микроуровне, в русле производства по конкретному уголовному делу. Ключевым субъектом координации выступает прокурор, тогда как

ядром взаимодействия являются следователь (дознаватель) и суд в зависимости от стадии уголовного судопроизводства.

Нормативная регламентация также различается: координация регулируется в основном Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» и подзаконными актами[1], а взаимодействие – нормами УПК РФ. Результат координации – это согласованные планы и методические решения, а результат взаимодействия – конкретные процессуальные действия и решения.

Подтверждением данного тезиса является то, что в УПК РФ термин «координация» не используется вообще, а термин «взаимодействие» упоминается многократно. Особо следует отметить использование термина «взаимодействие в ст. 28.2 УПК РФ «Прекращение уголовного преследования в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время» применительно к порядку взаимодействия командования воинских частей (учреждений) и следственных органов (органов дознания).

Также необходимо указать на наличие термина «взаимодействие» в названии раздела XVIII УПК РФ «Порядок взаимодействия судов, прокуроров, следователей и органов дознания с соответствующими компетентными органами и должностными лицами иностранных государств и международными организациями», что говорит о том, что нормы, включенные в данный раздел, регулируют вопросы именно взаимодействия.

Кроме того, в ст. 474.1, 474.2 УПК РФ регулируются вопросы использования единой системы межведомственного электронного взаимодействия.

Несмотря на кажущуюся теоретическую и правовую ясность разграничения, правоприменительная практика выявляет ряд проблемных точек. Одной из наиболее существенных является риск подмены понятий, когда прокурор, используя свои широкие координационные полномочия, оказывает, с одной стороны, существенное влияние на конкретное процессуальное взаимодей-

[1] Указ Президента Российской Федерации от 18.04.1996 г. № 567 (ред. от 14.06.2024 г.) «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью».

ствие, ограничивая процессуальную самостоя-тельность следователя (дознавателя)[1], с другой стороны, являясь координирующим субъектом, не имеет процессуальных рычагов воздействия при применении координационных по свей сути форм взаимодействия, например, когда речь идет о следственной группе.

Взаимодействие участников следственной группы имеет уголовно-процессуальную и организационно-правовую основу. Необходимо отметить, что УПК РФ использует термин «следственная группа» (ст. 163 УПК РФ), тогда как акты, определяющие непроцессуальную (организационную) форму взаимодействия апеллируют термином «следственно-оперативная группа»[2]. Нормы УПК РФ, регламентирующие процессуальные аспекты деятельности следственной группы, имеют приоритетное значение, однако процессуальная регламентация следственной группы ни в коей мере не должна умалять значения следственно-оперативной группы.

В.Д. Ларичев и В.Г. Кучкина верно замечают: «В отличие от следственной группы, которая создается в рамках расследования уже возбужденного уголовного дела, деятельность следственно-оперативной группы актуальна на этапе возбуждения уголовного дела, в период предварительной проверки. Другими словами, деятельность следственно-оперативной группы предполагает обоснованное возбуждение уголовного дела, или обусловливает возбуждение уголовно-процессуальных отношений»[3].

Признавая процессуальную самостоятельность следователя по определению хода расследования, принятию необходимых процессуальных решений и производству процессуальных действий необходимо отметить, что достижение целей предварительного расследования возможно только во взаимодействии с иными участниками уголовного судопроизводства. Среди всех

---

[1] См. подробнее: Органы предварительного следствия России и процессуальная самостоятельность следователя / Г.Э. Адыгезалова, О.В. Гладышева, Х.М. Лукожев, В.А. Семенцов. – М: Юрлитинформ, 2021. – 200 с.; Лукожев, Х.М. Процессуальная самостоятельность следователя и дознавателя в современном уголовном судопроизводстве / Х.М. Лукожев // Теория и практика общественного развития. – 2021. – № 12(166). – С. 128-133.

[2] Указ Президента Российской Федерации от 18.04.1996 г. № 567 (ред. от 14.06.2024 г.) «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью».

[3] Ларичев, В.Д., Кучкина, В.Г. Понятие и сущность следственной и следственно-оперативной групп / В.Д. Ларичев, В.Г. Кучкина // Вестник Воронежского института МВД России. – 2016. №1. – С. 118-120.

возможных форм взаимодействия следователя одной из наиболее широких и сложных является взаимодействие следователя с другим следователем в рамках следственной группы.

Нами и ранее отмечалась необходимость урегулирования различных форм взаимодействия и координации в уголовном судопроизводстве[1], однако ключевой проблемой все же остается разграничение терминов «взаимодействие» и «координация».

Другой сложный вопрос касается роли суда, который, не являясь субъектом координации, выступает активным субъектом взаимодействия. Однако пределы его активности, особенно в части истребования доказательств по собственной инициативе, остаются предметом дискуссий в контексте соблюдения принципа состязательности. Также требует развития законодательная регламентация форм взаимодействия стороны защиты с органами расследования и судом для устранения существующего дисбаланса в возможностях по собиранию доказательств.

В целях оптимизации представляется необходимым четкое законодательное закрепление разграничения данных понятий, возможно, на уровне их определения в ст. 5 УПК РФ, что исключит возможность их смешения. Требуется большая формализация процедур взаимодействия участников уголовного судопроизводства. Не менее важно совершенствование ведомственных актов с установлением четких сроков и процедур координационных мероприятий, а также ответственности за их неисполнение.

Таким образом, координация и взаимодействие представляют собой взаимосвязанные, но разноуровневые и разнопорядковые элементы системы уголовного судопроизводства. Координация создает стратегические и организационные рамки, в то время как вза-

---

[1] Лукожев, Х.М. Модель участия следователей и дознавателей в качестве сообвинителей в суде / Х. М. Лукожев // Российский судья. – 2009. – № 5. – С. 31-34; Лукожев, Х.М. Взаимодействие и координация участников следственной группы / Х. М. Лукожев // Судебная реформа в современной России: результаты, проблемы и перспективы: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Кубанского государственного университета, Краснодар, 27 марта 2020 года / Отв. ред. В.А. Семенцов. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2020. – С. 180-190; Лукожев, Х.М. Взаимодействие прокурора и должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование по уголовным делам / Х. М. Лукожев, Ж. Т. Чич // Теоретические и практические проблемы уголовного судопроизводства и криминалистики в современном мире: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 22 декабря 2020 года / Отв. редактор Т.Г. Бородинова. – Краснодар: Издательский Дом - Юг, 2021. – С. 94-102.

имодействие обеспечивает тактическое и практическое наполнение процесса расследования и судебного разбирательства. Доктринально точное понимание и законодательно четкое разведение этих категорий является условием достижения оптимального баланса между эффективностью борьбы с преступностью, неукоснительным соблюдением закона и гарантией прав личности в уголовном процессе.

**Список использованных источников**

1. Указ Президента Российской Федерации от 18.04.1996 г. № 567 (ред. от 14.06.2024 г.) «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» (вместе с «Положением о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью») // http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102040838.

2. Ларичев, В.Д., Кучкина, В.Г. Понятие и сущность следственной и следственно-оперативной групп / В.Д. Ларичев, В.Г. Кучкина // Вестник Воронежского института МВД России. – 2016. №1. – С. 118-120.

3. Лукожев, Х.М. Взаимодействие и координация участников следственной группы / Х. М. Лукожев // Судебная реформа в современной России: результаты, проблемы и перспективы: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Кубанского государственного университета, Краснодар, 27 марта 2020 года / Отв. ред. В.А. Семенцов. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2020. – С. 180-190.

4. Лукожев, Х.М. Взаимодействие прокурора и должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование по уголовным делам / Х. М. Лукожев, Ж. Т. Чич // Теоретические и практические проблемы уголовного судопроизводства и криминалистики в современном мире: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 22 декабря 2020 года / Отв. редактор Т.Г. Бородинова. – Краснодар: Издательский Дом - Юг, 2021. – С. 94-102.

5. Лукожев, Х.М. Модель участия следователей и дознавателей в качестве сообвинителей в суде / Х. М. Лукожев // Российский судья. – 2009. – № 5. – С. 31-34.

6. Лукожев, Х.М. Процессуальная самостоятельность следователя и дознавателя в современном уголовном судопроизводстве / Х.М. Лукожев // Теория и практика общественного развития. – 2021. – № 12(166). – С. 128-133.

7. Органы предварительного следствия России и процессуальная самостоятельность следователя / Г.Э. Адыгезалова, О.В. Гладышева, Х.М. Лукожев, В.А. Семенцов. – М: Юрлитинформ, 2021. – 200 с.

**Матюшенко Ксения Борисовна,**
старший преподаватель кафедры
общетеоретических правовых дисциплин,
Северо-Кавказского филиала
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный университет
правосудия имени В.М. Лебедева»
martinkb@inbox.ru

**Мартыненко Борис Константинович,**
Кандидат юридических наук, профессор кафедры
общетеоретических правовых дисциплин,
Северо-Кавказского филиала
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный университет
правосудия имени В.М. Лебедева»
ckvorcov@inbox.ru

## Генезис толкования права

**Аннотация**. В статье предпринята попытка краткого обзора различных точек зрения на проблему толкования права. Анализируется само понятие толкования, рассматриваются взгляды правоведов по этому вопросу на протяжении длительного исторического пути развития государства. Показывается роль и влия-

ние религиозных доктрин на толкование права. Выказана необходимость толкования норм права и сегодня.

**Ключевые слова**: право, толкование, интерпретация, правоприменение, ментальный процесс, герменевтика, история права, государство, доктрина, нормативный акт.

Отличительной чертой права выступает его результативность. И действительно, закон, по соей сути существует тогда, когда он исполняется в человеческой практике. Но в тоже время исполнение формального правового императива эвентуально только тогда, когда адресатом осознается его содержание, и здесь необходимо толкование данной нормы.[1]

В Этимологическом словаре русского языка толкование определяется как форма мышления разных личностей. Оно рассматривается как действие по рефлексированию фактической реальности. Речь идет о трансляции ее на понятный человеческий язык.[2] С.И. Ожегов полагает, что толковать – «значит, давать чему-нибудь какое-нибудь объяснение, определять смысл чего-нибудь».[3] В юриспруденции довольно широко применяется термин «толкование». Связано это с интеллектуально-волевой работой мозга человека. Эта мыслительная деятельность позволяет установить сам смысл норм права. Речь идет об их уяснении.

Толкование права – это ментальный процесс, направленный: во-первых, на выявление смысла норм права самим интерпретатором (уяснение); во-вторых, на доведение этого смысла до сведения других заинтересованных лиц (разъяснение).

Главным следствием интерпретации права выступает его осмысление и конечно же разъяснение. Однако процедура толкования зачастую исчерпывается только уяснением. Иными словами, идет осмысление нормы «для себя». При этом итог иным субъектам не доводится. Толкование – это необходимая процедура процесса правоприменения. Без него нет и нереально правоприменение.

---

[1] Александрова Л. Н. Толкование юридических норм и его влияние на судебную практику // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. № 39. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tolkovanie-yuridicheskih-norm-iego-vliyanie-na-sudebnuyu-praktiku (дата обращения 09.02.2025).

[2] Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1940. С. 728.

[3] Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 2001. С. 667.

Толкование в юриспруденции своими корнями уходит в глубину прошлого. Истории права знакомо продолжительное время, где государство подчас неодобрительно воспринимало толкование судами законов. Государство усматривало в нем способ обхода действующих норм права. Встречались и случаи прямого запрета толкования.

В истории имели место разнообразные взгляды по вопросу нужно-ли толковать право. Один из подходов признавал единство воли законодателя проявленной в законе: «закон … должен быть изложен настолько ясно, чтобы не нуждаться ни в каких толкованиях».[1] Если закон непонятен – следовало обратиться к сюзеренной власти для получения разъяснений. Например, в Византии, император Юстиниан предписал, чтобы судьи при сомнении в смысле закона адресовались за интерпретированием только к нему.

Поддержание целостного общественного режима в государстве усложняется и за счет культурного развития. Оно активировалось и являлось итогом консолидации большого числа гетерогенных родовых культур. Решению задач форсирования этих затруднений по обеспечению единства социума активно способствовал формирующийся феномен письма. А уже на нем базировался и феномен письменных священных текстов. Сакральный текст – это тот текст, что приспособлен сохранять целостный порядок в государстве. В силу этого ранние памятники права неразрывно связаны со священными книгами (Библия и т. д.). Здесь юридические интерпретации соединяются с религиозно-мифологическими.

Религиозные доктрины играли значительную роль в истории права и его толкования. Религия имеет огромное влияние на мировоззрение и моральное понимание общества, и ее нормы были основой для формирования правовых принципов и норм.

В разных религиозных традициях были разработаны законы и нормативные акты, которые становились основой для толкования и применения права. В христианстве, например, апостол Павел пропагандировал известное изречение «услужение священников», которое подразумевало подчинение граждан мирской власти и соблюдение гражданских законов.

---

[1] Цит. см.: Шаргородский М.Д. Избранные труды. СПб, 2004.

В исламской традиции имеется понятие Шариата, которое объединяет правовые и религиозные нормы. Шариат не только определяет мораль и этику, но и устанавливает конкретные правила поведения и наказания за их нарушение. Толкование Шариата играло важную роль в формировании исламского права и его применении в истории.

Религиозные доктрины также влияли на толкование права в обществах с другими религиозными и культурными традициями. Например, в Индии кодекс Ману устанавливал основные законы их кастовой системы, которая была тесно связана с религиозными представлениями и нормами.

Итак, толкование права в религиозных доктринах имеет значительное историческое значение, оказывая влияние на развитие правовых систем и формирование правовых принципов в обществе.

Необходимость интерпретации, по сути, с момента возникновения права, обязательно. Она была необходима из-за нечетких формулировок. Противоречивость статей и пробельность законодательства так же влияли на ее необходимость. Однако, здесь следует заметить, отношение к интерпретации права было неопределенным. Это проявлялось на различных фазах истории многих стран.

Возьмем Древний Рим. Там герменевтика служила инструментом защиты воли лиц, находящихся у власти. Эта защита осуществлялась не на прямую, а через уполномоченных – истолкователей (interpretos).

К сожалению, немало правоведов выступали против интерпретации законов. Адепты гуманитаризма в XVIII в. отрицали само толкование права. Они полагали, что интерпретация права порождает всевозможный произвол суда. Адептом этой концепции являлся Ч. Беккариа. По его мнению, лишь законодатель может быть интерпретатором закона.

Миссию судов Беккариа усматривал в исследовании противоправного деяния, совершённого человеком. Итогом этой деятельности суда было установление возмездия виновному лицу. При этом назначенная кара должна была быть аналогична характеру преступления и степени общественной опасности.

Ч. Беккариа искренне считал, что интерпретирование правовой нормы – это не что иное как некая форма произвола: «судьям не может принадлежать право толковать уголовные законы ис-

ключительно в силу того, что они не являются законодателями…».

Ш.-Л. Монтескье писал, что «судьи народа … – не более как уста, произносящие слова закона, безжизненные существа, которые не могут ни умерить силу закона, ни смягчить его суровость».[1]

Ярым противником интерпретации права был И. Бентам. Он полагал, что уже действующий законодательный акт не подлежит каким - либо разъяснениям.

По его мнению, судья, обнаружив новый казус в законе, может лишь только указать на него законодателю. И критерием истинности должен быть лишь только текст закона.

Однако реальная жизнь все ставит на свои места. Приведем хрестоматийный пример. В Болонье был принят закон: «наказывать с величайшей суровостью всякого, кто станет проливать кровь на улицах». Один из горожан на улице упал без сознания. Оказавшийся случайно рядом врач был вынужден провести манипуляции по кровопусканию.

В данном случае, если быть ортодоксом закона, то виновного в пролитии крови нужно было строжайшим образом наказать. Но налицо серьезнейшее противоречие. Противоречие между смыслом закона и его буквальной интерпретацией. В итоге - врач не пострадал.[2]

Внес свой существенный вклад в развитие герменевтики Ф. К. фон Савиньи. Он отстаивал свою точку зрения на обязательность интерпретации закона. Савиньи сконструировал четыре варианта толкования. Кстати, использующиеся и сегодня в юридической практике.

А У. Блэкстон отмечал: «наиболее универсальный и эффективный путь для раскрытия истинного содержания закона, когда его слова двусмысленны, это выявление его смысла и духа или причин, вызвавших его издание».[3]

В России, ситуация с толкованием права была практически аналогичной. До второй половины XIX в., суды неуклонно апел-

[1] Цит. по Оносов Ю.В. К вопросу о понятии усмотрения в праве // Право и политика. 2019. № 10.

[2] Черданцев А. Ф. Толкование права // Общая теория государства и права. Академический курс: в 2-х т. Т. 2: Теория права. М., 1998. С. 326.

[3] Blackston. Commentaries on the laws of England. London, 1862. V. 1. P. 46.

лировали к верховной власти: «без доклада Императорскому Величеству никакое место, не исключая и высших правительств, не имеет права переменять в законе ни единой буквы и не допускать обманчивого непостоянства самопроизвольных толкований».[1]

М.М. Сперанский аналогично призывал буквально читать право.

Он полагал, что это даст возможность исключить возможность правоприменителем самопроизвольно осуществлять толкование.

Совершенно иное мнение выразил А.Д. Градовский.

Он аргументировал использование интерпретации закона при возникновении коллизий юридического свойства. А.Д. Градовский подчеркивал актуальность судебного толкования мотивируя эту мысль тем, что этот вид юридической техники служит инструментом быстрой защиты. В силу этого, воспрещение на интерпретацию права значительно отдалит правосудие.

В последующем, ситуация кардинально меняется. И И.В. Михайловский писал: «суд не только имеет право, но и обязан толковать законы. Он не имеет права обращаться за разъяснением к кому бы то ни было, а все затруднения, все сомнения обязан решать сам».

И.Я. Фойницкий искренне полагал, что интерпретация права раскрывает два весьма актуальных вопроса:

1. существует ли по сути правовая норма?

2. может ли эта правовая норма использоваться для акцепта настоящего юридического факта?

Важнейшую лепту в теорию интерпретации правовых норм внесли Е.В. Васьковский, Г.Ф. Шершеневич, Л.А. Петражицкий. Красной нитью в их трудах стала мысль о формировании системы толкования правовых норм. Эта система представляла собой трактование смысла и задач интерпретационного процесса. Она выявляла субъектов, обладающих правом на это. Эти ученые полагали, что толкование права – э \то центральная задача квалифицированной практики правоведов.[2] И не случайно В.Д. Спасович

---

[1] Васьковский Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении граж данских законов. М., 2002. С. 129.

[2] Пронина М.П. Толкование в механизме правоприменения уголовного законодательства // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 1 (41). Стр. 36-37 // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tolkovanie-v-mehanizme-pravoprimeneniya-ugolovnogozakonodatelstva (дата обращения 10.02.2025)

фиксировал: «одно только толкование дает закону жизнь и смысл».

Правовед Н. Д. Сергеевский аргументировал целесообразность толкования законодательных актов следующим образом: «… применение закона прежде всего вызывает необходимость раскрыть мысль законодателя, выраженную в словах закона».[1]

Справедливости ради стоит сказать, то в первые годы советской власти использовались отдельные законы старого режима. Их применение осуществлялось с учетом революционного правосознания. Налицо был виден классовый характер толкования права. В период расцвета культа личности И. В. Сталина это породило массовые человеческие репрессии.[2]

И сегодня ученные-правоведы ведут активные поиски и исследования в области герменевтики. Это необходимо в целях разработки новых тенденций толкования права сегодняшнего времени. В этой связи нельзя не заметить, что уже в XXI в. издано значительное количество работ по герменевтике. При этом изучаются и исследуются ее самые различные аспекты.

Толкование права всегда привлекало внимание ученых и законодателей. В этой связи отметим, что на всех фазах развития человеческого социума, проблема интерпретации права в юридической практике всегда оставалась дискуссионным вопросом. Как нам представляется, продиктовано это тем, что важнейшим правилом канонического использования нормы права выступает осознание ее сущего содержания. Что гарантируется через глубокое взаимодействие трех факторов. Это - правовые знания, юридическая культура, правовое искусство.

Сохраняется необходимость толкования норм права и сегодня. Актуализируется это тем, что:

1) правовые нормы выражаются словами. Следовательно, воплощаются в письменном тексте. Но, как известно, любое слово многозначно;

2) правовые норма всеобъемлющи. Однако, они употребляются при конкретных ситуациях, что могут возникнуть в жизни человека;

---

[1] Цит. см.: Шаргородский М.Д. Избранные труды. СПб, 2004.

[2] См.: Рассказов Л.П. Теория государства и права. Москва, 2024.

3) использование в нормативно - правовых актах специфической правовой терминологии влечет за собой необходимость растолкования;

4) правовые нормы разнообразных нормативно-правовых актов, из-за особенностей юридического инструментария, скоррелированны многообразными отсылками к иным нормативным актам, а иногда и к другим отраслям права;

5) довольно часто формулировки законодателя могут пониматься правоприменителем двояко;

6) регулярно, при создании нормативно - правовых актах употребляются выражения «и т. д.», «и т. п.», «иные», «другие».

Несмотря на то, что процесс толкования права есть процесс интеллектуальный и субъективный, отдельные вопросы толкования урегулированы законодательно.

В настоящее время в России не существует специального закона, целиком посвящённого толкованию права, но отдельные нормы о толковании права содержатся в Конституции РФ (ст. ст. 15, 16, ч. 5 ст. 125), Гражданском (ст. ст. 431, 1187, 1191) и Налоговом (п. 2 ч. 1 ст. 21, п. 5 ч. 1 ст. 32, ст. 34.2) кодексах РФ, Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде РФ», иных законодательных актах.

Вместе с тем, следует отметить, что в Санкт-Петербурге принят закон «Об официальном толковании законов Санкт-Петербурга». Подобного рода правовые акты существуют и в некоторых субъектах Российской Федерации.

Сегодня на первое место выходят нормы-дефиниции. Они дают разъяснение терминов, использованных в действующем законодательстве. Именно такие нормы присутствуют в большинстве действующих ныне нормативно-правовых актах.

Интерпретация права – это неотделимая часть самого процесса правообразования. Действительно, его основными характерными чертами являются: письменный характер, наличие жестко обусловленного, неизменного текстуального объективирования.

Жесткая фиксации формы и содержания права позволяет стабилизировать общественные процессы, особенно в социальном плане. А это служит делу укрепления обусловленного режима общественного спокойствия. И в целом, достигается состояние равновесия в социуме.

## Список использованных источников


1. Александрова Л. Н. Толкование юридических норм и его влияние на судебную практику // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. № 39. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tolkovanie-yuridicheskih-norm-iego-vliyanie-na-sudebnuyu-praktiku (дата обращения 09.02.2025).
2. Васьковский Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М., 2002.
3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 2001. С. 667.
4. Оносов Ю.В. К вопросу о понятии усмотрения в праве // Право и политика. 2019. № 10.
5. Пронина М.П. Толкование в механизме правоприменения уголовного законодательства // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 1 (41). Стр. 36-37 // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tolkovanie-v-mehanizme-pravoprimeneniya-ugolovnogozakonodatelstva (дата обращения 10.02.2025)
6. Рассказов Л.П. Теория государства и права. Москва, 2024.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1940. С. 728.
8. Черданцев А. Ф. Толкование права // Общая теория государства и права. Академический курс: в 2-х т. Т. 2: Теория права. М., 1998.
9. Шаргородский М.Д. Избранные труды. СПб, 2004.
10. Blackston. Commentaries on the laws of England. London, 1862. V.

**Микуленок Юлия Андреевна,**
кандидат исторических наук, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Кавказского филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»
ak-bara@yandex.ru

# Толкование права в Советской России в 1920-е гг.

**Аннотация:** в статье рассматривается подходы к толкованию советского права в 1920-х гг. В первое десятилетие после установление советской власти – это первый этап становление советской теории права, в том числе и толкования. В данный период времени Стучка П.И., Бабун Р. и др. советские теоретики права выдвинули свои концепции толкования права: официальное, неофициальное, распространительное, ограничительное и расширительное толкования. Хотя, должного внимания проблеме толкования права советские теоретики не уделяли.

**Ключевые слова:** советское право, толкование права, официальное и доктринальное толкование, революционное правосознание, НЭП.

Юридическая наука неоднократно обращала внимание на необходимость точности в исполнении законов, непозволительность их перетолкования[1]. Толкование права обеспечивает правильность и единообразие применения закона, выявляет точный смысл правовых норм[2].

Толкование – это процесс познания закона, т.к. закон формируется как абстрактное правило[3]; это процесс уяснения и разъяснения закона. Толкование – это мыслительный процесс, который

[1] Попов А.М. Основные течения марксистской юридической мысли. Новочеркасск, 1925. С. 45.

[2] Бошно С.В. Толкования норм права // Право и современные государства. 2013. № 4. С. 17.

[3] Братусь С.Н. Судебная практика в советской правовой системе. М., 1975. С. 11.

направлен на объяснение[1]. Стучка П.И. под толкованием понимал «применение закона толком»[2]. Петр Иванович отмечает, что «закон не допускает внутренних непримиримых противоречий; даже в случае «неполноты, неясности или противоречий» закона юрист приступает не к отрицанию, а к толкованию закона. Он в этом толковании исходит не от жизненных отношений, а от буквы закона, при недостаточности буквы берет на помощь соответствующий отдел, а то и целый кодекс или всю правовую систему»[3].

В Российской империи в дореформенный период если возникала необходимость толкования закона, то с разъяснениями обращались к верховной власти. После проведения судебной реформы 1864 г. право толковать закон получили суды.

Исторически выделяются следующие способы толкования права:

1) формальное отношение к словесной форме;

2) истолкование в законе «воли законодателя»;

3) историческое истолкование закона по источникам;

4) вскрытие «смысла», «идеи» закона;

5) истолкование «воли не законодателя, а закона» с точки зрения цели закона[4].

После установления советской власти в систему права вносятся кардинальные изменения: были отменены старые дореволюционные нормы права и пересмотрена теория права, всякое отсутствие и неполнота декретов дополнялась революционным правосознанием. Не стоит забывать, что в данный период сформировались специфические черты советской правовой системы:

1)В основе советской правовой системы лежала партийная идеология.

2)В советский период акцент делался не только на историческое, но на историко-политическое толкование.

---

[1] Абжапаров Н.А. Понятие и сущность толкования права в контексте специфики нормы гражданского права как предмета толкования // Известия ВУЗов. 2010. №5. С. 224.

[2] Энциклопедия государства и права в 3 томах. Т. 3. М., 1927. С. 1186.

[3] Стучка П.И. Революционная роль права и государства: общее учение о праве. М., 1924. С. 109.

[4] Энциклопедия государства и права в 3 томах… С. 1186.

3)В первое десятилетие советской власти нормы права носили «пластичный» характер, т.е. толкование права осуществлялось на основе революционного правосознания.

Строительство новой советской правовой системы заставило власть пересмотреть программы высшего образования, которые уже не соответствовали новым реалиям. В 1919 г. постановлением Народного комиссариата просвещения на базе упраздненных юридических факультетов были созданы факультеты общественных наук[1], которые в большинстве ВУЗов, за исключением МГУ, в 1924 г. были закрыты. В 1920 г. на юридическом отделении МГУ преподавались 32 дисциплины: Источники права и история права Московского государства XVI–XVII вв.; История институтов частного права; Основы гражданского права; Международное частное право; Законодательство о труде; Уголовная этнология; Уголовное право; Административное право; Учение о правосознании и т.д., однако курс Общей теории государства и права / Основы государства и права введен не был. В 1925 г. на юридическом факультете Саратовского государственного университета курс теории права читал доцент Ф.Д. Корнилов. В середине 1920-х гг. появились первые учебники по «Теории государства и права»[2].

С первых дней установления советской власти В.И. Ленин призывал граждан установить строжайший революционный порядок и беспощадно подавлять любое нарушение законов[3]. Отступление от закона допускалось лишь экстренными условиями Гражданской войны[4]. Советская революция отвергла все прежние законы в целом и предпочла пробелы заполнять революционным правосознанием. Отношение к революционному декрету в смысле обязательности было довольно строгим, а всякое отсутствие и

---

[1] Михеев Д.Ю. Высшая юридическая школа в Сибири в 1920-е годы // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2021. № 4 С. 121.

[2] Ладыженский А.М. Программа по энциклопедии права. М., 1922; Розанов Я.С. Основные вопросы права и государства: хрестоматия. Учебное пособие для ВУЗа. М., 1926; Стальгевич А.К. Программа по общей теории права для последних курсов факультетов советского права. М., 1929 и др.

[3] Обращение Председателя Совета Народных Комиссаров к населению о победе Октябрьской революции и задачах борьбы на местах // Декреты Советской власти. Т. 1: 25 октября 1917 г. − 16 марта 1918 г. М., 1957. С. 48.

[4] Постановление Чрезвычайного VI Всероссийского Съезда Советов «О революционной законности» 8 ноября 1918 г. // Конституция и конституционные акты РСФСР (1918−1937). Сборник документов. М., 1940. С. 39.

неполноту декретов должно было восполнить «социалистическое правосознание»[1].

Историографический анализ показал, что на первоначальном этапе большевики не уделяли должного внимания вопросу толкования права. Петр Иванович Стучка отмечал: «Нет сомнения, что неясности, даже противоречия законов встречаются на каждом шагу так же и у нас, хотя мы в случае надобности и согласны, по словам Ленина, в 24 часа изменить или дополнить закон, неясный или отставший от быстрого течения жизни, не говоря уже о неполноте наших законов»[2].

Тем не менее в 1920-е гг. была открыта научная дискуссия о способах толкования права, порожденная наследием дореволюционной полемики. Традиционно юристы-ученые выделяли два вида толкования:

1)легальное (дается законодательной властью, т.е. толкование закона законом);

2)доктринальное (не имеет обязательной силы). К доктринальному толкованию относится грамматическое, логическое, историческое и систематическое. Последнее ставит своей задачей уяснить смысл закона путем сопоставления его с системой действующего законодательства.

Ряд советских ученых выступили с критикой данной классификации, считая, что легальное толкование по сути это новый закон[3].

Стучка П.И. выделял два вида толкования: от власти (легальное) и от науки (доктринальное). В свою очередь легальное толкование распадается на: а) автентическое, даваемое законодательной властью, имеет силу, равную закону;

б) официальным уполномоченным органом;

в) судебное (судебный прецедент или особое разъяснение Верховного Суда).

Кроме того, Петр Иванович отмечает, что в зависимости от того, как поставлена сама техника толкования, различают грамматическое; филологическое; этимологическое; синтаксическое (разбор текста и установление значения слов); логическое; историческое[4].

---

[1] Энциклопедия государства и права в 3 томах… С. 1186−1190.

[2] Энциклопедия государства и права в 3 томах… С. 1186.

[3] Бабун Р. Общее учение о праве и государстве. Киев, 1925. С. 105.

[4] Энциклопедия государства и права в 3 томах… С. 1189.

В советской юридической науке выделялись распространительное, ограничительное и расширительное толкования. Бабун Р. в своей работе «Общее учение о праве и государстве» выделил еще один способ токования – по аналогии. Так, ст. 10 УК РСФСР 1922 г. предусматривает: «В случае отсутствия в Уголовном кодексе прямых указаний на отдельные виды преступлений наказания или меры социальной защиты применяются согласно статьям Уголовного кодекса, предусматривающим наиболее сходные по важности и роду преступления, с соблюдением правил общей части сего Кодекса»[1]. Анализ Декрета «О суде № 1» позволил выделить еще один специфический метод – революционно-диалектический[2]: местные суды решают дела именем Российской Республики и руководствуются в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию[3]. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. установил, что разъяснение и толкование решений принадлежит суду, в котором рассматривалось дело[4].

В Советской России правом легального толкования, во-первых, был наделен Пленум Верховного Суда СССР – с точки зрения конституционности и общесоюзного законодательства. Его решение обязательно и для Верховных судов союзных республик. Во-вторых, Верховные суды республик. Согласно Постановлению ВЦИК «О введении в действие положения о судоустройстве РСФСР» от 11 ноября 1922 Верховный Суд РСФСР был наделен правом «правильного истолкования законов по во-просам судебной практики»[5]. Уже Положение о судоустройстве РСФСР от 1926 г. существенно расширяет данную норму: «истолкованием законов по всем вопросам судебной практики в области процессуального и ма-

[1]Уголовный кодекс РСФСР 1922. URL: https://docs.cntd.ru/document/901757375?ysclid=m6c12laz5y931578357 (дата обращения 25.01.2025). Ст. 10.

[2] Энциклопедия государства и права в 3 томах. Т. 3. М., 1927. С. 1192.

[3] Декрет о суде №1 // Декреты советской власти. Т. I: 25 октября 1917 – 16 марта 1918. М., 1957. С. 124.

[4] Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102073737&backlink=1&nd=102010101&rdk=0 (дата обращения 27.01.2025). Ст. 185.

[5] Постановление ВЦИК «О введении в действие положения о судоустройстве РСФСР», принятое на IV сессии IX созыва 31 октября 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1922. №69. Ст. 60.1.

териального права, возбуждаемым отдельными коллегиями Верховного Суда или отдельным составом судебного заседания той или иной коллегии, или по представлению президиума Верховного Суда, Прокурора Республики или его помощника, состоящего при Верховном Суде, а равно по представлениям пленумов главных судов автономных республик, пленумов краевых, областных, губернских и окружных судов в порядке, устанавливаемом настоящим Положением; разъяснения пленума Верховного Суда обязательны для всех судебных учреждений, действующих на территории Р.С.Ф.С.Р.»[1]. Отчеты, информационные или инструктивные письма Верховного Суда могли быть опротестованы Прокурором Республики Народному Комиссару Юстиции не позже трех дней после утверждения их Президиумом Верховного Суда[2].

В-третьих, правом разъяснения законов были наделены Наркомюст и отдельные накроматы. На страницах журнала «Советская юстиция» Наркомюст давал разъяснения пробелов или коллизий права: «В разделе втором 5-й главы Уголовного кодекса РСФСР “О телесных повреждениях и насилиях над личностью” телесные повреждения делятся на тяжкие, менее тяжкие и легкие, причем повреждениям тяжким и менее тяжким даются соответствующие определения». Однако ст. 142 кодекса говорит о весьма тяжком телесном повреждении, при этом дефиниция последнего в кодексе отсутствует. Руководствуясь соображениями необходимости правильного однообразного толкования, Воронежский губюст обратился в Наркомюст с просьбой разъяснить, что следует понимать под словами «весьма тяжкие телесные повреждения». По мнению губюста, в данном случае допущена редакционная ошибка вставкой слова «весьма»[3].

Народный комиссариат по внутренним делам дал разъяснения Постановления ВЦИК и СНК от 20 июня 1923 г. о едином

---

[1] Положение о Судоустройстве Р.С.Ф.С.Р. Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, принятое на 3-й сессии XII созыва. Об утверждении Положения о Судоустройстве Р.С.Ф.С.Р. 19 ноября 1926 года // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР. 1926. № 85. Ст.180.

[2] О порядке руководства судебными органами РСФСР (Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров) // Конституция и конституционные акты РСФСР (1918–1937). Сборник документов. М., 1940. С. 201.

[3] Дискуссионная страница по применению Уголовного кодекса // Советская юстиция. 1922. №29-30. С. 19.

виде на жительство: «Органам управления воспрещается требовать от граждан РСФСР обязательного предъявления паспортов и иных видов на жительство, стес-няющих их право передвигаться и селиться на территории РСФСР»; «сведения о совершенном упразднении документа, удостоверяющего личность гражданина, неверно. Документ, удостоверяющий личность, необходим для нормального учета населения и пр. Реформа заключается лишь в том, что взамен разнообразного вида удостоверений вводится единого типа документ, удостоверяющий личность.

Для получения такого удостоверения необходимо предоставить либо выписку из метрической книги, либо удостоверение со службы, а в сельских местностях – удостоверение от сельсовета. Если органам милиции, выдающим вид на жительство, представленный документ покажется недостаточным, может быть потребован дополнительно другой. Если же у гражданина никаких документов не окажется, то его личность может быть установлена судом на основании свидетельских показаний»[1].

Особое значение в данный период приобретает толкование норм жилищного законодательства в связи с тем, что кодификация жилищного права не была проведена. Так, коллегия НКЮ дала разъяснение по вопросу, «имеет ли право крестьянин, член сельскохозяйственного двора, приобретать муниципализированное жилое строение, находящееся в поселении городского типа». Разъяснения содержатся и в многочисленных сборниках декретов, распоряжений и постановлений советской власти по жилищному вопросу: разъяснение «Декрета о мерах правильного распределения жилищ среди трудящегося населения»; Инструкция НКВД о порядке отвода и сдачи жилых помещений и др.

Таким образом, первое десятилетие после установления советской власти – это начало формирования новой советской правовой системы, которая кардинальным образом пересмотрела старую буржуазную теорию, в том числе и подходы толкования права. В 1920-е гг. советские юристы выделили следующие способы толкования права: легальное и доктринальное. Стоит отметить, что в данный период времени было заложено начало деятельной дискуссии, которая остается актуальной и в XXI в.

[1] Единый вид на жительство // Голос рабочего. 1923. № 60. С.1.

## Список использованных источников


1. Постановление Чрезвычайного VI Всероссийского Съезда Советов «О революционной законности» 8 ноября 1918 г. // Конституция и конституционные акты РСФСР (1918−1937). Сборник документов. М., 1940. 298с.
2. Декрет о суде №1 // Декреты советской власти. Т. I: 25 октября 1917 – 16 марта 1918. М., 1957. 640с.
3. О порядке руководства судебными органами РСФСР (Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров) // Конституция и конституционные акты РСФСР (1918–1937). Сборник документов. М., 1940. 297с.
4. Положение о Судоустройстве Р.С.Ф.С.Р. Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, принятое на 3-й сессии XII созыва. Об утверждении Положения о Судоустройстве Р.С.Ф.С.Р. 19 ноября 1926 года // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР. 1926. № 85. С.1046-1097.
5. Постановление ВЦИК «О введении в действие положения о судоустройстве РСФСР», принятое на IV сессии IX созыва 31 октября 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1922. №69. Ст. 60.1.
6. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102073737&backlink=1&nd=102010101&rdk=0 (дата обращения 27.01.2025).
7. Уголовный кодекс РСФСР 1922. URL: https://docs.cntd.ru/document/901757375?ysclid=m6c12laz5y931578357 (дата обращения 25.01.2025).
8. Абжапаров Н.А. Понятие и сущность толкования права в контексте специфики нормы гражданского права как предмета толкования // Известия ВУЗов. 2010. №5. С. 224-229.
9. Бабун Р. Общее учение о праве и государстве. Киев, 1925. 190с.
10. Бошно С.В. Толкования норм права // Право и современные государства. 2013. № 4. С. 17-25.
11. Братусь С.Н. Судебная практика в советской правовой системе. М., 1975. 327с.
12. Дискуссионная страница по применению Уголовного кодекса // Советская юстиция. 1922. №29-30. С. 19.

13. Единый вид на жительство // Голос рабочего. 1923. № 60. С.1.
14. Михеев Д.Ю. Высшая юридическая школа в Сибири в 1920-е годы // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2021. № 4. С. 118-121.
15. Обращение Председателя Совета Народных Комиссаров к населению о победе Октябрьской революции и задачах борьбы на местах // Декреты Советской власти. Т. 1: 25 октября 1917 г. − 16 марта 1918 г. М., 1957. 640с.
16. Попов А.М. Основные течения марксистской юридической мысли. Новочеркасск, 1925. С. 56с.
17. Стучка П.И. Революционная роль права и государства: общее учение о праве. М., 1924. 140с.
18. Энциклопедия государства и права в 3 томах. Т. 3. М., 1927. 1670с.

**Тушканов Игорь Валентинович**
кандидат юридических наук, кандидат исторических наук,
доцент, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин
Северо-Кавказского филиала
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный университет
правосудия имени В.М. Лебедева»
tushkanovi@rambler.ru;
https://orcid.org/0000-0001-8398-5025.

## Правовое регулирование и практика толкования права в России XIX – начала XX вв.

**Аннотация:** В статье рассматриваются правовые и практические проблемы толкования права в Российской Империи. Объектом настоящего исследования являются правоотношения, связанные с процессом толкования законодательства в XIX в. – начале XX в. Предметом выступают нормативные акты, регламентирующие деятельность судебных органов по толкованию права, а также непосредственно акты толкования права Правительствую-

щего Сената. Автором использовались современные и традиционные методы исследования в соответствии с принципами историзма и объективности. В результате проведенной работы сделаны выводы, о том, что законодательное регулирование толкования права соответствовало правовой традиции Российского государства; при этом Правительствующий Сенат оставался основным субъектом толкования права, чьи решения воспринимались судебными органами как руководство к действию.

**Ключевые слова:** Правительствующий Сенат, Российская Империя, суд, судебная реформа 1864 г., толкование права.

В России, как и в других странах континентальной Европы, долгое время судьи (особенно на местном и региональном уровне) либо одновременно были администраторами, либо находились в подчинении у чиновников других ведомств. Естественно, что в таких условиях для обеспечения справедливости (или как минимум, строгого исполнения закона) требовалось, чтобы судьи принимали решения четко по нормам права, без какого-либо собственного усмотрения. Известная поговорка, сравнивающая закон с дышлом, как раз критикует излишнюю свободу усмотрения судьи.

Как справедливо отмечает Н.И. Биюшкина: «в Российском государстве до второй половины XIX в. суд по общему правилу осуществлял лишь буквальное толкование норм права, которые считались единственным источником права, а судья – исключительно его правоприменителем. В случае возникновения сомнений судье необходимо было обратиться в вышестоящую инстанцию за разъяснениями»[1]. Аналогичного мнения придерживается О.В. Сазанкова, которая указывает, что «до издания Уставов 1864 г. все инстанции должны были применять закон по буквальному его смыслу, а при встретившейся им неясности могли только довести свои сомнения до Сената, который также не имел права отступать от точного значения закона и в случаях действительного «недостатка» норм выступал лишь инстанцией, окончательно констатирующей это обстоятельство»[2]. С ними согласны Т.Н.

[1] Биюшкина Н.И. Акты толкования Правительствующего Сената действующего законодательства Российской Империи (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 6. С. 94.

[2] Сазанкова О.В. Правительствующий Сенат Российской Империи как высший судебный орган в конце XIX – начале XX в. // Российское правосудие. 2011. № 10 (66). С. 107 – 108.

Ильина и Ю.С. Галина, которые указывают, что «в рамках дореформенного судебного процесса судам по общему правилу не дозволялось выходить за пределы буквального толкования норм права, так как судья считался лишь исполнителем закона при единственном создателе – монархе». Но при этом они также отмечают, ссылаясь на известного русского юриста М.А. Филиппова, что «в действительности дореформенные суды зачастую произвольно толковали содержание правовых норм, что также предполагалось устранить путем введения единого кассационного суда – с функцией надзора за точным исполнением законов нижестоящими судами»[1]. Следовательно, толкование правовых норм судами дореформенной России было явлением нечастным и, во многом, стихийным.

При этом нужно отметить, что после возвращения в состав России русских земель, ранее находившихся под властью Речи Посполитой во второй половине XVIII в., а также освобождения Бессарабии от османского владычества в 1812 г. встал вопрос о постепенной правовой интеграции этих территорий в общеимперское правовое поле. И здесь большую роль сыграла практика толкования местных правовых норм и обычаев Правительствующим Сенатом. Как пишет О.А. Диулина: «по мере развития судебной практики всё больше расширяется значение обычного права и укрепляется его статус источника права, имеющего юридическую силу выше общего закона. Российским правительством тем самым не только на момент присоединения провозглашено сохранение обычного права и местного суда как его неотъемлемого атрибута, но и созданы реальные условия для его дальнейшего самобытного развития как партикулярного права. Этому способствовала реализация потенциала интерпретационной функции Правительствующего Сената, превратившая его в субъект правотворческой интеграционной деятельности в Российской империи наряду с законодателем. По сути, Сенатом восполнены многие принципиальные пробелы законодательства в решении конфликтов между российским общим законом и местным обычаем, завершено юридическое оформление интеграционного права как системы правовых норм и оформление

[1] Ильина Т.Н., Галина Ю.С. Место и роль актов кассационных департаментов Правительствующего Сената в правовой системе Российской Империи // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2024. № 1. С. С. 14.

партикулярного права как части общего российского»[1]. Конечно же, это был длительный процесс, например, Шестикнижие Арменопула действовало в Бессарабии фактически до начала XX в. Но, как известно, приоритетом интеграционной политики Российской Империи была не скорость процесса, а его безболезненность для местного населения.

Также важна была деятельность судебных органов, особенно Сената, по толкованию права в случаях пробелов или противоречий законодательства (например, о рекрутской повинности лиц иудейского вероисповедания). Как справедливо отмечает Н.Ю. Иванова, «Правительствующий Сенат регулярно разрешал дела, возникающие из противоречий или пробелов в законодательстве относительно рекрутской повинности, которые инициировались администрацией или жалобщиками»[2]. В своей обстоятельной статье[3] она приводит немало примеров, доказывающих насколько активной и важной была роль Сената в толковании права в середине XIX в.

Известный дореволюционный историк права М.А. Филиппов писал, что «Высочайший указ от 24 сентября 1862 г. об основных началах судебной реформы положил конец такому безначалию (произвольному толкованию законов судами и администрацией – И.Т.), обязав суды решать дела по точному разуму существующих законов, он предоставил единственно кассационному суду (правительствующему сенату) наблюдение за точным исполнением законов. Отныне кассационный суд будет единым верховным истолкователем истинного смысла закона, и он же будет направлять все суды России к единству действия и понимания законов»[4].

20 ноября 1864 г. Император Александр II утвердил четыре законодательных акта, составивших сущность судебной реформы: Учреждение судебных установлений; Устав уголовного судопро-

---

[1] Диулина О.А. Интеграционно-правовое значение решений Кассационного Департамента Правительствующего Сената Российской империи (XVII–XIX века) // Юридическая наука и практика. 2021. Т. 17. № 4. С. 18 – 19.

[2] Иванова Н.Ю. Деятельность Правительствующего Сената по разрешению спорных вопросов о рекрутской повинности евреев в середине XIX в. // История, теория, практика российского права. 1913. № 9. С. 190.

[3] Иванова Н.Ю. Деятельность Правительствующего Сената по разрешению спорных вопросов о рекрутской повинности евреев в середине XIX в. // История, теория, практика российского права. 1913. № 9. С. 180 – 190.

[4] Филиппов М.А. Судебная реформа в России. Т. 1. Судоустройство. Ч. 1. СПб., 1871. С. 57.

изводства; Устав гражданского судопроизводства; Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями[1]. В результате, как справедливо указывает О.В. Сазанкова, «судебная реформа коренным образом изменила компетенцию и порядок делопроизводства Правительствующего Сената в области уголовного и гражданского правосудия»[2]. В свою очередь, Н.И. Биюшкина конкретизирует, что «после проведения судебной реформы 1864 г. обязательными функциями Сената становятся толкование и правоинтерпретация законов»[3]. По вполне обоснованному мнению С.И. Митиной, «именно в это время особенно проявилась роль Правительствующего Сената в качестве высшей судебной инстанции и официального интерпретатора законодательства»[4]. В Учреждении судебных установлений указано, что «Сенат в качестве верховного кассационного суда, не решая дел по существу в общем порядке судопроизводства, наблюдает за охранением точной силы закона и за единообразным его исполнением всеми судебными установлениями Империи»[5]. По этому поводу П.А. Гук и Е.П. Гук справедливо отмечают, что «Сенат поддерживал и реализовывал принцип единства судебной практикой в системе судов российской империи путем толкования законов и их единообразного применения»[6]. Таким образом, можно констатировать, что пореформенное законодательство закрепляло особую роль Правительствующего Сената, как основного толкователя права. Как обоснованно указывает О.В.

---

[1] Именной указ 20 ноября 1864 г., данный Сенату «Об учреждении судебных установлений и о судебных уставах // Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание Второе. Том 39 (1864 г.). Часть вторая. № 41473. // https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php Дата обращения 10.02.2025.

[2] Сазанкова О.В. Правительствующий Сенат Российской Империи как высший судебный орган в конце XIX – начале XX в. // Российское правосудие. 2011. № 10 (66). С. 107.

[3] Биюшкина Н.И. Акты толкования Правительствующего Сената действующего законодательства Российской Империи (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 6. С. 93.

[4] Митина С.И. Роль судебной реформы 1864 г. в развитии техники толкования права (по материалам Новгородских губернских ведомостей) // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. 2024. № 3 (61). С. 10.

[5] Учреждение судебных установлений 20 ноября 1864 г. // Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание Второе. Том 39 (1864 г.). Часть вторая. № 41475. Ст. 5. // https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php Дата обращения 10.02.2025.

[6] Гук П.А., Гук Е.П. Принцип единства судебной практики в российском судопроизводстве // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2016. № 3 (39). С. 85.

Сазанкова, «Сенат сохранил одну из основных своих функций – толкование законов, данное толкование являлось решающим, окончательным и обязательным. Здесь следует отличать толкование закона принципиальное, не в связи с каким-либо конкретным делом»[1].

Возможность толкования законов судебными палатами и окружными судами также была предусмотрена судебными уставами 1864 года. Так, ст. 9 Устава гражданского судопроизводства указывала, что «все судебные установления обязаны решать дела по точному разуму существующих законов, а в случае их неполноты, неясности, недостатка или противоречия, основывать решение на общем смысле законов»[2]. Более того, в следующей статье отмечено, что «воспрещается останавливать решение дела под предлогом неполноты, неясности, недостатка или противоречия законов. За нарушение сего правила, виновные подвергаются ответственности, как за отказ от правосудия»[3]. Примерно такие же положения есть и в Уставе уголовного судопроизводства. Так, в соответствии со статьей 12 Устава уголовного судопроизводства, «все судебные установления обязаны решать дела по точному разуму существующих законов, а в случае неполноты, неясности или противоречия законов, коими судимое деяние воспрещается под страхом наказания, должны основывать решение на общем смысле законов»[4]. В следующей статье прописано, что «воспрещается останавливать решение дела под предлогом неполноты, неясности или противоречия законов. За нарушение сего правила, виновные подвергаются ответственности, как за про-

[1] Сазанкова О.В. Функции Правительствующего Сената Российской Империи как высшего судебного органа // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 4. С. 279.

[2] Устав гражданского судопроизводства 20 ноября 1864 г. // Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание Второе. Том 39 (1864 г.). Часть вторая. № 41477. Ст. 9. // https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php Дата обращения 10.02.2025.

[3] Устав гражданского судопроизводства 20 ноября 1864 г. // Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание Второе. Том 39 (1864 г.). Часть вторая. № 41477. Ст. 10. // https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php Дата обращения 10.02.2025.

[4] Устав уголовного судопроизводства 20 ноября 1864 г. // Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание Второе. Том 39 (1864 г.). Часть вторая. № 41476. Ст. 12. // https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php Дата обращения 10.02.2025.

тивозаконное бездействие власти»[1]. Следовательно, процессуальное законодательство не только давало возможность, но и прямо требовало от судьи толковать действующее право.

Необходимость толкования особенно проявилась в сфере обычного права, которое продолжало быть основным источником для разрешения споров в инородческой, казацкой и крестьянской среде. Прежде всего, это было связано с тем, что «неоднозначный характер норм обычного права, различная практика его применения вынудили политическую элиту пореформенной России предпринять ряд шагов, направленных на его разъяснение»[2]. Как справедливо указывает И.В. Скрябин: «Решения Правительствующего Сената по крестьянским делам систематизировались в годовых сборниках. Кроме того, для специалистов выходили тематические сборники, объединенные какой-либо общей проблемой, например, вопросами, связанными с крестьянством. Внимание Сената занимали в первую очередь те отношения, которые законом (в частности, «Положением...») были отнесены к ведению обычного права, и в которых правовой обычай проявлялся наиболее рельефно»[3]. В результате правоинтерпретационной деятельности Сената, обычное право различных сословий и разных территорий Российской Империи становилось более четким и унифицированным, что способствовало дальнейшему развитию внутреннего товарооборота.

Помимо эволюции обычного права, деятельность Правительствующего Сената по толкованию права, способствовала дальнейшему развитию практически всех отраслей действующего законодательства. Например, Гражданским кассационным департаментом Сенатом было дано понятие договора, указаны условия действительности сделок[4], сформулировано положение о соот-

---

[1] Устав уголовного судопроизводства 20 ноября 1864 г. // Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание Второе. Том 39 (1864 г.). Часть вторая. № 41476. Ст. 13. // https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php Дата обращения 10.02.2025.

[2] Скрябин И.В. Проблемы регулирования норм обычного права в судебной практике Правительствующего Сената // Казанская наука. 2011. № 11. С. 44.

[3] Скрябин И.В. Проблемы регулирования норм обычного права в судебной практике Правительствующего Сената // Казанская наука. 2011. № 11. С. 44.

[4] Решения Гражданского Кассационного Департамента Правительствующего Сената // Законы гражданские со включением позднейших узаконений и разъяснений по решениям Общ. Собр. и Гражд. Касс. Департ. Правит. Сената с 1866 по 1914 г. (включительно). Изд. неофиц. / Сост. под ред. А.К. Гаугера. 9-е изд. Петроград: Юрид. кн. маг. Н.К. Мартынова, 1915. С. 657.

ношении общих и специальных норм права[1] и ряд других важных понятий и принципов. Современные исследователи также отмечают влияние решений Сената на развитие положений о владении имуществом, договорного права, разработку многих положений гражданского процесса, «приведение всей системы уголовного права в соответствие с реалиями времени и создание стройной системы его применения к общественным отношениям» (О.В. Сазанкова[2]); по вопросам имущественных отношений, наследственному праву, по обеспечению договоров и обязательств, договорам поставки и подряда, в области административного права (Н.И. Биюшкина[3]); деятельности нотариусов (А.А. Яковлев[4]). По вполне обоснованному мнению А.В. Калиниченко, «Сенат установил для подведомственных ему судов и общие правила толкования законов: толкование закона, даваемые кассационным департаментом, должны служить руководством для всех судебных мест при решении однородных дел. Принятые решения публиковались для всеобщего сведения для руководства к единообразному истолкованию и применению законов. В дальнейшем эта практика была распространена на гражданский кассационный департамент, общие собрания департаментов и соединенные присутствия первого и кассационных департаментов Сената»[5]. Следовательно, благодаря деятельности Правительствующего Сената шло не только развитие различных отраслей материального пра-

[1] Решения Гражданского Кассационного Департамента Правительствующего Сената // Законы гражданские со включением позднейших узаконений и разъяснений по решениям Общ. Собр. и Гражд. Касс. Департ. Правит. Сената с 1866 по 1914 г. (включительно). Изд. неофиц. / Сост. под ред. А.К. Гаугера. 9-е изд. Петроград: Юрид. кн. маг. Н.К. Мартынова, 1915.С. 659.

[2] Сазанкова О.В. Правительствующий Сенат Российской Империи как высший судебный орган в конце XIX – начале XX в. // Российское правосудие. 2011. № 10 (66). С. 108 – 109.

[3] Биюшкина Н.И. Акты толкования Правительствующего Сената действующего законодательства Российской Империи (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 6. С. 95.

[4] Яковлев А.А. Практика публичного толкования законодательства Правительствующим Сенатом во второй половине XIX в. // Миссия права. Сборник материалов Международной научно-практической конференции и Всероссийской научной конференции с международным участием. Великий Новгород: Издательство Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, 2022. С. 298.

[5] Калиниченко А.В. Сенат в системе судебной власти Российской империи. автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар: Краснодарский государственный университет, 2011. С. 24.

ва, но и формировалась единообразная судебная практика толкования норм права.

Таким образом, правовое регулирование и практика толкования права в Российской Империи прошли путь от периода буквального толкования законодательства судебными органами (XVIII в. – первая половина XIX в.) до эпохи, когда Правительствующий Сенат являлся основным субъектом толкования права, чьи решения воспринимались судебными органами как руководство к действию (вторая половина XIX в. – начало XX в.). При этом Сенат, вынося решения по тем или иным спорным вопросам, способствовал унификации правоприменения на всей территории Империи, развитию различных институтов гражданского права и других отраслей. Такая роль высшего судебного органа соответствует государственно-правовой традиции России и отчетливо проявляется в деятельности по толкованию действующего законодательства Верховным Судом Российской Федерации.

**Савченко Виталий Николаевич**
аспирант кафедры уголовного процесса
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Кубанский государственный университет»

## Толкование понятия «субъект предпринимательской деятельности» в уголовном судопроизводстве

**Аннотация**

Статья посвящена проблеме толкования понятия «субъект предпринимательской деятельности» в уголовно-процессуальном праве Российской Федерации. Анализируется соотношение гражданско-правового и уголовно-процессуального подходов к определению данного понятия, рассматриваются законодательные новеллы, внесенные в УПК РФ, а также практика применения постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Обосновывается необходимость системного закрепления особенностей производства в отношении субъектов предпринимательской деятельности в отдельной главе УПК РФ.

**Ключевые слова:** субъект предпринимательской деятельности, уголовное судопроизводство, уголовно-процессуальные гарантии, предпринимательская деятельность, меры пресечения, дифференциация процессуальной формы.

Уголовно-процессуальное право России, призванное обеспечивать защиту как потерпевших от преступлений, так и лиц от незаконного и необоснованного уголовного преследования (ст. 6 УПК РФ), сконструировано таким образом, что среди всех участников судопроизводства закон выделяет особые категории субъектов, требующих дополнительных прав и гарантий их реализации. К числу таких субъектов относятся несовершеннолетние (глава 50 УПК РФ), должностные лица и иные «спецсубъекты» (глава 52 УПК РФ), а также субъекты предпринимательской деятельности[1].

Президент Российской Федерации не раз отмечал важность защиты предпринимателей от незаконного и необоснованного уголовного преследования и формирования условий, при которых не должны чувствовать давление правоохранительной системы государства[2].

Выделение субъектов предпринимательской деятельности в качестве категории, нуждающейся в особых процессуальных гарантиях, обусловлено конституционными положениями о единстве экономического пространства, свободе экономической деятельности, праве свободно использовать свои способности и имущество для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (ст. 8, 34, 35 Конституции РФ).

---

[1] Карханина А.А. Правовые основы статуса субъектов предпринимательской деятельности в уголовно-процессуальном законодательстве // Юридическая наука. 2021. №11. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-statusa-subektov-predprinimatelskoy-deyatelnosti-v-ugolovno-protsessualnom-zakonodatelstve (дата обращения: 28.09.2024).

[2] Заседание коллегии Генеральной прокуроры Российской Федерации. Официальный сайт Президента Российской Федерации // URL: http://kremlin.ru/events/president/news/62998 (дата обращения 10.10.2024 г.); Поздравление Президента Российской Федерации по случаю Дня работника прокуратуры 12 января 2023 года. Официальный сайт Президента Российской Федерации // URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/70341 (дата обращения 10.05.2023 г.); Совещание судей судов общей юрисдикции, военных и арбитражных судов. 14 февраля 2023 года. Официальный сайт Президента Российской Федерации // URL: http://kremlin.ru/events/president/news/70510 (дата обращения 10.10.2024 г.).

Предпринимательская деятельность является важнейшей составляющей экономики страны, а лица, ее осуществляющие, нуждаются в защите от незаконного уголовного преследования, которое может использоваться как инструмент давления на бизнес[1].

Вместе с тем, как справедливо отмечают исследователи, в УПК РФ не дано законодательного определения термина «субъект предпринимательской деятельности», отсутствует целостный, единый и системный подход к закреплению особенностей производства в отношении данной категории лиц.

Базовое определение предпринимательской деятельности закреплено в абз. 3 п. 1 ст. 2 ГК РФ: предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке.

Данное определение содержит четыре – ключевых признака:

1. Самостоятельность – лицо принимает решения по собственной инициативе, без подчинённого положения;
2. Рисковый характер – лицо несет риск возможных неблагоприятных последствий;
3. Систематическое получение прибыли – прибыль извлекается не эпизодически, а на постоянной основе;
4. Государственная регистрация – лицо зарегистрировано в качестве предпринимателя в установленном законом порядке.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности»[2] указал, что преступления следует считать совершёнными в сфере предпринимательской деятельности, если они совершены индивидуальным предпринимателем в связи с

[1] Организация защиты прав субъектов предпринимательской деятельности в ходе расследования преступлений: монография / Е.А. Авдеева. М.: Русайнс, 2023.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016г. № 48 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» // СПС «КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207109/

осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, а также членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией либо при осуществлении коммерческой организацией предпринимательской деятельности.

Таким образом, правоприменитель для определения предпринимательского характера деятельности вынужден обращаться к гражданско-правовому определению, что порождает ряд теоретических и практических проблем.

Федеральным законом от 02.11.2023 № 524-ФЗ в статью 5 УПК РФ были внесены изменения, дополнившие ее пунктами 27.1 и 27.2, которые закрепили понятия преступлений, совершенных в связи с предпринимательской или иной экономической деятельностью.

Согласно п. 27.1 ст. 5 УПК РФ, преступлениями, совершенными индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности, признаются преступления, совершенные индивидуальным предпринимателем в ходе осуществления им самостоятельной, осуществляемой на свой риск деятельности, направленной на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг, и (или) при управлении принадлежащим ему имуществом, используемым в целях такой деятельности.

Согласно пункту 27.2, преступлениями, совершенными членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению данной организацией, признаются преступления, совершенные при осуществлении им полномочий по управлению данной организацией либо в ходе осуществления коммерческой организацией самостоятельной, осуществляемой на свой риск деятельности, направленной на систематическое получение прибыли, или иной экономической деятельности.

Таким образом, законодатель фактически определил круг субъектов предпринимательской деятельности для целей уголовного судопроизводства, включив в него:

- индивидуальных предпринимателей – при совершении преступления в связи с осуществлением предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим им имуществом;

-членов органов управления коммерческих организаций – при совершении преступления в связи с осуществлением полномочий по управлению организацией или в связи с предпринимательской (иной экономической) деятельностью организации.

Важный вопрос касается лиц, которые хотя и не занимают формально руководящей должности, но фактически осуществляют управленческие полномочия. Лицо, нанятое на позицию заместителя генерального директора, предполагающую ответственность за целое направление деятельности компании и обладающее доверенностью на заключение широкого спектра сделок, также является субъектом предпринимательской деятельности, поскольку участвует в процессе принятия принципиальных организационных решений. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 18 ноября 2004 г. № 23 также указал, что субъектом преступления, предусмотренного статьей 171 УК РФ, может быть не только лицо, имеющее статус индивидуального предпринимателя, но и лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность без государственной регистрации, а также лицо, на которое были возложены обязанности по руководству организацией, или лицо, фактически выполняющее обязанности или функции руководителя организации[1].

Особенности производства по уголовным делам в отношении субъектов предпринимательской деятельности рассеяны по различным нормам УПК РФ и УК РФ. Основные из них можно систематизировать следующим образом.

Часть 1.1 статьи 108 УПК РФ устанавливает запрет на заключение под стражу в качестве меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ст. 159–159.3, 159.5, 159.6, 160, 165 УК РФ, если эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности (за исключением случаев, предусмотренных пунктами 1–4 части 1 статьи 108 УПК РФ).

Часть 2 статьи 99 УПК РФ предусматривает обязательное рассмотрение возможности избрания такой меры пресечения, которая позволит продолжить осуществление предпринимател-

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.11.2004 № 23 (ред. от 07.07.2015) «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» // СПС КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_50363/

ской деятельности и (или) управление принадлежащим имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности (за исключением изъятого или арестованного имущества), либо деятельности по осуществлению полномочий по управлению организацией.

Часть 4.1 статьи 164 УПК РФ устанавливает, что при производстве следственных действий не допускается необоснованное применение мер, которые могут привести к приостановлению законной деятельности юридических лиц или индивидуальных предпринимателей. Ст. 164.1 УПК РФ регламентирует особенности проведения следственных действий по делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности.

Статья 76.1 УК РФ и корреспондирующая ей статья 28.1 УПК РФ устанавливают специальное основание освобождения от уголовной ответственности для лиц, впервые совершивших преступление в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, при условии полного возмещения причинённого ущерба и перечисления в федеральный бюджет денежного возмещения. Размер денежного возмещения составляет двукратную сумму причиненного ущерба.

Несмотря на введение пунктов 27.1 и 27.2 в статью 5 УПК РФ, самостоятельное определение понятия «субъект предпринимательской деятельности» в уголовно-процессуальном законе по-прежнему отсутствует. Законодатель, определив преступления, совершённые в связи с предпринимательской деятельностью, не дал дефиниции самого субъекта. Это порождает проблему, при которой правоприменитель вынужден обращаться к нормам Гражданского кодекса РФ, подходы которого не вполне могут быть восприняты в уголовном процессе.

Признаков, указанных в ГК РФ, недостаточно для применения их в уголовном процессе. В частности, неясно, как быть в случае, когда лицо осуществляло деятельность, связанную с получением прибыли не самостоятельно, а с привлечением иных лиц, либо деятельность, направленную на эпизодическое получение прибыли. Лицо может получать прибыль в результате использования объектов интеллектуальной собственности, но согласно статье 2 ГК РФ оно не будет являться субъектом предпринимательской деятельности.

По аналогии с производством в отношении несовершеннолетних (гл. 50 УПК РФ) и производством в отношении специальных субъектов (гл. 52 УПК РФ), ключевые нормы, регулирующие особенности производства в отношении субъектов предпринимательской деятельности, целесообразно выделить в отдельную главу УПК РФ.

В предлагаемой главе, которая могла бы называться «Производство по уголовным делам в отношении предпринимателей и иных лиц в связи с осуществлением ими предпринимательской или иной экономической деятельности», должны быть детализированы:

- критерий особого участника производства и категории преступлений;
- права лица, привлекаемого к судопроизводству на стадии возбуждения уголовного дела;
- порядок производства следственных действий;
- процедура применения мер пресечения;
- принципы и порядок прекращения уголовных дел.

Самостоятельную сложность представляет разграничение предпринимательской и иной экономической деятельности. П. 27.2 ст. 5 УПК РФ упоминает «иную экономическую деятельность» коммерческой организации, не раскрывая содержания этого понятия. Это создает неопределённость при квалификации, особенно в случаях, когда деятельность организации носит смешанный характер.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о статусе руководителя некоммерческой организации, если в ее уставе наряду с основным видом деятельности предусмотрено решение задач предпринимательского характера для обеспечения внутреннего финансового поддержания основной деятельности. Действующие нормы УПК РФ не дают однозначного ответа на то, распространяются ли гарантии субъектов предпринимательской деятельности на таких руководителей.

Решение указанных проблем позволит обеспечить баланс между защитой прав предпринимателей от незаконного уголовного преследования и эффективностью уголовного судопроизводства, что в конечном счете будет способствовать созданию благоприятного делового и инвестиционного климата в Российской Федерации.

## Список использованных источников


1. Карханина А.А. Правовые основы статуса субъектов предпринимательской деятельности в уголовно-процессуальном законодательстве // Юридическая наука. 2021. №11. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-statusa-subektov-predprinimatelskoy-deyatelnosti-v-ugolovno-protsessualnom-zakonodatelstve (дата обращения: 28.09.2024).
2. Заседание коллегии Генеральной прокуроры Российской Федерации. Официальный сайт Президента Российской Федерации // URL: http://kremlin.ru/events/president/news/62998 (дата обращения 10.10.2024 г.).
3. Поздравление Президента Российской Федерации по случаю Дня работника прокуратуры 12 января 2023 года. Официальный сайт Президента Российской Федерации // URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/70341 (дата обращения 10.05.2024 г.).
4. Совещание судей судов общей юрисдикции, военных и арбитражных судов. 14 февраля 2023 года. Официальный сайт Президента Российской Федерации // URL: http://kremlin.ru/events/president/news/70510 (дата обращения 10.10.2023 г.).
5. Организация защиты прав субъектов предпринимательской деятельности в ходе расследования преступлений: монография / Е.А. Авдеева. М.: Русайнс, 2023.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016г. № 48 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» // СПС «КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207109/
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.11.2004 № 23 (ред. от 07.07.2015) «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» // СПС КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_50363/

**Стус Нина Владимировна,**
Доктор юридических наук, доцент
профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин
Северо-Кавказского филиала
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный университет
правосудия имени В.М. Лебедева»
ninastus@mail.ru

# Судебное толкование и права человека: баланс между законом и справедливостью

**Аннотация:** В данной статье исследуется сложный процесс судебного толкования, направленный на достижение справедливого баланса между правами человека и другими важными правовыми принципами. Автор анализирует роль судов в обеспечении соблюдения прав человека, а также вызовы, с которыми сталкиваются судьи при интерпретации норм права в контексте противоречивых интересов. Особое внимание уделяется методологиям, используемым при судебном толковании, и их влиянию на правоприменительную практику. В статье обсуждаются примеры из судебной практики, которые иллюстрируют различные подходы к разрешению конфликтов между индивидуальными правами и общественными интересами. Автор приходит к выводу о необходимости разработки более четких критериев для достижения справедливого баланса, а также подчеркивают важность судебного толкования как инструмента защиты прав человека в условиях изменяющегося социально-правового контекста.

**Ключевые слова:** толкование права, судебное толкование, права человека, закон, справедливость, интерпретация права.

Современное российское правоприменение переживает качественную трансформацию, обусловленную усиливающимся влиянием аксиологических факторов на процессы судебной интерпретации нормативно-правовых предписаний. Данное обстоятельство актуализирует исследование эпистемологических и методологических оснований судебного толкования, в контексте которой цен-

ностные императивы приобретают статус основополагающих детерминант правоприменительной деятельности. Особенную значимость указанная проблематика приобретает в условиях необходимости достижения оптимального баланса между формально-юридической определенностью нормативных установлений и императивами справедливости, составляющими аксиологическое ядро конституционно-правового регулирования.

Исследование феноменологии судебного толкования в контексте защиты фундаментальных прав и свобод человека предполагает комплексный анализ герменевтических процедур, осуществляемых органами правосудия при разрешении правовых коллизий и устранении нормативных лакун. Интерпретационная деятельность судебных инстанций представляет собой сложноструктурированный познавательный процесс, направленный на выявление подлинного содержания правовых норм посредством применения различных методологических подходов и герменевтических техник. Значимость данного процесса обусловлена тем обстоятельством, что далеко не все нормативные установления обладают требуемой степенью семантической определенности и лингвистической ясности, что обуславливает необходимость их дополнительной экспликации и концептуальной конкретизации.

Судебное толкование в российской правовой системе выполняет функцию обеспечения правовой стабильности и юридической определенности, способствуя адаптации фундаментальных конституционных принципов к динамично изменяющимся социальным реалиям и конкретным жизненным обстоятельствам. В условиях, когда законодательные установления могут не соответствовать актуальным потребностям общественного развития, интерпретационная деятельность органов правосудия становится ключевым инструментом, обеспечивающим элиминацию правовых пробелов и устранение нормативных неопределенностей. Более того, судебное толкование способствует унификации правоприменительной практики, что приобретает чрезвычайную важность в условиях федеративного устройства Российского государства, характеризующегося территориальной протяженностью и этнокультурным многообразием.

Генезис методологических подходов к судебному толкованию в российской правовой традиции отражает эволюцию право-

вой системы и трансформацию концептуальных представлений о сущности и назначении судебно-правоприменительной деятельности. В дореволюционный период российской истории интерпретационная практика характеризовалась преимущественно казуистическим характером, что существенно изменилось после Октябрьской революции, когда право стало рассматриваться в качестве инструмента государственного управления и социального контроля. Советский период развития отечественной правовой системы характеризовался подчинением судебного толкования идеологическим задачам, что ограничивало самостоятельность интерпретационной деятельности судебных органов. Вместе с тем, именно в этот период начали формироваться основы для системного и телеологического толкования, которые получили дальнейшее развитие в постсоветской России.

Современный этап развития российского правосудия характеризуется активным развитием интерпретационной деятельности, обусловленным признанием принципа верховенства права и фундаментальных прав человека в качестве основополагающих ценностей правовой системы. Данное обстоятельство требует более глубокого и многоаспектного подхода к толкованию правовых норм, учитывающего не только их буквальное значение, но и аксиологическое содержание, заложенное в основу конституционно-правового регулирования. Интерпретационная деятельность органов правосудия представляет собой важнейший инструмент правоприменения, обеспечивающий гибкость и адаптивность правовой системы, внося значительный вклад в развитие и совершенствование правовой системы в целом.

Проблематика достижения оптимального баланса между формальными законодательными установлениями и принципами справедливости представляет собой центральную тему правовой теории и практики современного государства. Правовая система любого развитого государства основывается на нормативных актах, которые служат фундаментальной основой для регулирования многообразных общественных отношений. Однако законодательные установления не всегда способны охватить все возможные жизненные ситуации, что порождает антиномии между формальным их применением и аксиологическими императивами справедливости. Интеграция концепции справедливости в право-

вую материю требует всестороннего рассмотрения философско-правовых оснований, оказывающих влияние на процесс принятия судебных решений.

Справедливость в контексте правовой материи часто воспринимается в качестве морально-этического ориентира, способного корректировать формальные нормативные установления. Она может быть коррелирована с идеями равенства, объективности и беспристрастности в правоприменительной деятельности. В правовых системах различных государств концептуальное понимание справедливости может варьироваться, но повсеместно она играет ключевую роль в обеспечении легитимности правосудия и доверия общества к судебной системе. Антиномии между законодательными установлениями и принципами справедливости возникают в ситуациях, когда строгое применение нормативных предписаний может привести к неэквивалентным или несправедливым последствиям.

Конституционная герменевтика играет решающую роль в разрешении коллизий между законодательными установлениями и принципами справедливости. Органы конституционного правосудия могут использовать различные методологические подходы к толкованию, такие как телеологический, систематический или исторический, чтобы прийти к решению, которое будет соответствовать как букве закона, так и его духовно-ценностному содержанию. Основные аспекты справедливости в правовой материи включают равенство перед законом и судом, предполагающее, что все субъекты права должны обладать равными правами и обязанностями перед законом, независимо от их социального статуса, гендерной принадлежности, расовой или этнической принадлежности. Беспристрастность и объективность правоприменительной деятельности требуют, чтобы правоприменение и судебные решения были свободны от предвзятости и личных интересов. Пропорциональность правовых санкций предполагает, что наказания за правонарушения должны быть соразмерны тяжести совершенного деяния. Защита фундаментальных прав и свобод человека требует, чтобы законодательные установления защищали основные права и свободы человека, обеспечивая их соблюдение и восстановление в случае нарушения. Равный доступ к правосудию предполагает, что все граждане должны иметь возмож-

ность защитить свои права и интересы в судебном порядке без необоснованных препятствий.

Справедливость представляет собой имплицитный конституционный принцип, закрепленный в Конституции Российской Федерации[1] и содержательно дополняемый в ходе осуществления нормоконтроля. В результате принцип справедливости приобретает окончательную конституционализацию и статус конституционного принципа. Содержание принципа справедливости характеризуется динамичностью, междисциплинарностью и развивается в процессе конституционного правосудия. Это подтверждается конституционно-судебной практикой применения данного принципа к правовым отношениям различной отраслевой принадлежности:

– в гражданско-правовых отношениях в качестве критерия оценки допустимости ограничения экономических прав в публичных целях[2], снижения размера компенсации за нарушение интеллектуальных прав[3];

– в семейно-правовых отношениях как средство обеспечения равной государственной поддержки семей, имеющих детей[4];

– в трудовых отношениях справедливость служит основанием обеспечения права работника на выплату справедливой зара-

---

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Российская газета. 1993, 25 декабря; 2020, 4 июля.

[2] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11.11.2021 г. № 48-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, пункта 1 статьи 222 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 32 Федерального закона "О газоснабжении в Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина Ю.В. Тихонова"» // СЗ РФ. 2021. № 47. Ст. 7946.

[3] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28.10.2021 г. № 46-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью "Студия анимационного кино "Мельница"» // СЗ РФ. 2021. № 45. Ст. 7616.

[4] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29.06.2021 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности статьи 3 Федерального закона "О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей" в связи с запросом Конаковского городского суда Тверской области"» // СЗ РФ. 2021. № 28 (часть II). Ст. 5629.

ботной платы[1], критерием урегулирования индивидуального трудового спора об оспаривании увольнения работника[2];

– в административно-правовых отношениях справедливость используется для определения срока давности административного преследования и привлечения к ответственности[3];

– в уголовно-правовых отношениях справедливость выступает в качестве инструмента оценки дифференциации уголовной ответственности[4].

Категория справедливости в правовой науке находит свое отражение не только в результативном аспекте судопроизводства, но и в процессуальном измерении судопроизводства на всех его стадиях. Справедливость можно рассматривать в качестве телеологической цели судопроизводства. Несправедливость судебных решений влечет утрату доверия к органам, осуществляющим правосудие, со стороны граждан, что, в свою очередь, является одной из причин деструктивных социальных проявлений. По данным, которые приводит в своем исследовании А.М. Смирнов, около 75% россиян потенциально готовы совершить самосуд над обидчиком для защиты интересов своих и своей семьи[5]. Необходимо постоянно удерживать баланс интересов государства и гражданина и их взаимное доверие и уважение, как указывает А.В. Петрякова[6].

---

[1] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 06.10.2021 г. № 43-П «По делу о проверке конституционности части пятой статьи 157 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.А. Мининой» // СЗ РФ. 2021. № 42. Ст. 7200.

[2] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 03.06.2021 г. № 26-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 374 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е.К. Сергеевой» // СЗ РФ. 2021. № 24 (часть II). Ст. 4568.

[3] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21.07.2021 г. № 39-П «По делу о проверке конституционности положений части 2 статьи 2.1, части 2 статьи 2.2, части 1 статьи 4.5 и части 1 статьи 11.15.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью "Востокфлот"» // СЗ РФ. 2021. № 31. Ст. 5988.

[4] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24.05.2021 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 293 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р.В. Величенко» // СЗ РФ. 2021. № 22. Ст. 3914.

[5] Смирнов, А. М. Самосуд как индикатор деструктивных процессов в современном российском обществе // Психология и право. – 2020. – Т. 10, № 1. – С. 85.

[6] Петрякова, А. В. Правосудие как инструмент гармонизации интересов государства и гражданина / А. В. Петрякова // Научные труды. Российская академия юридических наук. Том Выпуск 20. – М.: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «Юрист», 2020. – С. 286.

Поскольку Российская Федерация представляет собой социальное государство, уравнивающая справедливость проявляет себя в том, что малоимущие, социально незащищенные граждане получают от государства дополнительную помощь для уравнивания их возможностей и социального положения по отношению к иным лицам. В уголовном судопроизводстве уравнивающая справедливость реализуется через предоставление бесплатной юридической помощи в случаях, установленных законодательством.

Рассматривая справедливость в качестве принципа судебной деятельности, следует отметить, что судебная деятельность организуется и ведется в соответствии с принципами, вытекающими из норм права, регулирующих эту деятельность. Однако данная установка, сформулированная рядом авторов[1], на наш взгляд, не в полной мере отражает сущность принципов судебной деятельности. Принципы судебной деятельности выражают политические, правовые и нравственные идеи, господствующие в обществе. Систематизируя их, Н.В. Федоренко выделяет принципы судоустройства и принципы судопроизводства, но принцип справедливости он относит к общеправовым принципам судебной деятельности, указывая, что им должны руководствоваться не только судебные, но и государственные органы вообще[2].

В настоящее время в поисках баланса между справедливостью и соблюдением прав человека Конституционный Суд Российской Федерации все чаще использует ценностный фактор как вектор в определении уровня обозначенного баланса.

Представляется необходимым в рамках настоящего исследования остановиться прежде всего на толковании права Конституционным Судом по следующим основаниям. Во-первых, конституционное правосудие играет центральную роль в обеспечении верховенства права и защиты фундаментальных прав и свобод человека. В условиях динамично меняющегося общества и усложняющихся социально-экономических отношений, судьи Конституционного Суда сталкиваются с необходимостью не только применять нормы права, но и учитывать те ценности, ко-

[1] См., например: Шадрин, Д. Н. Судебная деятельность: сущность, принципы // Пробелы в российском законодательстве. – 2011. – № 5. – С. 301.

[2] Федоренко, Н. В. Конституционные принципы организации и функционирования судебной власти Российского государства // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2020. – № 5 (120). – С. 85-87.

торые лежат в основе конституционных принципов. Во-вторых, ценностный фактор способствует более гибкой интерпретации конституционных норм, что позволяет адаптировать их к новым вызовам времени. Это особенно важно в контексте глобализации, технологического прогресса и трансформации общественных отношений, которые требуют от правовой системы большей адаптивности и современности. При этом ценностный подход помогает преодолеть формализм и буквальное толкование правовых норм. В-третьих, исследование ценностного фактора в конституционном правосудии способствует укреплению доверия общества к судебной системе. Граждане ожидают, что суды будут не только справедливо применять закон, но и принимать решения, которые соответствуют общепризнанным моральным и этическим нормам. Это повышает легитимность судебных решений и способствует формированию правосознания граждан.

Н.В. Витрук в своей монографии «Верность Конституции» обосновывал, что основополагающим принципом конституционной интерпретации является учет общечеловеческих ценностей в их динамической иерархии и взаимодействии. По мнению ученого, такие ценности как достоинство личности, свобода, справедливость и равенство не имеют абсолютной и неизменной иерархии, а их приоритетность определяется конкретными обстоятельствами дела, особенностями ценностных конфликтов, общественным мнением и культурными традициями. Особенно сложной задачей Н.В. Витрук считал разрешение коллизий между конституционными ценностями в реальных жизненных ситуациях, что требует от Конституционного Суда РФ поиска баланса между конкурирующими интересами в процессе правоприменительной деятельности[1].

Для иллюстрации ценностно-ориентированной судебной интерпретации права обратимся к актуальной конституционно-судебной практике. Так, Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 октября 2024 г. № 49-П[2] по вопросу

[1] Витрук, Н.В. Верность Конституции: монография / Н.В. Витрук. – 2-е изд. – М.: РГУП, 2016. – 272 с.

[2] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31.10.2024 г. № 49-П «По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда» // СЗ РФ. 2024. № 46. Ст. 7029.

применения исковой давности к антикоррупционным искам прокуратуры демонстрирует приоритизацию аксиологического содержания противодействия коррупции над формальными цивилистическими принципами. Суд обосновал исключение из общих правил исковой давности многоаспектностью негативного воздействия коррупции как социального явления, подрывающего справедливость и равенство. Аргументация построена на ценностной иерархизации: защита конституционного строя и предотвращение сращивания публичной власти с криминалом превалируют над традиционными принципами гражданского права, включая стабильность правоотношений через институт давности.

Постановление от 18 июля 2024 г. № 38-П[1] относительно обращения с безнадзорными животными демонстрирует конфликт между дискреционными полномочиями законодателя и гуманистическими ценностями. Признавая компетенцию субъектов Российской Федерации в сфере совместного ведения, высший судебный орган конституционного контроля одновременно апеллировал к конституционной преамбуле о «вере в добро и справедливость», указывая на моральную ответственность человека за судьбу живых существ, способных испытывать страдания. Данная позиция отражает эволюцию правосознания в направлении расширения сферы конституционно-значимых ценностей за пределы традиционных антропоцентрических представлений.

Предметом Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 11 февраля 2025 г. № 6-П[2] стало заявление М. Щаниковой, которая оспаривала положения Закона «О страховых пенсиях» в части отказа назначения пенсии по случаю кормильца детям, родившимся после смерти отца с использованием технологий постмортальной репродукции как противоречащие статьям 7, 19 (части 1 и 2), 38 (части 1 и 2) и 39 (часть 1) Конституции Российской Федерации, поскольку лишают детей, зачатых с ис-

---

[1] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18.07.2024 г. № 38-П «По делу о проверке конституционности части 4 статьи 7, абзаца первого части 1 и части 7 статьи 18 Федерального закона "Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" в связи с запросом Верховного Суда Республики Бурятия» // СЗ РФ. 2024. № 30. Ст. 4443.

[2] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11.02.2025 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности частей 1 и 3 статьи 10 Федерального закона "О страховых пенсиях" в связи с жалобой гражданки М.Ю. Щаниковой» // СЗ РФ. 2025. № 7. Ст. 694.

пользованием вспомогательных репродуктивных технологий после смерти родителя, права на получение страховой пенсии по случаю потери кормильца, а также устанавливают не обусловленные объективными причинами различия между детьми, рожденными до или после истечения трехсот дней с момента смерти родителя, хотя и те и другие дети не находились на иждивении этого родителя при его жизни.

Как указано в данном Постановлении, признавая необходимость государственной поддержки материнства, отцовства и детства, Конституция Российской Федерации предполагает создание для соответствующих категорий граждан условий, направленных на обеспечение им достойного уровня жизни. Подобная поддержка требует наличия правовых механизмов, которые обеспечивали бы институту семьи эффективную защиту, адекватную целям социальной и экономической политики страны на конкретно-историческом этапе, уровню экономического развития и финансовым возможностям государства. Это соотносится с Конституцией Российской Федерации, гарантирующей каждому социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом.

В соответствии с действующими нормами уголовного и гражданского процессуальных кодексов суды различных уровней не могут сослаться на «справедливость и веру в добро» как основания для принятия решения, но позиции Конституционного Суда Российской Федерации являются векторами официального толкования права, которыми могут и должны руководствоваться суды различных уровней.

Анализ современной практики конституционного правосудия в Российской Федерации свидетельствует о все более активном использовании ценностного фактора в качестве методологического инструмента для разрешения сложных правовых коллизий и достижения баланса между конкурирующими интересами. Данная тенденция отражает объективную потребность в адаптации правовой системы к изменяющимся социальным реалиям и обеспечении соответствия судебных решений не только букве закона, но и его духу, воплощенному в фундаментальных конституционных ценностях. Ценностно-ориентированный подход к толкованию права

позволяет Конституционному Суду Российской Федерации выходить за рамки формального юридического позитивизма и учитывать широкий спектр социальных, этических и культурных факторов при принятии решений.

Перспективы дальнейшего развития ценностного подхода в российском конституционном правосудии связаны с необходимостью разработки более четких методологических критериев для определения иерархии конституционных ценностей в различных правовых ситуациях. Это требует углубленного теоретического осмысления природы ценностных конфликтов и создания эффективных механизмов их разрешения. Важным направлением развития является также формирование единообразной судебной практики применения ценностного подхода судами различных уровней, что будет способствовать обеспечению правовой определенности и предсказуемости судебных решений.

Таким образом, ценностный фактор в современном российском конституционном правосудии представляет собой не просто дополнительный инструмент толкования права, но фундаментальную методологическую основу для обеспечения справедливости и защиты конституционных ценностей в условиях динамично развивающегося общества. Дальнейшее совершенствование ценностно-ориентированного подхода к толкованию права будет способствовать укреплению доверия граждан к судебной системе и обеспечению

**Список использованных источников**

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Российская газета. 1993, 25 декабря; 2020, 4 июля.

2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24.05.2021 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 293 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р.В. Величенко» // СЗ РФ. 2021. № 22. Ст. 3914.

3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 03.06.2021 г. № 26-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 374 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е.К. Сергеевой» // СЗ РФ. 2021. № 24 (часть II). Ст. 4568.

4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29.06.2021 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности статьи 3 Федерального закона "О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей" в связи с запросом Конаковского городского суда Тверской области"» // СЗ РФ. 2021. № 28 (часть II). Ст. 5629.

5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21.07.2021 г. № 39-П «По делу о проверке конституционности положений части 2 статьи 2.1, части 2 статьи 2.2, части 1 статьи 4.5 и части 1 статьи 11.15.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью "Востокфлот"» // СЗ РФ. 2021. № 31. Ст. 5988.

6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 06.10.2021 г. № 43-П «По делу о проверке конституционности части пятой статьи 157 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.А. Мининой» // СЗ РФ. 2021. № 42. Ст. 7200.

7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28.10.2021 г. № 46-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью "Студия анимационного кино "Мельница"» // СЗ РФ. 2021. № 45. Ст. 7616.

8. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11.11.2021 г. № 48-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, пункта 1 статьи 222 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 32 Федерального закона "О газоснабжении в Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина Ю.В. Тихонова"» // СЗ РФ. 2021. № 47. Ст. 7946.

9. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18.07.2024 г. № 38-П «По делу о проверке конституци-

онности части 4 статьи 7, абзаца первого части 1 и части 7 статьи 18 Федерального закона "Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" в связи с запросом Верховного Суда Республики Бурятия» // СЗ РФ. 2024. № 30. Ст. 4443.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31.10.2024 г. № 49-П «По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда» // СЗ РФ. 2024. № 46. Ст. 7029.

10. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11.02.2025 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности частей 1 и 3 статьи 10 Федерального закона "О страховых пенсиях" в связи с жалобой гражданки М.Ю. Щаниковой» // СЗ РФ. 2025. № 7. Ст. 694.

11. Витрук, Н. В. Верность Конституции: монография / Н. В. Витрук. – 2-е изд. – М.: РГУП, 2016. – 272 с.

12. Организация и деятельность судов общей юрисдикции: новеллы и перспективы / В. П. Кашепов, А. А. Гравина, О. В. Макарова [и др.]. – М.: Юридическая фирма «Контракт», 2016. – 240 с.

13. Петрякова, А. В. Правосудие как инструмент гармонизации интересов государства и гражданина / А. В. Петрякова // Научные труды. Российская академия юридических наук. Том Выпуск 20. – М.: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «Юрист», 2020. – С. 284-287.

14. Смирнов, А. М. Самосуд как индикатор деструктивных процессов в современном российском обществе / А. М. Смирнов // Психология и право. – 2020. – Т. 10, № 1. – С. 84-91.

15. Федоренко, Н. В. Конституционные принципы организации и функционирования судебной власти Российского государства / Н. В. Федоренко // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2020. – № 5 (120). – С. 85-87.

16. Шадрин, Д. Н. Судебная деятельность: сущность, принципы / Д. Н. Шадрин // Пробелы в российском законодательстве. – 2011. – № 5. – С. 298-302.

**Стус Ангелина Алексеевна**
Кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры международного права
Северо-Кавказского филиала
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный университет
правосудия имени В.М. Лебедева»

# Искусственный интеллект в правовой интерпретации: возможности и вызовы

**Аннотация:** В данной статье рассматриваются возможности и вызовы использования искусственного интеллекта (ИИ) в правовых интерпретациях. Анализируются технологические возможности ИИ в области права, включая автоматизацию юридических процессов и анализ правовых текстов. Рассматриваются преимущества внедрения ИИ, такие как повышение эффективности и снижение вероятности ошибок. Также обсуждаются этические и правовые вызовы, связанные с использованием ИИ, и предлагаются механизмы их преодоления. В заключении рассматриваются перспективы развития ИИ в праве и его влияние на будущую правовую практику.

**Ключевые слова:** толкование права, искусственный интеллект, юридический процесс, судебная практика, интерпретация права.

Технологические возможности искусственного интеллекта (далее – ИИ) в толковании права, юридической технике и правовых интерпретациях становятся все более актуальными в эпоху цифровой трансформации. В последние годы ИИ значительно продвинулся в обработке и анализе правовых текстов, что открывает новые горизонты для юридической практики.

Применение ИИ в анализе правовых текстов позволяет существенно ускорить обработку больших объемов информации. Машинное обучение и обработка естественного языка дают возможность системам ИИ извлекать ключевые данные из правовых документов, такие как контракты, судебные решения и законодательные акты. Это позволяет юристам сосредоточиться на более сложных аналитических задачах, таких как формулирование

стратегии защиты или разработки законодательных инициатив вместо того, чтобы тратить время на рутинные задачи.

Автоматизация юридических процессов с использованием ИИ также позволяет оптимизировать работу юридических фирм и корпоративных отделов. Например, системы автоматизированного документооборота могут значительно сократить время, затрачиваемое на составление и проверку документов. Кроме того, ИИ может быть использован для прогнозирования исходов судебных дел, что может помочь в принятии стратегических решений.

Успешные примеры внедрения ИИ в юридическую практику уже существуют. Так, в некоторых странах реализуются проекты по созданию «виртуальных юристов», которые с помощью алгоритмов ИИ могут предоставлять консультации по типовым вопросам. В крупных юридических фирмах ИИ используется для проведения *due diligence*, что позволяет значительно снизить временные и финансовые затраты[1].

Применение искусственного интеллекта в толковании права в России находится на стадии активного развития, и уже имеются несколько примеров его успешного использования.

***1. Системы автоматизированного анализа судебной практики.*** Некоторые российские компании разрабатывают программное обеспечение на базе ИИ, которое помогает юристам анализировать судебные решения. Такие системы могут быстро искать и обрабатывать данные по аналогичным делам, что упрощает подготовку к судебным разбирательствам и помогает прогнозировать их исходы.

***2. Консультационные чат-боты.*** В России разрабатываются чат-боты, которые используют алгоритмы ИИ для предоставления первичных юридических консультаций. Эти боты могут отвечать на простые вопросы пользователей, касающиеся, например, прав потребителей или трудового законодательства.

***3. Автоматизация договорной работы.*** Системы, использующие ИИ, помогают в автоматизации составления и анализа договоров. Они могут выявлять потенциальные риски и несоответствия в документах, что значительно сокращает время проверки и снижает вероятность ошибок.

---

[1] См.: Долгова, И. В. Использование AI-маркетинга в деятельности юридических фирм // Вестник экспертного совета. – 2025. – № 1 (40). – С. 63-68.

***4. Анализ нормативных актов.*** ИИ применяется для анализа законодательства и выявления изменений в правовых нормах. Это помогает юристам оставаться в курсе последних изменений и корректировать свои стратегии в соответствии с актуальными требованиями.

***5. Прогнозирование судебных решений.*** Некоторые проекты направлены на создание систем, способных предсказывать вероятный исход судебных дел на основе анализа предыдущих решений и текущей правоприменительной практики.

Эти примеры иллюстрируют потенциал ИИ в области права в России. Однако, важно отметить, что его применение требует учета правовых и этических аспектов, таких как защита персональных данных.

В России активно развиваются технологии, позволяющие проводить анализ правовых текстов с использованием ИИ. Например, системы машинного обучения и обработки естественного языка применяются для извлечения ключевых данных из судебных решений и нормативных актов. Одним из примеров является система «Судебная аналитика», которая позволяет юристам анализировать судебную практику по аналогичным делам. Система может быстро находить релевантные решения и формировать аналитические отчеты, что значительно ускоряет подготовку к судебным процесса[1].

Автоматизация юридических процессов с использованием ИИ также находит свое применение в России. Одним из примеров является внедрение систем автоматизированного документооборота в крупных юридических фирмах и корпоративных юридических отделах. Такие системы позволяют автоматизировать рутинные задачи, такие как составление и проверка договоров. Например, компания «КонсультантПлюс» предлагает решения, которые помогают юристам автоматически обновлять правовые базы данных и отслеживать изменения в законодательстве.

Один из успешных примеров внедрения ИИ в юридическую практику – это использование чат-ботов для предоставления юридических консультаций. Такие чат-боты, как «Правобот»,

[1] См.: Иванова, А. П. Цифровые технологии в юридической деятельности: гиперреализм, правовая эволюция и развитие судебной аналитики // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. – Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. – 2024. – № 4. – С. 55-68.

способны отвечать на стандартные вопросы пользователей, касающиеся различных правовых ситуаций, таких как защита прав потребителей или трудовые споры. Это позволяет разгрузить юристов от рутинных задач и сконцентрироваться на более сложных делах.

Еще один пример – разработка платформы «Сбербанк.Юрист», которая применяет алгоритмы ИИ для автоматизации работы с юридическими документами[1]. Эта платформа позволяет не только составлять и проверять документы, но и анализировать их на наличие рисков и несоответствий, что снижает вероятность ошибок и повышает общую эффективность работы[2].

Но важно помнить, что использование ИИ в правовой сфере требует внимательного подхода к вопросам этики и защиты данных, что является важным направлением для дальнейших исследований и разработок.

Вместе с тем, существует целый ряд проблем применения ИИ в юриспруденции. Одним из ключевых вызовов является проблема доверия к решениям, принятым ИИ. Юридическая сфера характеризуется сложными морально-этическими вопросами, которые часто требуют субъективной оценки. Решения, основанные на алгоритмах, могут быть восприняты как недостаточно прозрачные или несправедливые. Например, использование ИИ в системе условно-досрочного освобождения может вызывать сомнения, если алгоритм будет необъективно оценивать риск рецидива, основываясь на недостаточно ясных или предвзятых данных.

Также остается нерешенным вопрос юридической ответственности за решения, принятые ИИ. В случае ошибки или неправомерного решения, трудно определить, кто должен нести ответственность – разработчики алгоритма, пользователи или организации, использующие ИИ. Например, если ИИ дает ошибочную рекомендацию адвокату, которая приводит к неблагоприятному исходу дела, ответственность может быть размытой.

Алгоритмы ИИ могут непреднамеренно закреплять и усиливать существующие противоречия, коллизии, пробелы и неточности. Если данные, на которых обучается модель, содержат си-

[1] Архиереев, Н. В. Влияние искусственного интеллекта на профессию юриста // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 4 (78). – С. 138.

[2] См.: Хуноян, А. С. Моделирование применения технологии искусственного интеллекта в судебной системе // Правовая информатика. – 2022. – № 4. – С. 76-86.

стемные предвзятости, это может привести к несправедливым результатам. Например, системы прогнозирования правонарушений, основанные на исторических данных, могут неправильно интерпретировать и усиливать социальные предвзятости, что приведет к дискриминации определенных групп.

Такие программы как «LegalZoom», автоматизируют создание юридических документов. Однако использование стандартных шаблонов может привести к ошибкам, если не учитывать специфику каждого отдельного случая.

Платформы, которые автоматически анализируют и оценивают риски в контрактах, могут упустить уникальные условия или специфику контекста, что приведет к юридическим последствиям.

Интеграция ИИ в юридическую сферу требует тщательного подхода к разработке и внедрению технологий, обеспечивающего прозрачность, ответственность, а также защиту данных. Необходимо также учитывать этические аспекты и возможные социальные последствия, чтобы предотвратить возникновение несправедливости и укрепить доверие к использованию ИИ в правовой системе.

В заключении хочется отметить, что, несмотря на все преимущества автоматизации, ИИ не способен полностью заменить человека в правовой сфере. Моральные и этические суждения, которые часто встречаются в юридических делах, требуют человеческого участия. Юристы должны быть готовы оценивать не только фактические обстоятельства, но и учитывать контекст, нюансы и человеческие эмоции, что пока не под силу ИИ.

Принятие законодательства, регулирующего использование ИИ в правовой сфере, представляется необходимым шагом для обеспечения справедливости и защиты прав всех участников юридического процесса. Это позволит не только минимизировать риски и укрепить доверие к ИИ, но и создать основу для его ответственного и эффективного использования в будущем. Развитие ИИ в праве должно сопровождаться четкими правовыми рамками, которые обеспечат баланс между инновациями и соблюдением правовых и этических норм.

## Список использованных источников

1. Архиереев, Н. В. Влияние искусственного интеллекта на профессию юриста / Н. В. Архиереев // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 4 (78). – С. 134-143.

2. Долгова, И. В. Использование AI-маркетинга в деятельности юридических фирм / И. В. Долгова // Вестник экспертного совета. – 2025. – № 1 (40). – С. 63-68.

3. Иванова, А. П. Цифровые технологии в юридической деятельности: гиперреализм, правовая эволюция и развитие судебной аналитики / А. П. Иванова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. – Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. – 2024. – № 4. – С. 55-68.

4. Хуноян, А. С. Моделирование применения технологии искусственного интеллекта в судебной системе / А. С. Хуноян // Правовая информатика. – 2022. – № 4. – С. 76-86.

*Научное издание*

# ТОЛКОВАНИЕ ПРАВА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

## Сборник научных статей

Статьи публикуются в авторской редакции

Технический редактор – О.Я. Фоменко
Компьютерная верстка – М.Н. Гусева
Дизайн обложки – М.Б. Жаренко

Подписано в печать 29.09.2026
Бумага офсетная
Печ. л. 9,63
Усл. печ. л. 8,95
Уч.-изд. л. 8,06

Формат 60×84 $^{1}/_{16}$
Печать трафаретная
Изд. № 1464
Тираж 50 экз.
Заказ № 2692

ООО «Издательский Дом – Юг»
350010, г. Краснодар, ул. Зиповская 9, литер «Г», оф. 41/3
тел. +7(918) 41-50-571

e-mail: id-yug@id-yug.com Сайт: https//id-yug.com